

ЛИТЕРАТУРА

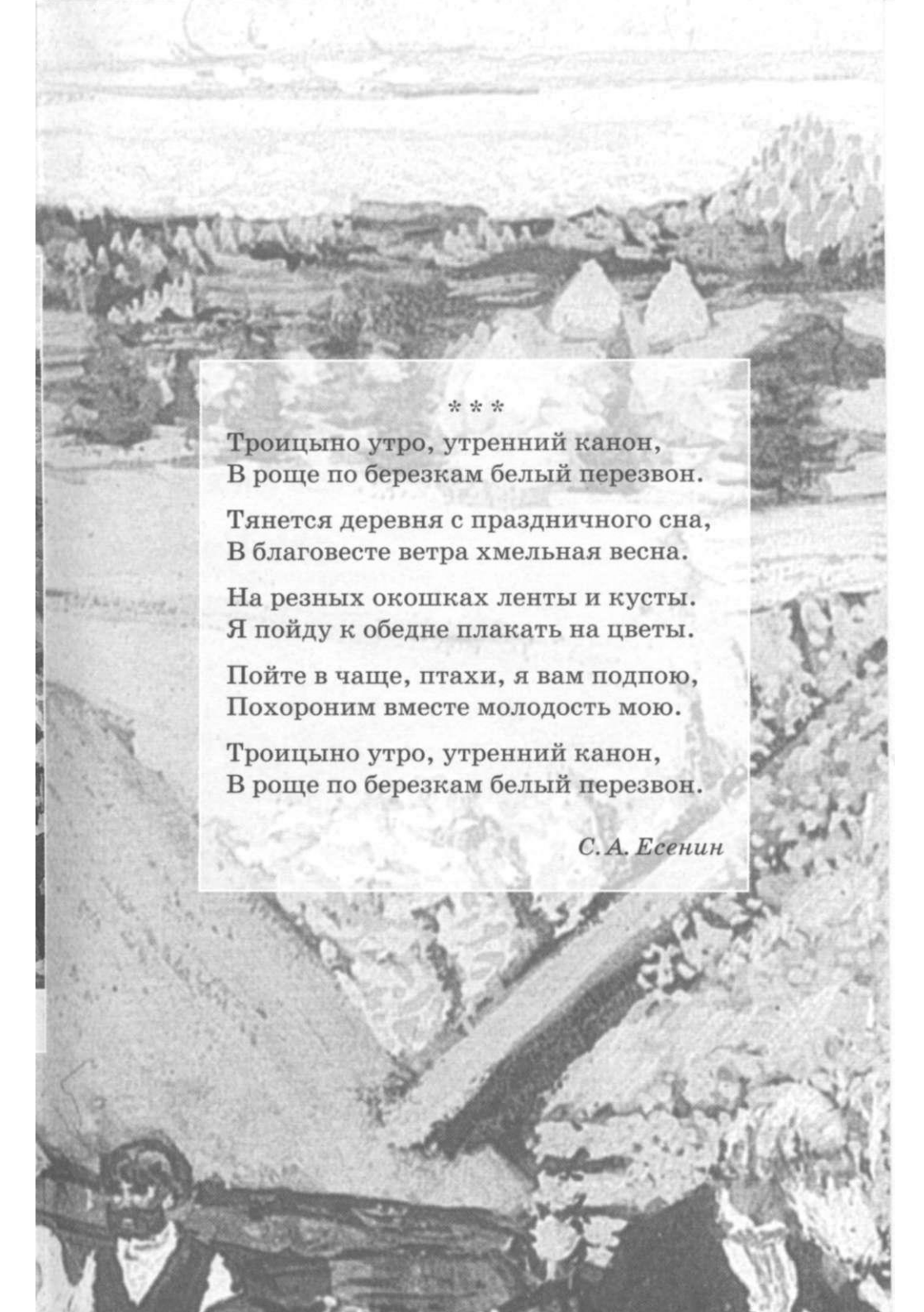
ЧАСТЬ 2

6

ПРОСВЕЩЕНИЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Б. М. Кустодиев. «Праздник в деревне». Фрагмент. 1907

* * *

Троицыно утро, утренний канон,
В роще по березкам белый перезвон.

Тянется деревня с праздничного сна,
В благовесте ветра хмельная весна.

На резных окошках ленты и кусты.
Я пойду к обедне плакать на цветы.

Пойте в чаще, птицы, я вам подпою,
Похороним вместе молодость мою.

Троицыно утро, утренний канон,
В роще по березкам белый перезвон.

С. А. Есенин

ЛИТЕРАТУРА

6 КЛАСС

Учебник

для общеобразовательных
учреждений

В двух частях

Часть 2

Под редакцией В. Я. Коровиной

Рекомендовано

Министерством образования и науки
Российской Федерации

17-е издание, переработанное

Москва «Просвещение» 2010

УДК 373.167.1:82

ББК 83.3я72

Л64

Авторы:

В. П. Полухина

В. Я. Коровина

В. П. Журавлёв

В. И. Коровин

На переплёте — фрагмент репродукции картины
И. И. Левитана «После дождя. Плёс» (1889)

*На учебник получены положительные заключения
Российской академии наук и Российской академии
образования (письмо Министерства образования
и науки РФ № 03-2318 от 15.11.2006)*

Литература. 6 класс. Учеб. для общеобразоват. учре-
Л64 ждений. В 2 ч. Ч. 2 / [В. П. Полухина, В. Я. Коровина,
В. П. Журавлёв, В. И. Коровин]; под ред. В. Я. Ко-
ровиной. — 17-е изд., перераб. — М. : Просвещение,
2010. — 335 с. : ил. — ISBN 978-5-09-020823-9.

УДК 373.167.1:82.0

ББК 83.3я72

ISBN 978-5-09-020823-9(2)
ISBN 978-5-09-020822-2(общ.)

© Издательство «Просвещение»,
2001, 2004, 2006, 2010,

с изменениями
© Художественное оформление.
Издательство «Просвещение»
1997, 2003, 2006
Все права защищены

Произведения русских писателей XX века

Мощь, мудрость и красота литературы открываются во всей своей широте только перед человеком просвещённым и знающим.

К. Г. Паустовский

Александр Степанович
Грин

1880—1932

А. С. Грин (настоящая фамилия — Гриневский) родился в городе Слободском Вятской губернии. Детство и юность он провёл в Вятке. Отец его, польский дворянин, оказался в Вятке после ссылки за участие в польском восстании. Там он служил в разных должностях и на разных работах — был и помощником управляющего пивным заводом, и счетоводом в земской больнице. Мать умерла, когда мальчику было 12 лет. Мачеха не любила пасынка, и отношения его с родными не сложились. Мальчик вообще отличался трудным, угрюмым и нелюдимым характером. Он был почти начисто лишён практической смётки и чувства реальности.

Начальное образование Грин получил дома. Затем его отдали в Вятское земское реальное училище. Учился он средне: успевал по гуманитарным наукам и не успевал по точным — математике и др. За дурной проступок Грин был исключён из реального училища. Его перевели в другое училище, но какого-либо специального образования он так и не получил. Неуспехи в науках Грин восполнял усердным чтением. В это время он много читал, главным образом фантастику и приключенческую литературу. Его воображение рисовало ему дальние страны, загадочные берега, морские просторы. Ему захотелось путешествовать, и он попытался стать моряком. Из родительского дома в 16 лет он убежал в Одессу, устроился на судно, ушёл в плавание и... подвергся беспощадным насмешкам всей судовой команды. За скандал с капитаном он был списан на берег. Все считали его неудачником, да, пожалуй, и он чувствовал себя таким. В эти годы он, кроме матросской, перепробовал много профессий: писца, банщика, рыбака в артели, дровосека, сплавщика, рабочего золотоносных приисков. Менялись работы, менялись и города — из Одессы Грин возвратился в Вятку, потом уехал в Баку, затем скитался по диким углам Урала и в конце концов оказался в Пензе. По собственному желанию Грин пошёл в армию солдатом. Подчиняться воинской дисциплине ему не хотелось, да и служба была для него тяжёлой. Он сделал неудачную попытку дезертировать. Тогда же Грин познакомился с эсерами (партия социалистов-революционеров), которые помогли бежать из армии и перейти на нелегальное положение. В качестве члена эсеровской партии Грин снова изъездил всю Россию и за агитацию среди матросов и артиллеристов севастопольского гарнизона был арестован и просидел два года в крымских тюрьмах. Освободившись, Грин не прекратил пропагандистской деятельности, за что не однажды арестовывался и ссылался. В этот период

Грин живёт в разных городах России. После 1912 года он поселился в Петербурге. В 1920 году его призывали в Красную армию, в караульный полк. Там он заболел тифом и вышел из больницы истощённым, больным туберкулёзом, с совершенно расшатанным здоровьем, оказавшись без всяких средств к существованию. На помощь ему пришёл М. Горький. В 1924 году Грин переехал в Крым, жил сначала в Феодосии, затем в городе Старый Крым.

Первый рассказ Грина появился в печати в 1906 году. Известность пришла к нему несколько позже, когда был опубликован романтический рассказ «Остров Рено». Его героем стал матрос Тарт, волею судьбы оказавшийся на экзотическом острове. Там он наслаждался свободой и ради неё готов был навсегда оставить людское сообщество и даже совершить преступление. Так в творчество Грина вошла тема, которая навсегда останется для него главной, — тема свободной личности.

Наиболее глубокие и блестящие произведения Грина («Алые паруса», «Блистающий мир», «Золотая цепь», «Бегущая по волнам», «Джесси и Моргиана», «Дорога никуда», рассказы «Возвращение», «Крысолов», «Фанданго») возникнут после того, как писатель отойдёт от непосредственной гражданско-общественной деятельности и целиком посвятит себя творческому труду. Его герои — особые, романтически настроенные люди, исключительные натуры, которым было дано счастье делать чудеса. Часто они оказывались в чуждом им прозаическом мире, и тогда многие герои произведений Грина лишались светлого, оптимистического восприятия мира, в котором было так много трагического и непонятного. Но даже трагические мотивы в его произведениях не мешали Грину и в пятьдесят лет смотреть на мир глазами ребёнка, обладающего неиссякаемым любопытством, силой непосредственного восприятия и трепетной, отзывчивой ко всему хорошему и благородному, чуткой душой.

Вопросы и задания

1. Какие произведения А. С. Грина вы читали? Что вам было известно об этом писателе? Что узнали о нём нового из статьи в учебнике?
 2. Грин часто сетовал: «Я чувствовал себя стеснённым, чужим здесь, как везде». Константин Паустовский свидетельствовал, что в произведениях писатель «остался верен своему внутреннему миру». Как вы понимаете эти высказывания?
 3. При всех сложностях жизни Грин писал: «...никогда, ни при каких условиях я не оставляю, не покину моей родной земли, которую люблю верно и сильно». Что в его произведениях подтверждает эту мысль?
-

АЛЫЕ ПАРУСА

Феерия

Глава из феерии

I

Предсказание

Лонгрэн, матрос «Ориона», крепкого трёхсоттонного брига¹, на котором он прослужил десять лет и к которому был привязан сильнее, чем иной сын к родной матери, должен был, наконец, покинуть службу.

Это произошло так. В одно из его редких возвращений домой он не увидел, как всегда, — ещё издали, на пороге дома — свою жену Мери, всплёскивающую руками, а затем бегущую навстречу до потери дыхания. Вместо неё у детской кровати — нового предмета в маленьком доме Лонгрена — стояла взволнованная соседка.

¹ Бриг — двухмачтовое парусное судно с прямым парусным снаряжением на обеих мачтах.

«Алые паруса». Художники *В. Высоцкий, В. Власов*

— Три месяца я ходила за нею, старик, — сказала она, — посмотри на свою дочь.

Мертвея, Лонгрэн наклонился и увидел восьмимесячное существо, сосредоточенно взиравшее на его длинную бороду, затем сел, потупился и стал крутить ус. Ус был мокрый от дождя.

— Когда умерла Мери? — спросил он.

Женщина рассказала печальную историю, перебивая рассказ умиленным гульканием девочке и уверениями, что Мери в раю. Когда Лонгрэн узнал подробности, рай показался ему немного светлее дровяного сарая, и он подумал, что огонь простой лампы, будь теперь они все вместе, втроём, был бы для ушедшей в неведомую страну женщины незаменимой отрадой.

Месяца три назад хозяйственные дела молодой матери были совсем плохи. Из денег, оставленных Лонгренем, добрая половина ушла на лечение после трудных родов, на заботы о здоровье новорождённой; наконец, потеря небольшой, но необходимой для жизни суммы заставила Мери попросить в долг денег у Меннерса. Меннерс держал трактир-лавку и считался состоятельным человеком.

Мери пошла к нему в шесть часов вечера. Около семи рассказчица встретила её на дороге к Лиссу. Заплаканная и расстроенная, Мери сказала, что идёт в город заложить обручальное кольцо. Она прибавила, что Меннерс соглашался дать денег, но требовал за это любви. Мери ничего не добилась.

— У нас в доме нет даже крошки съестного, — сказала она соседке. — Я схожу в город, и мы с девочкой перебьёмся как-нибудь до возвращения мужа.

В этот вечер была холодная, ветреная погода; рассказчица напрасно уговаривала молодую женщину не ходить в Лисс к ночи. «Ты промокнешь, Мери, накрапывает дождь, а ветер, того и гляди, принесёт ливень».

Взад и вперёд от приморской деревни в город составляло не менее трёх часов скорой ходьбы, но Мери не послушалась советов рассказчицы. «Довольно мне колоть вам глаза, — сказала она, — и так уж нет почти ни одной семьи, где я не взяла бы в долг хлеба, чаю или муки. Заложу колечко, и **кончено**». Она сходила, вернулась, а на другой день слегла в жару и бреду; непогода и вечерняя изморозь сразили её двусторонним воспалением лёгких, как сказал городской врач, вызванный добросердечной рассказчицей. Через неделю на двупальной кровати Лонгрена осталось пустое место, а соседка переселилась в его дом нянчить и кормить девочку. Ей, одинокой

вдове, это было не трудно. «**К** тому же, — прибавила она, — без такого несмышлёныша **скучно**».

Лонгрэн поехал в город, взял расчёт, простился с товарищами и стал растить маленькую **Ас-соль**. Пока девочка не научилась твёрдо ходить, вдова жила у матроса, заменяя сиротке мать, но лишь только **Ассоль** перестала падать, заносая ножку через порог, Лонгрэн решительно объявил, что теперь он будет сам всё делать для девочки, и, поблагодарив вдову за деятельное сочувствие, зажил одинокой жизнью вдовца, сосредоточив все помыслы, надежды, любовь и воспоминания на маленьком существе.

Десять лет скитальческой жизни оставили в его руках очень немного денег. Он стал работать. Скоро в городских магазинах появились его игрушки — искусно сделанные маленькие модели лодок, катеров, однопалубных и двухпалубных парусников, крейсеров, пароходов — словом, того, что он близко знал, что в силу характера работы отчасти заменяло ему грохот портовой жизни и живописный труд плаваний. Этим способом Лонгрэн добывал столько, чтобы жить в рамках умеренной экономии. Малообщительный по натуре, он после смерти жены стал ещё замкнутее и нелюдимее. По праздникам его иногда видели в трактире, но он никогда не присаживался, а торопливо выпивал за стойкой стакан водки и уходил, коротко бросая по сторонам: «да», «нет», «здравствуйте», «прощай», «помаленьку» — на все обращения и кивки соседей. Гостей он не выносил, тихо спроваживая их не силой, но такими намеками и вымышленными обстоятельствами, что посетителю не оставалось ничего иного, как выдумать причину, не позволяющую сидеть дольше. Сам он тоже не посещал никого; таким образом, меж ним и земляками легло холодное отчужде-

ние, и будь работа Лонгрена — игрушки — менее независима от дел деревни, ему пришлось бы ощутительно испытать на себе последствия таких отношений. Товары и съестные припасы он закупал в городе — Меннерс не мог бы похвастаться даже коробкой спичек, купленной у него Лонгреном. Он делал также сам всю домашнюю работу и терпеливо проходил не свойственное мужчине сложное искусство ращения девочки.

Ассоль было уже пять лет, и отец начинал всё мягче и мягче улыбаться, поглядывая на её нервное, доброе личико, когда, сидя у него на коленях, она трудилась над тайной застёгнутого жилета или забавно напевала матросские песни — дикие **рёвостишия**¹. В передаче детским голосом и не везде с буквой «р» эти песенки производили впечатление танцующего медведя, украшенного голубой ленточкой. В это время произошло событие, тень которого, павшая на отца, укрыла и дочь.

Была весна, ранняя и суровая, как зима, но в другом роде. Недели на три припал к холодной земле резкий береговой норд.

Рыбачьи лодки, повытащенные на берег, образовали на белом песке длинный ряд тёмных килей, напоминавших хребты громадных рыб. Никто не отваживался заняться промыслом в такую погоду. На единственной улице деревушки редко можно было увидеть человека, покинувшего дом; холодный вихрь, **нёсшийся** с береговых холмов в пустоту горизонта, делал «открытый **воздух**» суровой пыткой. Все трубы Каперны дымились с утра до вечера, трепля дым по крутым крышам.

Но эти дни норда выманивали Лонгрена из его маленького тёплого дома чаще, чем солнце, забра-

¹ *Рёвостишия* — словообразование А. Грина.

сывающее в ясную погоду море и Каперну покрывалами воздушного золота. Лонгрэн выходил на мостик, настланный по длинным рядам свай, где, на самом конце этого дощатого мола, подолгу курил раздуваемую ветром трубку, смотря, как обнажённое у берегов дно дымилось седой пеной, еле поспевающей за валами, грохочущий бег которых к чёрному, штормовому горизонту наполнил пространство стадами фантастических гривастых существ, несущихся в разнузданном, свирепом отчаянии к далёкому утешению. Стоны и шумы, завывающая пальба огромных взлётов воды и, казалось, видимая струя ветра, полосующего окрестность, — так силён был его ровный пробег — давали измученной душе Лонгрэна ту притуплённость, оглушённость, которая, низводя горе к смутной печали, равна действием глубокому сну.

В один из таких дней двенадцатилетний сын Меннерса Хин, заметив, что отцовская лодка бьётся под мостками о сваи, ломая борта, пошёл и сказал об этом отцу. Шторм начался недавно; Меннерс забыл вывести лодку на **песок**. Он немедленно отправился к воде, где увидел на конце мола спиной к нему стоявшего, куря, Лонгрэна. На берегу, кроме их двух, никого более не было. Меннерс прошёл по мосткам до середины, спустился в бешено плещущую воду и отвязал шкот; стоя в лодке, он стал пробираться к берегу, хватаясь руками за сваи. Вёсла он не взял, и в тот момент, когда, пошатнувшись, упустил схватиться за очередную сваю, сильный удар ветра швырнул нос лодки от мостков в сторону океана. Теперь, даже всей длиной тела, Меннерс не мог бы достичь самой ближайшей сваи. Ветер и волны, раскачивая, несли лодку в гибельный простор. Сознав положение, Меннерс хотел броситься в воду, чтобы плыть к берегу, но решение его запоздало,

так как лодка вертелась уже недалеко от конца мола, где значительная глубина воды и ярость валов обещали верную смерть. Меж Лонгреном и Меннерсом, увлекаемым в штормовую даль, было не больше десяти сажен ещё спасительного расстояния, так как на мостке под рукой у Лонгрена висел свёрток каната с вплетённым в один его конец грузом. Канат этот висел на случай причала в бурную погоду и бросался с мостков.

— Лонгрэн! — закричал смертельно перепуганный Меннерс. — Что же ты стал как пень? Видишь, меня уносит. Брось причал!

Лонгрэн молчал, спокойно смотря на метавшегося в лодке Меннерса, только его трубка задыхалась сильнее, и он, помедлив, вынул её из рта, чтобы лучше видеть происходящее.

— Лонгрэн! — зывал Меннерс. — Ты ведь слышишь меня, я погибаю, спаси!

Но Лонгрэн не сказал ему ни одного слова; казалось, он не слышал отчаянного вопля. Пока не отнесло лодку так далеко, что еле долетали слова-крики Меннерса, он не переступил даже с ноги на ногу. Меннерс рыдал от ужаса, заклинал матроса бежать к рыбакам, позвать помощь; обещал деньги, угрожал и сыпал проклятиями, но Лонгрэн только подошёл ближе к самому краю мола, чтобы не сразу потерять из вида метания и скачки лодки.

— Лонгрэн, — донеслось к нему глухо, как с крыши сидящему внутри дома, — спаси!

Тогда, набрав воздуха и глубоко вздохнув, чтобы не потерялось в ветре ни одного слова, Лонгрэн крикнул:

— Она так же просила тебя! Думай об этом, пока ещё жив, Меннерс, и не забудь!

Тогда крики умолкли, и Лонгрэн пошёл домой. Ассоль, проснувшись, видела, что отец си-

дит перед угасающей лампой в глубокой задумчивости. Услышав голос девочки, звавшей его, он подошёл к ней, крепко поцеловал и прикрыл сбившимся одеялом.

— Спи, милая, — сказал он, — до утра ещё далеко.

— Что ты делаешь?

— Чёрную игрушку я сделал, Ассоль, спи!

На другой день только и разговоров было у жителей Каперны, что о пропавшем Меннерсе, а на шестой день привезли его самого, умирающего и злобного. Его рассказ быстро облетел окрестные деревушки. До вечера носило Меннерса; разбитый сотрясениями о борта и дно лодки за время страшной борьбы с свирепостью волн, грозивших, не уставая, выбросить в море обезумевшего лавочника, он был подобран пароходом «Лукреция», шедшим в Кассет. Простуда и потрясение ужаса прикончили дни Меннерса. Он прожил немного менее сорока восьми **часов**, призывая на Лонгрена все бедствия, возможные на земле и в воображении. Рассказ Меннерса, как матрос следил за его гибелью, отказав в помощи, красноречивый тем более, что умирающий дышал с трудом и стонал, поразил жителей Каперны. Не говоря уже о том, что редкий из них способен был помнить оскорбление более тяжкое, чем перенесённое Лонгреном, и горевать так сильно, как горевал он до конца жизни о Мери, — им было отвратительно, непонятно, поражало их, что Лонгрен *молчал*. *Молча*, до своих последних слов, посланных вдогонку Меннерсу, Лонгрен **стоял**: стоял неподвижно, строго и тихо, как **судья**, выказав глубокое презрение к Меннерсу, — большее, чем ненависть, было в его молчании, и это все чувствовали. Если бы он кричал, выражал жестами или суетливостью злорадство, или ещё чем иным

своё торжество при виде отчаяния Меннерса, рыбаки поняли бы его, но он поступил иначе, чем поступали они, — поступил *внушительно непонятно* и этим поставил себя выше других — словом, сделал то, чего не прощают. Никто более не кланялся ему, не протягивал руки, не бросал узнающего, здоровающегося взгляда. Совершенно навсегда остался он в стороне от деревенских дел; мальчишки, завидев его, кричали вдогонку: «Лонгрэн утопил Меннерса!» Он не обращал на это внимания. Также, казалось, он не замечал и того, что в трактире или на берегу, среди лодок, рыбаки умолкали в его присутствии, отходя в сторону, как от зачумлённого. Случай с Меннерсом закрепил ранее неполное отчуждение. Став полным, оно вызвало прочную взаимную ненависть, тень которой пала и на Ассоль.

Девочка росла без подруг. Два-три десятка детей её возраста, живших в Каперне, пропитанной, как губка водой, грубым семейным началом, основой которого служил непоколебимый авторитет матери и отца, переимчивые, как все дети в мире, вычеркнули раз навсегда маленькую Ассоль из сферы своего покровительства и внимания. Совершилось это, разумеется, постепенно, путем внушения и окриков взрослых, приобрело характер страшного запрета, а затем, усиленное пересудами и кривотолками, разрослось в детских умах страхом к дому матроса.

К тому же замкнутый образ жизни Лонгрена освободил теперь истерический язык сплетни; про матроса говаривали, что он где-то кого-то убил, оттого, мол, его больше не берут служить на суда, а сам он мрачен и нелюдим, потому что «терзается угрызениями преступной совести». Играя, дети гнали Ассоль, если она приближалась к ним, швыряли грязью и дразнили тем, что будто отец

её ел человеческое мясо, а теперь делает фальшивые **деньги**. Одна за другой наивные её попытки к сближению оканчивались горьким плачем, синяками, царапинами и другими проявлениями *общественного мнения*; она перестала, наконец, оскорбляться, но всё ещё иногда спрашивала отца:

— Скажи, почему нас не любят?

— Э, Ассоль, — говорил Лонгрэн, — разве они умеют любить? Надо уметь любить, а этого-то они не могут.

— Как это — *уметь*?

— А вот так!

Он брал девочку на руки и крепко целовал грустные глаза, жмурившиеся от нежного удовольствия.

Любимым развлечением Ассоль было — по вечерам или в праздник, когда отец, оставив банки с клейстером, инструменты и неоконченную работу, садился, сняв передник, отдохнуть с трубкой в зубах, — забраться к нему на колени и, вертясь в бережном кольце отцовской руки, трогать различные части игрушек, расспрашивая об их назначении. Так начиналась своеобразная фантастическая лекция о жизни и людях — лекция, в которой благодаря прежнему образу жизни Лонгрэна, случайностям, случаю вообще, диковинным, поразительным и необыкновенным событиям отводилось главное место. Лонгрэн, называя девочке имена снастей, парусов, предметов морского обихода, постепенно увлекался, переходя от объяснений к различным эпизодам, в которых играли роль то брашпиль, то рулевое колесо, то мачта или какой-нибудь тип лодки и тому подобное, а от отдельных иллюстраций этих переходил к широким картинам морских скитаний, вплетая суеверия в действительность, а действительность — в образы своей фантазии. Тут появилась и *тигровая кошка*,

вестница кораблекрушения, и говорящая летучая рыба, не послушаться приказаний которой значило сбиться с курса, и Летучий Голландец¹ с неистовым своим экипажем, приметы, привидения, русалки, пираты — словом, все басни, коротающие досуг моряка в штиле или излюбленном кабаке. Рассказывал Лонгрен также о потерпевших крушение, об одичавших и разучившихся говорить людях, о таинственных кладах, бунтах каторжников и многом другом, что выслушивалось девочкой внимательнее, чем, может быть, слушался в первый раз рассказ Колумба о новом материке. «Ну, говори ещё», — просила Ассоль, когда Лонгрен, задумавшись, умолкал, и засыпала на его груди с головой, полной чудесных снов.

Также служило ей большим, всегда материально существенным удовольствием появление приказчика городской игрушечной лавки, охотно покупавшей работу Лонгрена. Чтобы задобрить отца и выторговать лишнее, приказчик захватывал с собой для девочки пару яблок, сладкий пирожок, горсть орехов. Лонгрен обыкновенно просил настоящую стоимость из нелюбви к торгу, а приказчик сбавлял. «Эх вы, — говорил Лонгрен, — да я неделю сидел над этим ботом. (Бот был **пятивершковый**.) Посмотри, что за прочность, а осадка, а доброта? Вот этот пятнадцать человек выдержит в любую погоду». Кончалось тем, что тихая возня девочки, мурлыкавшей над своим яблоком, лишала Лонгрена стойкости и охоты спорить; он уступал, и приказчик, набив корзину превосходными, прочными игрушками, уходил, посмеиваясь в усы.

¹ *Летучий Голландец* — в морских преданиях — корабль-призрак, покинутый экипажем или с экипажем из мертвецов; как правило, предвестник беды.

Всю домовую работу Лонгрэн исполнял **сам**: колол дрова, носил воду, топил печь, стряпал, стирал, гладил бельё и, кроме всего этого, успевал работать для денег. Когда Ассоль исполнилось восемь лет, отец выучил её читать и писать. Он стал изредка брать её с собой в город, а затем посылать даже одну, если была надобность перехватить денег в магазине или снести товар. Это случалось не часто, хотя **Лисс** лежал всего в четырёх верстах от Каперны, но дорога к нему шла лесом, а в лесу многое может напугать детей, помимо физической опасности, которую, правда, трудно встретить на таком близком расстоянии от города, но всё-таки не мешает иметь в виду. Поэтому только в хорошие дни, утром, когда окружающая дорогу чаща полна солнечным ливнем, цветами и тишиной, так что впечатлительности Ассоль не грозили **фантомы**¹ воображения, Лонгрэн отпускал её в город.

Однажды, в середине такого путешествия к городу, девочка присела у дороги съесть кусок пирога, положенного в корзинку на завтрак. Закусывая, она перебирала игрушки; из них две-три оказались новинкой для неё; Лонгрэн сделал их ночью. Одна такая новинка была миниатюрной гоночной яхтой; белое судёнышко это несло алые паруса, сделанные из обрезков шёлка, употреблявшегося Лонгреном для оклейки пароходных кают — игрушек богатого покупателя. Здесь, видимо, сделав яхту, он не нашёл подходящего материала на паруса, употребив что было — лоскутки алого шёлка. Ассоль пришла в восхищение. Пламенный весёлый цвет так ярко горел в её руке, как будто она держала огонь. Дорогу пересекал ручей с переброшенным через него жердяным мостиком; ручей справа и слева уходил в лес. «Ес-

¹ *Фантом* — привидение, призрак.

ли я спущу её на воду поплавать немного, — размышляла Ассоль, — она не **промокнет**, я её потом **вытру**». Отойдя в лес за мостик по течению ручья, девочка осторожно спустила на воду у самого берега пленившее её судно; паруса тотчас сверкнули алым отражением в прозрачной воде; свет, пронизывая материю, лёг дрожащим розовым излучением на белых камнях дна. «Ты откуда приехал, **капитан?**» — важно спросила Ассоль воображённое лицо и, отвечая сама себе, сказала: «Я **приехал... приехал... приехал** я из **Китая**». — «А что ты привёз?» — «Что привёз, о том не скажу». — «Ах, ты так, капитан! Ну, тогда я тебя посажу обратно в **корзину**». Только что капитан приготовился смиренно ответить, что он пошутил и что готов показать слона, как вдруг тихий отбег береговой струи повернул яхту носом к середине ручья, и, как настоящая, полным ходом покинув берег, она ровно поплыла вниз. Мгновенно изменился масштаб видимого: ручей казался теперь девочке огромной рекой, а яхта — далёким большим судном, к которому, едва не падая в воду, испуганная и оторопевшая, протягивала она руки. «Капитан **испугался**», — подумала она и побежала за уплывающей игрушкой, надеясь, что её где-нибудь **прибьёт** к берегу. Поспешно таща не тяжёлую, но мешающую корзинку, Ассоль твердила: «Ах, Господи! Ведь случись **же...**» Она старалась не терять из вида красивый, плавно убегающий треугольник парусов, спотыкалась, падала и снова бежала.

Ассоль никогда не бывала так глубоко в лесу, как теперь. Ей, поглощённой нетерпеливым желанием поймать игрушку, не смотрелось по сторонам; возле берега, где она суежилась, было довольно препятствий, занимавших внимание. Мшистые стволы упавших деревьев, ямы, высо-

кий папоротник, шиповник, жасмин и орешник мешали ей на каждом шагу; одолевая их, она постепенно теряла силы, останавливаясь всё чаще и чаще, чтобы передохнуть или смахнуть с лица липкую паутину. Когда потянулись в более широких местах осоковые и тростниковые заросли, Ассоль совсем было потеряла из вида алое сверкание парусов, но, обежав излучину течения, снова увидела их, степенно и неуклонно бегущих прочь. Раз она оглянулась, и лесная громада с её пестротой, переходящей от дымных столбов света в листве к тёмным расселинам дремучего сумрака, глубоко поразила девочку. На мгновение оробев, она вспомнила вновь об игрушке и, несколько раз выпустив глубокое «ф-фу-у-у», побежала изо всех сил.

В такой безуспешной и тревожной погоне прошло около часу, когда с удивлением, но и с облегчением Ассоль увидела, что деревья впереди свободно раздвинулись, пропустив синий разлив моря, облака и край жёлтого песчаного обрыва, на который она выбежала, почти падая от усталости. Здесь было устье ручья; разлившись нешироко и мелко, так что виднелась струящаяся голубизна камней, он пропадал в встречной морской волне. С невысокого, изрытого корнями обрыва Ассоль увидела, что у ручья, на плоском большом камне, спиной к ней сидит человек, держа в руках сбежавшую яхту, и всесторонне рассматривает её с любопытством слона, поймавшего бабочку. Отчасти успокоенная тем, что игрушка цела, Ассоль сползла по обрыву и, близко подойдя к незнакомцу, воззрилась на него изучающим взглядом, ожидая, когда он подымет голову. Но неизвестный так погрузился в созерцание лесного сюрприза, что девочка успела рассмотреть его с головы до ног, установив, что

людей, подобных этому незнакомцу, ей видеть ещё ни разу не приходилось.

Перед ней был не кто иной, как путешествующий пешком Эгль — известный собиратель песен, легенд, преданий и сказок. Седые кудри складками выпадали из-под его соломенной шляпы; серая блуза, заправленная в синие брюки, и высокие сапоги придавали ему вид охотника; белый воротничок, галстук, пояс, унизанный серебром блях, трость и сумка с новеньким никелевым замочком выказывали горожанина. Его лицо, если можно назвать лицом нос, губы и глаза, выглядивавшие из бурно разросшейся лучистой бороды, из пышных, свирепо взрогаченных вверх усов, казалось, было вяло прозрачным, если бы не глаза, серые, как песок, и блестящие, как чистая сталь, с взглядом смелым и сильным.

— Теперь отдай мне, — несмело сказала девочка. — Ты уже поиграл. Ты как поймал её?

Эгль поднял голову, уронив яхту, — так неожиданно прозвучал взволнованный голосок **Ас-**соль. Старик с минуту разглядывал её, улыбаясь и медленно пропуская бороду в большой, жилистой горсти. Стиранное много раз ситцевое платье едва прикрывало до колен худенькие загорелые ноги девочки. Её тёмные густые волосы, забранные в кружевную косынку, сбились, касаясь плеч. Каждая черта Ассоль была выразительно легка и чиста, как полёт ласточки. Тёмные, с оттенком грустного вопроса глаза казались старше лица; его неправильный мягкий овал был оваян того рода прелестным загаром, какой присущ здоровой белизне кожи. Полуоткрытый маленький рот блестел кроткой улыбкой.

— Клянусь Гриммами, Эзопом и Андерсеном, — сказал Эгль, поглядывая то на девочку,

то на яхту, — это что-то особенное! Слушай-ка, ты, растение! Это твоя штука?

— Да, я за ней бежала по всему ручью; я думала, что умру. Она была тут?

— У самых моих ног. Кораблекрушение причиной того, что я в качестве берегового пирата могу вручить тебе этот приз. Яхта, покинутая экипажем, была выброшена на песок трёхвершковым валом — между моей левой пяткой и окончечностью палки. — Он стукнул тростью. — Как зовут тебя, крошка?

— Ассоль, — сказала девочка, пряча в корзину поданную Эглем игрушку.

— Хорошо, — продолжал непонятную речь старик, не сводя глаз, в глубине которых поблескивала усмешка дружелюбного расположения духа. — Мне, собственно, не надо было спрашивать твоё имя. Хорошо, что оно так странно, так однотонно, музыкально, как свист стрелы или шум морской раковины; что бы я стал делать, называясь ты одним из тех благозвучных, но нестерпимо привычных имён, которые чужды Прекрасной Неизвестности? Тем более лаю знать, кто ты, кто твои родители и как ты живёшь. К чему нарушать очарование? Я занимался, сидя на этом камне, сравнительным изучением финских и японских сюжетов... как вдруг ручей выплеснул эту яхту, а затем появилась ты... Такая, как есть. Я, милая, поэт в душе — хоть никогда не сочинял сам. Что у тебя в корзинке?

— Лодочки, — сказала Ассоль, встряхивая корзинкой, — потом пароход да ещё три таких домика с флагами. Там солдаты живут.

— Отлично. Тебя послали продать. По дороге ты занялась игрой. Ты пустила яхту поплавать, а она сбежала. Ведь так?

— Ты разве видел? — с сомнением спросила Ассоль, стараясь вспомнить, не рассказала ли она это сама. — Тебе кто-то сказал? Или ты угадал?

— Я это знал.

— А как же?

— Потому что я — самый главный **волшебник**.

Ассоль смутилась; её напряжение при этих словах Эгля переступило границу испуга. Пустынный морской берег, тишина, томительное приключение с яхтой, непонятная речь старика со сверкающими глазами, величественность его бороды и волос стали казаться девочке смешением сверхъестественного с действительностью. Сострой теперь Эгль гримасу или закричи что-нибудь, девочка помчалась бы прочь, заплакав и изнемогая от страха. Но Эгль, заметив, как широко раскрылись её глаза, сделал крутой вольт.

— Тебе нечего бояться меня, — серьёзно сказал он. — Напротив, мне хочется говорить с тобой по душам.

Тут только он уяснил себе, что в лице девочки было так пристально отмечено его впечатлением. «Невольное ожидание прекрасного, блаженной судьбы, — решил он. — Ах, почему я не родился писателем? Какой славный **сюжет**».

— Ну-ка, — продолжал Эгль, стараясь закруглить оригинальное положение (склонность к мифотворчеству — следствие всегдашней работы — была сильнее, чем опасение бросить на неизвестную почву семена крупной мечты), — ну-ка, Ассоль, слушай меня внимательно. Я был в той деревне, откуда ты, должно быть, идёшь; словом, в Каперне. Я люблю сказки и песни, и просидел я в деревне той целый день, стараясь услышать что-нибудь никем не слышанное. Но у вас не рассказывают сказок. У вас не поют песен. А если рассказывают и поют, то, знаешь, эти истории о

хитрых мужиках и солдатах, с вечным восхвалением жульничества, эти грязные, как немытые ноги, грубые, как урчание в животе, коротенькие четверостишия с ужасным мотивом... Стой, я сбился. Я заговорю снова.

Подумав, он продолжал так:

— Не знаю, сколько пройдет лет, только в Каперне расцветёт одна сказка, памятная надолго. Ты будешь большой, Ассоль. Однажды утром в морской дали под солнцем сверкнёт алый парус. Сияющая громада алых парусов белого корабля двинется, рассекая волны, прямо к тебе. Тихо будет плыть этот чудесный корабль, без криков и выстрелов; на берегу много соберётся народу, удивляясь и ахая; и ты будешь стоять там. Корабль подойдёт величественно к самому берегу под звуки прекрасной музыки; нарядная, в коврах, в золоте и цветах, поплывет от него быстрая лодка. «Зачем вы приехали? Кого вы ищете?» — спросят люди на берегу. Тогда ты увидишь храброго красивого принца; он будет стоять и протягивать к тебе руки. «Здравствуй, Ассоль! — скажет он. — Далеко-далеко отсюда я увидел тебя во сне и приехал, чтобы увезти тебя навсегда в своё царство. Ты будешь там жить со мной в розовой глубокой долине. У тебя будет всё, что только ты пожелаешь; жить с тобой мы станем так дружно и весело, что никогда твоя душа не узнает слёз и печали». Он посадит тебя в лодку, привезёт на корабль, и ты уедешь навсегда в блистательную страну, где всходит солнце и где звёзды спустятся с неба, чтобы поздравить тебя с приездом.

— Это всё мне? — тихо спросила девочка.

Её серьёзные глаза, повеселев, просияли доверием. Опасный волшебник, разумеется, не стал бы говорить так; она подошла ближе.

— Может быть, он уже **пришёл...** тот корабль?

— Не так скоро, — возразил Эгль, — сначала, как я сказал, ты вырастешь. Потом... что говорить? Это *будет*, и кончено. Что бы ты тогда сделала?

— Я? — Она посмотрела в корзину, но, видимо, не нашла там ничего достойного служить веским вознаграждением. — Я бы его любила, — поспешно сказала она и не совсем твёрдо прибавила: — Если он не дерётся.

— Нет, не будет драться, — сказал **волшебник**, таинственно подмигнув, — не будет, я ручаюсь за это. Иди, девочка, и не забудь того, что сказал тебе я меж двумя глотками ароматической водки и размышлением о песнях каторжников. Иди. Да будет мир пушистой твоей голове!

Лонгрен работал в своём маленьком огороде, окапывая картофельные кусты. Подняв голову, он увидел Ассоль, стремглав бежавшую к нему с радостным и нетерпеливым лицом.

— Ну, вот... — сказала она, силясь овладеть дыханием, и ухватила обеими руками за передник отца. — Слушай, что я тебе расскажу... На берегу, там, далеко, сидит волшебник...

Она начала с волшебника и его интересного предсказания. Горячка мыслей мешала ей плавно передать происшествие. Далее шло описание наружности волшебника и — в обратном порядке — погоня за упущенной яхтой.

Лонгрен выслушал девочку, не перебивая, без улыбки, и, когда она кончила, воображение быстро нарисовало ему неизвестного старика с ароматической водкой в одной руке и игрушкой в другой. Он отвернулся, но, вспомнив, что в великих случаях детской жизни подобает быть человеку серьёзным и удивлённым, торжественно закивал головой, приговаривая:

— Так, **так...** По всем приметам, некому иначе и быть, как волшебнику. Хотел бы я на него **посмотреть...** Но ты, когда пойдёшь снова, не сворачивай в сторону: заблудиться в лесу нетрудно.

Бросив лопату, он сел к низкому хворостяному забору и посадил девочку на колени. Страшно усталая, она пыталась ещё прибавить кое-какие подробности, но жара, волнение и слабость клонили её в **сон**. Глаза её слипались, голова опустилась на твёрдое отцовское плечо, мгновение — и она унеслась бы в страну сновидений, как вдруг, обеспокоенная внезапным сомнением, Ассоль села прямо, с закрытыми глазами и, упираясь кулачками в жилет Лонгрена, громко сказала:

— Ты как думаешь: придёт волшебниковый корабль за мной или нет?

— Придёт, — спокойно ответил матрос, — раз тебе это сказали — значит, всё верно.

«Вырастет, забудет, — подумал он, — а пока... не стоит отнимать у тебя *такую* игрушку. Много ведь придётся в будущем увидеть тебе не алых, а грязных и хищных парусов: издали — нарядных и белых, вблизи — рваных и наглых. Проезжий человек пошутил с моей девочкой. Что ж?! Добрая шутка! Ничего — шутка! Смотри, как сморило тебя, — полдня в лесу, в чаще. А насчёт алых парусов думай, как я: будут тебе алые **паруса**».

Ассоль спала. Лонгрэн, достав свободной рукой трубку, закурил, и ветер пронёс дым сквозь плетень в куст, росший с внешней стороны огорода. У куста, спиной к забору, прожёвывая **пирог**, сидел молодой нищий. Разговор отца с дочерью привёл его в весёлое настроение, а запах хорошего табака настроил добычливо.

— Дай, хозяин, покурить бедному человеку, — сказал он сквозь прутья. — Мой табак против твоего не табак, а, можно сказать, отрав.

— Я бы дал, — вполголоса ответил Лонгрэн, — но табак у меня в том кармане. Мне, видишь, не хочется будить дочку.

— Вот беда! Проснётся, опять уснёт, а прохожий человек взял да и покурил.

— Ну, — возразил Лонгрэн, — ты не без табаку всё-таки, а ребёнок устал. Зайди, если хочешь, попозже.

Нищий презрительно сплюнул, вздел на палку мешок и съязвил:

— Принцесса, ясное дело. Вбил ты ей в голову эти заморские корабли! Эх ты, чудак-чудаковский, а ещё хозяин!

— Слушай-ка, — шепнул Лонгрэн, — я, пожалуй, разбуду её, но только затем, чтобы намылить твою здоровенную шею. Пошёл вон!

Через полчаса нищий сидел в трактире за столом с дюжиной рыбаков. Сзади их, то дёргая мужей за рукав, то снимая через плечо стакан с водкой — для себя, разумеется, — сидели рослые женщины с густыми бровями и руками, круглыми, как булыжник. Нищий, вскипая обидой, повествовал:

— ...И не дал мне табаку. «Тебе, говорит, исполнится совершеннолетний год, а тогда, говорит, специальный красный корабль... за тобой. Так как твоя участь — выйти за принца. И тому, говорит, волшебнику верь». Но я говорю: «Буди, буди, мол, табаку-то достать». Так ведь он за мной полдороги бежал.

— Кто? Что? О чём толкует? — слышались любопытные голоса женщин.

Рыбаки, еле поворачивая головы, растолковывали с усмешкой:

— Лонгрэн с дочерью одичали, а может, повредились в рассудке, — вот человек рассказывает. Колдун был у них, так понимать надо. Они

«Алые паруса». Художники В. Высоцкий, В. Власов

ждут — тётки, вам бы не прозевать! — заморского принца, да ещё под красными парусами!

Через три дня, возвращаясь из городской лавки, Ассоль услышала в первый раз:

— Эй, висельница! Ассоль! Посмотри-ка сюда! Красные паруса плывут!

Девочка, вздрогнув, невольно взглянула из-под руки на разлив моря. Затем обернулась в сторону

восклицаний; там, в двадцати шагах от неё, стояла кучка ребят; они гримасничали, высовывая языки. Вздыхнув, девочка побежала домой.

Вопросы и задания

1. Вы прочитали первую главу из «Алых Парусов», в которой познакомились с героиней этого произведения — Ассоль. Как вы думаете, каково отношение автора к героине? Обоснуйте свой ответ цитатами из текста произведения.
 2. Расскажите о Лонгрене, его судьбе, характере, о своём отношении к нему.
 3. Как вы думаете, почему Ассоль и Лонгрен называли собирателя сказок и легенд ЭГЛЯ волшебником, а жители Каперны — колдуном?
 4. Почему жители Каперны не поют песен? Какие сказки они рассказывают, как это их характеризует?
 5. Захотелось ли вам прочитать «Алые Паруса» А. С. Грина полностью? Прочитайте произведение и подготовьтесь к беседе по вопросам ко всему произведению.
-

Вопросы и задания ко всему произведению

1. Вы прочитали полностью произведение А. С. Грина «Алые паруса». Подумайте, к какому роду литературы оно относится.
2. Обратите внимание на авторское определение жанра «Алых парусов» — феерия. Посмотрите в словаре литературоведческих терминов определение феерии. Какие признаки феерии вы заметили в этом произведении?
3. Что различало и что объединяло Ассоль и Грэя? Можно ли назвать финал произведения феерическим? Какие мысли и убеждения утверждал писатель яркой сказочной концовкой (финалом)?
5. Подготовьте рассказ об одном из героев (на выбор), подтвердив свои суждения цитатами из «Алых Парусов».

Совершенствуйте свою речь

Что обозначают слова и когда вы могли бы их использовать:

быть привязанным к человеку,
печальная история,
глубокая задумчивость,
замкнутый, очарование,
восхищение, тревожный?

Фонохрестоматия

СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ

А. С. Грин. «Алые паруса»

7. В речи актёров, читающих текст за автора и Эгля, звучит интонация сказки. Какой — бытовой или волшебной? Объясните почему.
2. В тексте феерии есть описание внешности собирателя сказок Эгля. После прослушивания фонозаписи попробуйте продолжить это описание. Каким вы увидели Эгля в исполнении актёра?
3. Эгль понял, что Ассоль живёт в Каперне, где не поют песен и не рассказывают сказок, но всё же рассказал ей чудесную сказку про алые паруса. Почему?
Актёр так выразительно исполнил роль нищего, что кажется, видишь его. Опишите внешность нищего, его манеру говорить, двигаться, сидеть за столом.
5. Почему нищий и жители Каперны говорят не «алые» паруса, а «красные»?
6. Подготовьте выразительное чтение по ролям диалога Эгля и Ассоль.

Андрей Платонович
Платонов

1899—1951

Андрей Платонович Платонов (настоящая фамилия — Климентов) родился в Ямской Слободе, предместье города Воронежа. Отец его — паровозный машинист, слесарь Воронежских железнодорожных мастерских. Мать — дочь часового мастера, глубоко верующая женщина. От отца Платонов унаследовал любовь к технике и всякой «потной работе», от матери — понимание души русского православного человека.

Учился Платонов сначала в церковно-приходской школе и городском училище. Он рано начал трудовую жизнь, и только в 1918 году ему удалось продолжить образование, поступив в железнодорожный политехникум. В следующем году он принимает участие красноармейцем и журналистом в Гражданской войне.

Литературой Платонов начал заниматься очень рано, ещё подростком. Поэтому неудивительно, что с осени 1918 года он выступает в дискуссиях и в печати, публикует стихи и рассказы в воронежских журналах и газетах. В 1920 году он был делегатом I Всероссийского съезда пролетарских писателей в Москве. Любопытен и показателен его ответ в анкете съезда. На вопрос анкеты: «Каким литературным направлениям вы сочувствуете или принадлежите?» — Платонов ответил: «Никаким, имею своё». В это время его произведения печатаются в московских журналах. В Воронеже выходят его книги, и среди них сборник стихотворений «Голубая глубина». Однако вскоре Платонов

оставляет литературную работу и посвящает себя практическим делам: он становится председателем Чрезвычайной комиссии по борьбе с засухой в Воронежской губернии, затем избирается членом ЦК Союза сельского хозяйства и лесных работ. В 1926 году он переезжает в Москву, затем в Тамбов, там Платонов создаёт цикл повестей, объединённых общей мыслью об исторических судьбах России. В него вошли «Епифанские шлюзы» и другие произведения. Творческие силы Платонова растут, но обстановка в Тамбове складывается для него неудачно, и он навсегда переселяется в Москву.

Великая Отечественная война сделала Платонова фронтовым корреспондентом газеты «Красная звезда». Он получил возможность печатать рассказы и очерки о героических событиях и людях войны. В это время вышли четыре его книги — «Одухотворённые люди», «Рассказы о Родине», «Броня», «В сторону заката солнца». Он регулярно печатает рассказы и очерки в газете, постоянно подписываясь «Действующая Армия». Однако на других его произведениях стояло запрещающее клеймо. Цензура не пропустила его книги «О живых и мёртвых», «Вся жизнь». Публикации рассказов встречали яростное недоброжелательство критики, в языковом арсенале которой, кажется, есть только одно слово о произведениях Платонова — «клевета» (клевета на советскую семью, на героя-солдата и др.). Неудачей оканчиваются и попытки поставить в Центральном детском театре пьесу о Пушкине «Ученик Лицея».

В это время Платонову, уже тяжело больному человеку, пришлось переключиться на переложение народных сказок для детей. При поддержке М. А. Шолохова он издал книги «Финист — Ясный Сокол», «Волшебное кольцо», «Башкирские народные сказки».

Как писатель Платонов необычен и ярок. Он был взволнован, потрясён неблагополучием мира, в кото-

ром живёт, и сказал об этом на своём языке, не похожем ни на чей другой. Но Платонову при всей его иронии и сарказме, при всём трагизме его восприятия мира не откажешь в доброте, искренности, в гуманности, в особом понимании жизни, её радостей и её страданий. Писатель всегда восхищён обычным человеком. Он убеждён в том, что жизнь не может исчезнуть и уничтожиться. В жизни происходит вечный круговорот — жизнь умирает, но появляется снова, хотя и в другом виде, потому что смерть рождает новую жизнь из праха. Всё в мире неразрывно слито, и в этом состоит его гармония, но не бездумная, а осознанная и не лишённая трагизма.

История создания сказки-были «Неизвестный цветок»

Андрей Платонов прожил недолгую жизнь. Он умер в 1951 году в атмосфере непризнания, житейских невзгод, мучимый туберкулёзом — наследием фронтовых дорог и сверхнапряжений.

Друзья, посещавшие его в последние годы, заставляли его на диване, служившем ему постелью, — не вставая, сидя в ней, он и беседовал с ними. По свидетельству М. Л. Платоновой, жены писателя, именно в 1950 году больной Платонов написал сказку-быль «Неизвестный цветок». О ком эта притча, сотканная из мелодий надежды, тоски, веры в справедливость детей?.. «Цветок всю ночь сторожил росу и собирал её по каплям на свои листья... Но он нуждался в жизни и превозмогал терпением свою боль от голода и усталости...» Грустное упрямство, печальная воля к жизни живёт в цветке — **И В** авторе! — застенчиво явление их в мир с «извинением» за свою непохожесть на других.

По В. Чалмаеву

7. Какова настоящая фамилия Платонова? В каком городе он родился? Кто были его родители? Какое образование он получил и когда начал заниматься литературой?
2. Как вы понимаете ответ Платонова на вопрос, каким направлениям в литературе он сочувствует, — «Никаким, имею своё»?
3. Какие произведения писателя вы уже изучали в 5 классе или прочитали самостоятельно? Какой герой этих произведений вам показался непохожим на других? Понравился ли он вам?

Прочитайте сказку-быль «Неизвестный цветок». Подумайте над ситуацией, в которой оказывается цветок, и об отношении к нему девочки. Можно ли сказать, что герой сказки — цветок — ни на кого не похож? В чём заключается эта непохожесть?

НЕИЗВЕСТНЫЙ ЦВЕТОК

Сказка-быль

Жил на свете маленький цветок. Никто и не знал, что он есть на земле. Он рос один на пустыре; коровы и козы не ходили туда, и дети из пионерского лагеря там никогда не играли. На пустыре трава не росла, а лежали одни старые серые камни, и меж ними была сухая мёртвая глина. Лишь один ветер гулял по пустырю; как дедушка-сеятель, ветер носил семена и сеял их всюду — И Вчёрную влажную землю, и на голый каменный пустырь. В чёрной доброй земле из семян рождались цветы и травы, а в камне и глине семена умирали.

А однажды упало из ветра одно семечко, и приютилось оно в ямке меж камнем и глиной. Долго томилось это семечко, а потом напиталось

росой, распалось, выпустило из себя тонкие волоски корешка, впилось ими в камень и в глину и стало расти.

Так начал жить на свете тот маленький цветок. Нечем было ему питаться в камне и в глине; капли дождя, упавшие с неба, сходили по верху земли и не проникали до его корня, а цветок всё жил и жил и рос помаленьку выше. Он поднимал листья против ветра, и ветер утихал возле цветка; из ветра упали на глину пылинки, что принёс ветер с чёрной тучной земли; и в тех пылинках находилась пища цветку, но пылинки были сухие. Чтобы смочить их, цветок всю ночь сторожил росу и собирал её по каплям на свои листья. А когда листья тяжелели от росы, цветок опускал их, и роса падала вниз; она увлажняла чёрные земляные пылинки, что принёс ветер, и разъедала мёртвую глину.

Днём цветок сторожил ветер, а ночью росу. Он трудился день и ночь, чтобы жить и не умереть. Он вырастил свои листья большими, чтобы они могли останавливать ветер и собирать росу. Однако трудно было цветку питаться из одних пылинок, что выпали из ветра, и ещё собирать для них росу. Но он нуждался в жизни и превозмогал терпением свою боль от голода и усталости. Лишь один раз в сутки цветок радовался: когда первый луч утреннего солнца касался его утомлённых листьев.

Если же ветер подолгу не приходил на пустырь, плохо тогда становилось маленькому цветку, и уже не хватало у него силы жить и расти.

Цветок, однако, не хотел жить печально; поэтому, когда ему бывало совсем горестно, он дремал. Всё же он постоянно старался расти, если даже корни его глодали голый камень и сухую глину. В такое время листья его не мог-

«Неизвестный цветок». Художник В. Горяева

ли напитаться полной силой и стать зелёными: одна жилка у них была синяя, другая красная, третья голубая или золотого цвета. Это случилось оттого, что цветку недоставало еды, и мученье его обозначалось в листьях разными цветами. Сам цветок, однако, этого не знал: он ведь был слепой и не видел себя, какой он есть.

В середине лета цветок распустил венчик вверх. До этого он был похож на травку, а теперь стал настоящим цветком. Венчик у него был составлен из лепестков простого светлого цвета, ясного и сильного, как у звезды. И, как звезда, он светился живым мерцающим огнём, и его видно было даже в тёмную ночь. А когда ветер приходил на пустырь, он всегда касался цветка и уносил его запах с собою.

И вот шла однажды поутру девочка Даша мимо того пустыря. Она жила с подругами в пионерском лагере, а нынче утром проснулась и заскучала по матери. Она написала матери письмо и понесла письмо на станцию, чтобы оно скорее дошло. По дороге Даша целовала конверт с письмом и завидовала ему, что он увидит мать скорее, чем она.

На краю пустыря Даша почувствовала благоухание. Она поглядела вокруг. Вблизи никаких цветов не было, по тропинке росла одна маленькая травка, а пустырь был вовсе голый; но ветер шёл с пустыря и приносил оттуда тихий запах, как зовущий голос маленькой неизвестной жизни. Даша вспомнила одну сказку, её давно рассказывала ей мать. Мать говорила о цветке, который всё грустил по своей матери — розе, но плакать он не мог, и только в благоухании проходила его грусть.

«Может, это цветок скучает там по своей матери, как **Я**», — подумала Даша.

Она пошла в пустырь и увидела около камня тот маленький цветок. Даша никогда ещё не видела такого цветка — ни в поле, ни в лесу, ни в книге на картинке, ни в ботаническом саду, нигде. Она села на землю возле цветка и спросила его:

— Отчего ты такой?

— Не знаю, — ответил цветок.

— А отчего ты на других непохожий?

Цветок опять не знал, что сказать. Но он впервые так близко слышал голос человека, впервые кто-то смотрел на него, и он не хотел обидеть Дашу молчанием.

— Оттого, что мне трудно, — ответил цветок.

— А как тебя зовут? — спросила Даша.

— Меня никто не зовёт, — сказал маленький цветок, — я один живу.

Даша осмотрелась в пустыре.

— Тут камень, тут глина! — сказала она. — Как же ты один живёшь, как же ты из глины вырос и не умер, маленький такой?

— Не знаю, — ответил цветок.

Даша склонилась к нему и поцеловала его в светящуюся головку.

На другой день в гости к маленькому цветку пришли все пионеры. Даша привела их, но ещё задолго, не доходя до пустыря, она велела всем вздохнуть и сказала:

— Слушайте, как хорошо пахнет. Это он так дышит.

Пионеры долго стояли вокруг маленького цветка и любовались им, как героем. Потом они обошли весь пустырь, измерили его шагами и сосчитали, сколько нужно привезти тачек с навозом и золою, чтобы удобрить мёртвую глину.

Они хотели, чтобы и на пустыре земля стала доброй. Тогда и маленький цветок, неизвестный по имени, отдохнет, а из семян его вырастут и не погибнут прекрасные дети, самые лучшие, сияющие светом цветы, которых нету нигде.

Четыре дня работали пионеры, удобряя землю на пустыре. А после того они ходили путешествовать в другие поля и леса и больше на пустырь не приходили. Только Даша пришла однажды, чтобы проститься с маленьким цветком. Лето уже кончалось, пионерам нужно было уезжать домой, и они уехали.

А на другое лето Даша опять приехала в тот же пионерский лагерь. Всю долгую зиму она помнила о маленьком, неизвестном по имени цветке. И она тотчас пошла на пустырь, чтобы проведать его.

Даша увидела, что пустырь теперь стал другой, он зарос теперь травами и цветами, и над ним летали птицы и бабочки. От цветов шло благоухание, такое же, как от того маленького цветка-труженика.

Однако прошлогоднего цветка, жившего меж камнем и глиной, уже не было. Должно быть, он умер в минувшую осень. Новые цветы были тоже хорошие; они были только немного хуже, чем тот первый цветок. И Даше стало грустно, что нету прежнего цветка. Она пошла обратно и вдруг остановилась. Меж двумя тесными камнями вырос новый цветок — такой же точно, как тот старый цвет, только немного лучше его и ещё прекраснее. Цветок этот рос из середины стеснившихся камней; он был живой и терпеливый, как его отец, и ещё сильнее отца, потому что он жил в камне.

Даше показалось, что цветок тянется к ней, что он зовет её к себе безмолвным голосом своего благоухания.

Вопросы и задания

7. А. Платонов назвал своё произведение сказкой-былью. Что в нём сказочного и что реального? Приведите примеры. Что делал цветок, чтобы не жить печально? Как объяснил цветок свою непохожесть на других?
 2. Почему Дашу заинтересовал маленький цветок? Как и в чём раскрывается характер Даши?
 3. Как автор относится к цветку и девочке?
 4. В чём смысл концовки сказки-были?
 5. Чем не похожи на других главные герои Платонова? Почему им трудно жить?
 6. Подготовьте отзыв на одно из прочитанных произведений Платонова.
-

Развивайте свою речь

7. Вспомните, что говорилось о Платонове в статьях учебников 5 и 6 классов. Подготовьте краткий рассказ о писателе.
2. В этой чудесной сказке необычный герой — цветок — думает, размышляет, старается выжить среди камней. Рассказывает о нём писатель тоже необычно. Попробуйте объяснить слова, словосочетания и скажите, что в них непривычно звучит: «Он трудился день и ночь, чтобы жить и не умереть», «он нуждался в жизни и превозмогал терпением свою боль от голода и усталости», «Цветок, однако, не хотел жить печально».
3. Прочитайте диалог Даши и цветка. Как понимает глагол «звать» каждый из них?
4. Попробуйте рассказать от лица Даши или цветка о том, что с ними происходило. Включите в своё повествование словосочетания из произведения Платонова: «ветер один гулял по пустырю», «сухая мёртвая глина», «он трудился день и ночь», «не хотел жить печально», «отчего ты на других непохожий», «они хотели, чтобы и на пустыре земля стала доброй».

Фонохрестоматия

СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ

А. П. Платонов. «Неизвестный цветок»

7. Чем сказка А. П. Платонова отличается от народных сказок, прочитанных вами сказок Пушкина, Жуковского, Ершова, Погорельского?
2. Чем «Неизвестный цветок» А. П. Платонова напоминает «Attalea princeps» Гаршина?
3. Новый цветок, выросший между камнями, был «намного лучше... и ещё прекраснее». Как вы считаете, что этим фактом хотел сказать писатель?

4. Попробуйте пересказать события сказки сначала от имени цветка, а потом от лица Даши. Постарайтесь при этом использовать речевые обороты из текста сказки.

Я ведь, друзья мои, пишу о природе, сам же только о людях и думаю.

М. М. Пришвин

Пришвин — один из своеобразнейших писателей. Он ни на кого не похож — ни у нас, ни в мировой литературе. Может быть, поэтому существует мнение, что у Пришвина нет учителей и предшественников. Это неверно. Учитель у Пришвина есть. Тот единственный учитель, которому обязана своей силой, глубиной и задушевностью русская литература. Этот учитель — русский народ... В повестях, рассказах и «географических очерках» Пришвина всё объединено человеком — беспокойным, думающим, человеком с открытой и смелой душой. Великая любовь Пришвина к природе родилась из его любви к человеку... Его не интересует наносное. Его занимает суть человека, та мечта, которая живёт у каждого в сердце, будь то лесоруб, сапожник, охотник или знаменитый учёный.

Вытащить из человека наружу его сокровенную мечту — вот в чём задача! А сделать это трудно. Ничего человек так глубоко не прячет, как свою мечту. Может быть, потому, что она не выносит самого малого осмеяния и уж, конечно, не выносит прикосновения равнодушных рук. Только единомышленнику можно доверить свою мечту. Таким единомышленником безвестных наших мечтателей и был Пришвин.

К. Г. Паустовский

Вопросы

1. Что особенно близко и дорого К. Г. Паустовскому в творчестве М. М. Пришвина?
2. Как эпиграф к главе перекликается с мыслями К. Г. Паустовского?

КЛАДОВАЯ СОЛНЦА¹

Сказка-быль

В одном селе, возле Блудова болота, в районе города **Переславль-Залесского**, осиротели двое детей. Их мать умерла от болезни, отец погиб на Отечественной войне.

Мы жили в этом селе всего только через один дом от детей. И, конечно, мы тоже вместе с другими соседями старались помочь им, чем только могли. Они были очень милые. Настя была как золотая курочка на высоких ножках. Волосы у неё, ни тёмные, ни светлые, отливали золотом, веснушки по всему лицу были крупные, как золотые монетки, и частые, и тесно им было, и лезли они во все стороны. Только носик один был чистенький и *глядел вверх*,

Вытащить из человека наружу его сокровенную мечту — вот в чём задача! А сделать это трудно. Ничего человек так глубоко не прячет, как свою мечту. Может быть, потому, что она не выносит самого малого осмеяния и уж, конечно, не выносит прикосновения равнодушных рук. Только единомышленнику можно доверить свою мечту. Таким единомышленником безвестных наших мечтателей и был Пришвин.

К. Г. Паустовский

Вопросы

1. Что особенно близко и дорого К. Г. Паустовскому в творчестве М. М. Пришвина?
2. Как эпиграф к главе перекликается с мыслями К. Г. Паустовского?

КЛАДОВАЯ СОЛНЦА

Сказка-быль

В одном селе, возле Блудова болота, в районе города Переславль-Залесского, осиротели двое детей. Их мать умерла от болезни, отец погиб на Отечественной войне.

Мы жили в этом селе всего только через один дом от детей. И, конечно, мы тоже вместе с другими соседями старались помочь им, чем только могли. Они были очень милые. Настя была как золотая курочка на высоких ножках. Волосы у неё, ни тёмные, ни светлые, отливали золотом, веснушки по всему лицу были крупные, как золотые **монетки**, и **частые**, и тесно им **было**, и лезли они во все стороны. Только носик один был чистенький и глядел вверх.

¹ Повесть напечатана с сокращениями.

Митраша был моложе сестры на два года. Ему было всего только десять лет с хвостиком. Он был коротенький, но очень плотный, лобастый, затылок широкий. Это был мальчик упрямый и сильный.

«Мужичок-в-мешочке», улыбаясь, называли его между собой учителя в школе.

«Мужичок-в-мешочке», как и Настя, был в золотых веснушках, а носик его, чистенький тоже, как у сестры, глядел вверх.

После родителей всё их крестьянское хозяйство досталось детям: изба пятистенная, корова Зорька, телушка Дочка, коза Дереза, безымённые овцы, куры, золотой петух Петя и поросёнок Хрен.

Вместе с этим богатством досталась, однако, детишкам бедным и большая забота о всех живых существах. Но с такой ли бедой справлялись наши дети в тяжкие годы Отечественной войны! Вначале, как мы уже говорили, к детям приходили помогать их дальние родственники и все мы, соседи. Но очень что-то скоро умненькие и дружные ребята сами всему научились и стали жить хорошо.

И какие это были умные детишки! Если только возможно было, они присоединялись к общественной работе. Их носики можно было видеть на колхозных полях, на лугах, на скотном дворе, на собраниях, в противотанковых рвах: носики такие задорные.

В этом селе мы, хотя и приезжие люди, знали хорошо жизнь каждого дома. И теперь можем сказать: не было ни одного дома, где бы жили и работали так дружно, как жили наши любимцы.

Как и покойная мать, Настя вставала далеко до солнца, в предрассветный час, по трубе пасту-

ха. С хворостиной в руке выгоняла она своё любимое стадо и катилась обратно в избу. Не ложась уже больше спать, она растопляла печь, чистила картошку, заправляла обед и так хлопотала по хозяйству до ночи. Митраша выучился у отца делать деревянную посуду: бочонки, шайки, лохани. У него есть фуганок, лади́ло¹ длиной больше чем в два его роста. И этим ладилом он подгоняет дощечки одну к другой, складывает и обдерживает² железными или деревянными обручами.

При корове двум детям не было такой нужды, чтобы продавать на рынок деревянную посуду, но добрые люди просят: кому — шайку на умывальник, кому нужен под капли бочонок, кому — кадушечку солить огурцы или грибы, или даже простую посудинку с зубчиками — домашний цветок посадить.

Сделает, и потом ему тоже отплатят добром. Но, кроме бондарства, на нём лежит и всё мужское хозяйство и общественное дело. Он бывает на всех собраниях, старается понять общественные заботы и, наверное, что-то смекает.

Очень хорошо, что Настя постарше брата на два года, а то бы он непременно зазнался и в дружбе у них не было бы, как теперь, прекрасного равенства. Бывает, и теперь Митраша вспоминает, как отец наставлял его мать, и вздумает, подражая отцу, тоже учить свою сестру Настю. Но сестрёнка мало слушается, стоит и улыбается... Тогда «Мужичок-в-мешочке» начинает злиться и хорохориться и всегда говорит задрав нос:

¹ *Лади́ло* — бондарный инструмент. *Бо́ндарь* — мастер по изготовлению бочек и кадушек.

² *Обде́рживает* — обхватывает, связывает.

— Вот ещё!

— Да что ты хорохоришься? — возражает сестра.

— Вот ещё! — сердится брат. — Ты, Настя, сама хорохоришься.

— Нет, это ты!

— Вот ещё!

Так, помучив строптивного брата, Настя оглаживает его по затылку. И как только маленькая ручка сестры коснётся широкого затылка брата, отцовский задор покидает хозяина.

— Давай-ка вместе полоть огурцы, или свёклу мотыжить, или картошку сажать.

* * *

Кислая и очень полезная для здоровья ягода клюква растёт в болотах летом, а собирают её поздней осенью. Но не все знают, что самая-самая хорошая клюква, сладкая, как у нас говорят, бывает, когда она перележит зиму под снегом.

Этой весной снег в густых ельниках ещё держался и в конце апреля, но в болотах всегда бывает много теплее: там в это время снега уже не было вовсе. Узнав об этом от людей, Митраша и Настя стали собираться за клюквой. Ещё до свету Настя задала корм всем своим животным. Митраша взял отцовское двуствольное ружьё «Тулку», манки¹ на рябчиков и не забыл тоже и компас. Никогда, бывало, отец его, отправляясь в лес, не забудет этого компаса. Не раз Митраша спрашивал отца:

— Всю жизнь ты ходишь по лесу, и тебе лес известен весь, как ладонь. Зачем же тебе ещё нужна эта стрелка?

¹ *Манки* (*манок*) — свистки, издающие звуки, очень похожие на голоса птиц, которых приманивает охотник.

— Видишь, Дмитрий Павлович, — отвечал отец, — в лесу эта стрелка тебе добрей матери: бывает, небо закроется тучами, и по солнцу в лесу ты определиться не можешь, пойдёшь наугад — ошибёшься, заблудишься, заголодаешь. Вот тогда взгляни только на стрелку — и она укажет тебе, где твой дом. Пойдёшь прямо по стрелке домой, и тебя **там покормят. Стрелка эта** тебе верней друга: бывает, друг твой изменит тебе, а стрелка неизменно всегда, как её ни верти, всё на север глядит.

Осмотрев чудесную вещь, Митраша запер компас, чтобы стрелка в пути не дрожала. Он хорошо, по-отцовски, обернул вокруг ног портянки, вправил в сапоги, картузик надел такой старый, что козырёк его разделился надвое: верхняя корочка задралась выше солнца, а нижняя спускалась почти до самого носика. Оделся же Митраша в отцовскую старую куртку, вернее же в воротник, соединяющий полосы когда-то хорошей домотканой материи. На животике своем мальчик связал эти полосы кушаком, и отцовская куртка села на нём, как пальто, до самой земли. Ещё сын охотника заткнул за пояс топор, сумку с компасом повесил на правое плечо, двуствольную «Тулку» — на левое, и так сделался ужасно страшным для всех птиц и зверей.

Настя, начиная собираться, повесила себе через плечо на полотенце большую корзину.

— Зачем тебе полотенце? — спросил Митраша.

— А как же? — ответила Настя. — Ты разве не помнишь, как мама за грибами ходила?

— За грибами! Много ты понимаешь: грибов бывает много, так плечо режет.

— А клюквы, может быть, у нас ещё больше будет.

И только хотел сказать Митраша своё «**вот ещё!**», вспомнилось ему, как отец о клюкве сказал, ещё когда собирали его на войну.

— Ты это помнишь, — сказал Митраша сестре, — как отец нам говорил о клюкве, что есть **палестинка**¹ в лесу...

— Помню, — ответила Настя, — о клюкве говорил, что знает местечко и клюква там осыпая, но что он о какой-то палестинке говорил, я не знаю. Еще помню, говорил про страшное место **Слепую елань**².

— Вот там, возле елани, и есть палестинка, — сказал Митраша. — Отец говорил: идите на **Высокую гриву** и после того держите на север и, когда перевалите через **Звонкую борину**, держите всё прямо на север и увидите — там придёт вам палестинка, вся красная, как кровь, от одной только клюквы. На палестинке ещё никто не бывал!

Митраша говорил это уже в дверях. Настя во время рассказа вспомнила: у неё от вчерашнего дня остался целый, нетронутый чугунок варёной картошки. Забыв о палестинке, она тихонечко шмыгнула к **загнетке**³ и опрокинула в корзинку весь чугунок.

«Может быть, ещё и заблудимся, — подумала она. — Хлеба у нас взято довольно, есть бутылка молока, а картошка, может быть, тоже пригодится».

А брат в это время, думая, что сестра всё стоит за его спиной, рассказывал ей о чудесной пале-

¹ *Палестинкой* называют в народе какое-нибудь отменно приятное местечко в лесу (*прим. автора*).

² *Елань* — топкое место в болоте, всё равно что прорубь на льду (*прим. автора*).

³ *Загнётка* — углубление в русской печи, куда сгребаются горячие угли.

стинке и что, правда, на пути к ней Слепая елань, где много погибло и людей, и коров, и коней.

— Ну, так что это за палестинка? — спросила Настя.

— Так ты ничего не слыхала?! — схватился он.

И терпеливо повторил ей уже на ходу всё, что слышал от отца о не известной никому палестинке, где растёт сладкая клюква.

* * *

Лет двести тому назад ветер-сеятель принёс два семечка в Блудово болото: семя сосны и семя ели. Оба семечка легли в одну ямку возле большого плоского камня... С тех пор уже лет, может быть, двести эти ель и сосна вместе растут. Их корни с малолетства сплелись, их стволы тянулись вверх рядом к свету, стараясь обогнать друг друга. Деревья разных пород боролись между собой корнями за питание, сучьями — за воздух и свет. Поднимаясь всё выше, толстая стволами, они впивались сухими сучьями в живые стволы и местами насквозь прокололи друг друга. Злой ветер, устроив деревьям такую несчастную жизнь, прилетал сюда иногда покачать их. И тогда деревья так стонали и выли на всё Блудово болото, как живые существа, что лисичка, свернувшаяся на моховой кочке в клубочек, поднимала вверх свою острую мордочку. До того близок был живым существам этот стон и вой сосны и ели, что одичавшая собака в Блудовом болоте, услышав его, выла от тоски по человеку, а волк выл от неизбывной злобы к нему.

Сюда, к Лежачему камню, пришли дети в то самое время, когда первые лучи солнца, проле-

тев над низенькими корявыми болотными ёлочками и берёзками, осветили Звонкую борину, и могучие стволы соснового бора стали как зажжённые свечи великого храма природы. Оттуда сюда, к этому плоскому камню, где сели отдохнуть дети, слабо долетало пение птиц, посвящённое восходу великого солнца.

Было совсем тихо в природе, и дети, озябшие, до того были тихи, что тетерев Косач не обратил на них никакого внимания. Он сел на самом верху, где сук сосны и сук ели сложились, как мостик между двумя деревьями. Устроившись на этом мостике, для него довольно широком, ближе к ели, Косач как будто стал расцветать в лучах восходящего солнца. На голове его гребешок загорелся огненным цветком. Синяя в глубине чёрного грудь его стала переливать из синего на зелёное. И особенно красив стал его радужный, раскинутый лирой хвост. Завидев солнце над болотными, жалкими ёлочками, он вдруг подпрыгнул на своем высоком мостике, показав своё белое, чистейшее бельё подхвостья, подкрылья, и крикнул:

— Чуф! Ши!

По-тетеревиному «чуф» скорее всего значило «солнце», а «ши», вероятно, было у них наше «здравствуй».

В ответ на это первое чуфыканье Косача-токовица далеко по всему болоту раздалось такое же чуфыканье с хлопаньем крыльев, и вскоре со всех сторон сюда стали прилетать и садиться вблизи Лежачего камня десятки больших птиц, как две капли воды похожих на Косача.

Затаив дыхание, сидели дети на холодном камне, дожидаясь, когда и к ним придут лучи солнца и обогреют их хоть немного. И вот первый луч, скользнув по верхушкам ближайших,

очень маленьких ёлочек, наконец-то заиграл на щеках у детей.

Неподвижные, как **изваяния**¹, сидели на камне охотники за сладкой клюквой. Солнце, такое горячее и чистое, вышло против них над болотными ёлочками. Но случилось на небе в это время одно облако. Оно явилось, как холодная синяя стрелка, и пересекло собой пополам восходящее солнце. В то же время вдруг ветер рванул, ёлка нажала на сосну, и сосна простонала. Ветер рванул ещё раз, и тогда нажала сосна, и ель зарычала.

В это время, отдохнув на камне и согревшись в лучах солнца, Настя с Митрашей встали, чтобы продолжать дальше свой путь. Но у самого камня довольно широкая болотная тропа расходилась вилкой: одна, хорошая, плотная тропа, шла направо, другая, слабенькая, прямо.

Проверив по компасу направление троп, Митраша, указывая на слабую тропу, сказал:

— Нам надо по этой на север.

— Это не тропа! — ответила Настя.

— Вот ещё! — рассердился Митраша. — Люди шли, — значит, тропа. Нам надо идти на север. Идём, и не разговаривай больше.

Насте было обидно подчиниться младшему Митраше.

— Кра! — крикнула в это время ворона в гнезде.

И её самец мелкими шажками перебежал бли-
Косачу на полмостика.

Вторая круто-синяя стрелка пересекла солнце, и сверху стала надвигаться серая хмарь. Золотая Курочка собралась с силами и попробовала уговорить своего друга.

Изваяние — статуя.

— Смотри, — сказала она, — какая плотная моя тропа, тут все люди ходят. Неужели мы умней всех?

— Пусть ходят все люди, — решительно ответил упрямый **«Мужичок-в-мешочке»**. — Мы должны идти по стрелке, как отец нас учил, на север, к палестинке.

— Отец нам сказки рассказывал, он шутил с нами, — сказала Настя, — и, наверно, на севере вовсе и нет никакой палестинки. Очень даже будет глупо нам по стрелке идти: как раз не на палестинку, а в самую Слепую елань угодим.

— Ну ладно, — резко повернул Митраша, — я с тобой больше спорить не буду: ты иди по своей тропе, куда все бабы ходят за клюквой, я же пойду сам по себе, по своей тропке, на север.

И в самом деле пошёл туда, не подумав ни о корзине для клюквы, ни о пище.

Насте бы надо было об этом напомнить ему, но она так сама рассердилась, что, вся красная, как кумач, плюнула вслед ему и пошла за клюквой по общей тропе.

— Кра! — закричала ворона.

И самец, быстро перебежав по мостику остальной путь до Косача, со всей силой долбанул его. Как ошпаренный метнулся Косач к улетающим тетеревам, но разгневанный самец догнал его, **вырвал**, пустил по воздуху пучок белых и радужных **пёрышек** и погнал далеко.

Тогда серая хмарь плотно надвинулась и закрыла всё солнце с его живительными лучами. Злой ветер очень резко рванул. Сплетённые корнями деревья, прокалывая друг друга сучьями, на всё Блудово болото зарычали, завывали, застонали.

Деревья так жалобно стонали, что из полуобвалившейся картофельной ямы возле сторожки Антипыча вылезла его гончая собака Травка и точно так же, в тон деревьям, жалобно завывала. Зачем же надо было вылезать собаке так рано из тёплого, налѣжанного подвала и жалобно выть, отвечая деревьям?

Среди звуков стога, рычання, ворчання, воя в это утро у деревьев иногда выходило так, будто где-то горько плакал в лесу потерянный или покинутый ребёнок.

Вот этот плач и не могла выносить Травка и, заслышав его, вылезала из ямы в ночь и в полночь. Этот плач сплетѣнных навеки деревьев не могла выносить собака: деревья животному напоминали о его собственном горе.

Уже целых два года прошло, как случилось ужасное несчастье в жизни Травки: умер обожаемый ею лесник, старый охотник Антипыч.

Мы с давних лет ездили к этому Антипычу на охоту, и старик, думается, сам позабыл, сколько ему было лет, всё жил, жил в своей лесной сторожке, и казалось — он никогда не умрѣт.

— Сколько тебе лет, Антипыч? — спрашивали мы. — Восемьдесят?

— Мало, — отвечал он.

— Сто?

— Много.

— Антипыч, ну брось свои шутки, скажи нам по правде, сколько же тебе лет?

— По правде, — отвечал старик, — я вам скажу, если вы вперѣд скажете мне, что есть правда, какая она, где живѣт и как её найти.

Трудно было ответить нам.

— Ты, Антипыч, старше нас, — говорили мы, — и ты, наверно, сам лучше нас знаешь, где правда.

— Знаю, — усмехался Антипыч.

— Ну, скажи.

— Нет, пока жив я, сказать не могу, вы сами ищите. Ну, а как умирать буду, приезжайте, я вам тогда на ушко перешепну всю правду. Приезжайте!

— Хорошо, приедем. А вдруг не угадаем, когда надо, и ты без нас помрёшь?

Дедушка прищурился по-своему, как он всегда шурился, когда хотел посмеяться и пошутить.

— Деточки, — сказал он, — вы не маленькие, пора бы самим знать, а вы всё спрашиваете. Ну, ладно уж, когда помирать соберусь и вас тут не будет, я Травке своей перешепчу. Травка! — позвал **ОН**.

В хату вошла большая рыжая собака с чёрным ремешком по всей спине. У неё под глазами были чёрные полосы с загибом вроде очков. И от этого глаза казались очень большими, и ими она спрашивала: «Зачем позвал меня, хозяин?»

Антипыч как-то особенно поглядел на неё, и собака сразу поняла человека: он звал её по приятельству, по дружбе, ни для чего, а просто так, пошутить, поиграть. Травка замахала хвостом, стала снижаться на ногах всё ниже, ниже и, когда подползла так к коленям старика, легла на спину и повернула вверх светлый живот с шестью парами чёрных сосков. Антипыч только руку протянул было, чтобы погладить её, она как вдруг вскочит и лапами на плечи — и чмок и чмок его: и в нос, и в щёки, и в самые губы.

— Ну, будет, будет, — сказал он, успокаивая собаку и вытирая лицо рукавом.

Погладил её по голове и сказал:

— Ну, будет, теперь ступай к себе.

Травка повернулась и вышла во двор.

— То-то, ребята, — сказал Антипыч, — вот Травка, собака гончая, с одного слова всё понимает, а вы, глупенькие, спрашиваете, где правда живёт. Ладно же, приезжайте. А упустите меня, Травке я всё перешепчу.

И вот умер **Антипыч**. Вскоре после этого началась Великая Отечественная война. Другого сторожа на место Антипыча не назначили и сторожку его **бросили**. Очень ветхий был домик, старше много самого Антипыча, и держался уже на подпорках. Как-то раз без хозяина ветер поиграл с домиком, и он сразу весь развалился, как разваливается карточный домик от одного дыхания младенца. В один год высокая трава иван-чай проросла через брёвнышки, и от всей избушки остался на лесной поляне холмик, покрытый красными цветами. А Травка переселилась в картофельную яму и стала жить в лесу, как и всякий зверь.

Только очень трудно было Травке привыкать к дикой жизни. Она гоняла зверей для Антипыча, своего великого и милостивого хозяина, но не для себя. Много раз случалось ей на **гону**¹ поймать зайца. Подмяв его под себя, она ложилась и ждала, когда Антипыч придёт, и, часто вовсе голодная, не позволяла себе есть зайца. Даже если Антипыч почему-нибудь не приходил, она брала зайца в зубы, высоко задирала голову, чтобы он не **болтался**, и тащила **домой**. Так она и работала на Антипыча, но не на себя: хозяин любил её,

На гону — в погоне, в быстром беге.

кормил и берег от волков. А теперь, когда умер Антипыч, ей нужно было, как и всякому дикому зверю, жить для себя. Случалось, не один раз на жарком гону она забывала, что гонит зайца только для того, чтобы поймать его и съесть. До того забывалась Травка на такой охоте, что, поймав зайца, тащила его к Антипычу, и тут иногда, услышав стон деревьев, взбиралась на холм, бывший когда-то избушкой, и выла, и выла...

К этому вою давно уже прислушивался волк Серый Помещик...

...В то утро, когда дети между собой поссорились и пошли по разным тропам, Серый лежал голодный и злой. Когда ветер замутил утро и завывали деревья возле Лежачего камня, он не выдержал и вылез из своего логова. Он стал над завалом, поднял голову, подобрал и так тощий живот, поставил единственное ухо на ветер, выпрямил половину хвоста и завыл.

Какой это жалобный вой! Но ты, прохожий человек, если услышишь и у тебя поднимется ответное чувство, не верь жалости: воет не собака, вернейший друг человека, это — волк, злейший враг его, самой злобой своей обречённый на гибель. Ты, прохожий, побереги свою жалость не для того, кто о себе воет, как волк, а для того, кто, как собака, потерявшая хозяина, воет, не зная, кому же теперь после него ей послужить.

* * *

Слепая елань, куда повела Митрашу стрелка компаса, было место погибельное, и тут на веках немало затянуло в болото людей и ещё больше скота. И уж, конечно, всем, кто идёт в Блудово болото, надо хорошо знать, что это такое Слепая елань.

Мы это так понимаем, что всё Блудово болото, со всеми огромными запасами горючего торфа, есть кладовая солнца. Да, вот именно так и есть, что горячее солнце было матерью каждой травинки, каждого цветочка, каждого болотного кустика и ягодки. Всем им солнце отдавало своё тепло, и они, умирая, разлагаясь, в удобрении передавали его, как наследство, другим растениям, кустикам, ягодкам, цветкам и травинкам. Но в болотах вода не даёт родителям-растениям передавать всё своё добро детям. Тысячи лет это добро под водой сохраняется, болото становится кладовой солнца, и потом вся эта кладовая солнца, как торф, достаётся человеку в наследство.

Блудово болото содержит огромные запасы горючего, но слой торфа не везде одинаковой толщины. Там, где сидели дети, у Лежачего камня, растения слой за слоем ложились друг на друга тысячи лет. Тут был старейший пласт торфа, но дальше, чем ближе к Слепой елани, слой становился всё моложе и тоньше.

Мало-помалу, по мере того как Митраша продвигался вперёд по указанию стрелки и тропы, кочки под его ногами становились не просто мягкими, как раньше, а полужидкими. Ступит ногой как будто на твёрдое, а нога уходит, и становится страшно: не совсем ли в пропасть уходит нога? Попадаются какие-то вертлявые кочки, приходится выбирать место, куда ногу поставить. А потом и так пошло, что ступишь, а у тебя под ногой от этого вдруг, как в животе, заурчит и побежит куда-то под болотом.

Земля под ногой стала как гамак, подвешенный над тинистой бездной. На этой подвижной земле, на тонком слое сплетённых между собой корнями и стеблями растений, стоят редкие, ма-

ленькие, корявые и заплесневелые ёлочки. Кислая болотная почва не даёт им расти, и им, таким маленьким, лет уже по сто, а то и побольше... Ёлочки-старушки не как деревья в бору все одинаковые: высокие, стройные, дерево к дереву, колонна к колонне, свеча к свече. Чем старше старушка на болоте, тем кажется чуднее. То вот одна голый сук подняла, как руку, чтобы обнять тебя на ходу, а у другой палка в руке, и она ждёт тебя, чтобы хлопнуть, третья присела за чем-то, четвёртая стоя вяжет чулок, — и так все: что ни ёлочка, то непременно на что-то похожа.

Слой под ногами у Митраши становился всё тоньше и тоньше, но растения, наверное, очень крепко сплелись и хорошо держали человека, и, качаясь и покачивая всё далеко вокруг, он всё шёл и шёл вперёд. Митраше оставалось только верить тому человеку, кто шёл впереди его и оставил даже тропу после себя.

Очень волновались старушки-ёлки, пропуская между собой мальчика с длинным ружьём, в картузе с двумя козырьками. Бывает, одна вдруг поднимется, как будто хочет смельчака палкой ударить по голове, и закроет собой впереди всех других старушек. А потом опустится, и другая колдунья тянет к тропе костлявую руку. И ждёшь — вот-вот, как в сказке, полянка покажется, и на ней избушка колдуньи с мёртвыми головами на **шестах...**

Чёрный ворон, стерегущий гнездо на борине, облетая по сторожевому кругу болото, заметил маленького охотника с двойным козырьком. Весной и у ворона тоже является особый крик, похожий на то, как если человек крикнет горлом и внос: «**Дронтон!**» Есть непонятные и неуловимые нашим ухом оттенки в основном звуке, и оттого

мы не можем понять разговор воронов, а только догадываемся, как глухонемые.

— Дрон-тон! — крикнул сторожевой ворон в том смысле, что какой-то маленький человек с двойным козырьком и ружьём близится к Слепой елани и что, может быть, скоро будет пожива.

— Дрон-тон! — ответила издали на гнезде ворона-самка.

И это значило у неё:

— Слушу и жду!

Сороки, состоящие с воронами в близком родстве, заметили перекличку воронов и застрекотали. И даже лисичка после неудачной охоты за мышами наострила ушки на крик ворона.

Митраша всё это слышал, но ничуть не трусил, — что ему было трусить, если под его ногами тропа человеческая: шёл такой же человек, как и он, значит, и он сам, Митраша, мог по ней смело идти. И, услышав ворона, он даже запел:

Ты не вейся, чёрный ворон,
Над моею головой!

Пение подбодрило его ещё больше, и он даже смекнул, как ему сократить трудный путь по тропе. Поглядывая себе под ноги, он заметил, что нога его, опускаясь в грязь, сейчас же собирает туда, в ямку, воду. Так и каждый человек, проходя по тропе, спускал воду из мха пониже, и оттого на осушенной бровке, рядом с ручейком тропы, по ту и другую сторону аллею вырастала высокая сладкая трава белоус. По этой, не жёлтого цвета, как всюду было теперь ранней весной, а скорее цвета белого, траве можно было далеко впереди себя понять, где проходит тропа человеческая. Вот Митраша увидел: его тропа круто завёртывает влево и туда идёт далеко и

там совсем исчезает. Он проверил по компасу, стрелка глядела на север, тропа уходила на запад.

— Чьи вы? — закричал в это время чибис.

— Жив, жив! — ответил кулик.

— Дрон-тон! — ещё уверенней крикнул ворон.

И кругом в ёлочках затрещали сороки.

Оглядев местность, Митраша увидел прямо перед собой чистую, хорошую поляну, где кочки, постепенно снижаясь, переходили в совершенно ровное место. Но самое главное: он увидел, что совсем близко по той стороне поляны змеилась высокая трава белоус — неизменный спутник тропы человеческой. Узнавая по направлению белоуса тропу, идущую не прямо на север, Митраша подумал: «**Зачем** же я буду поворачивать налево, на кочки, если тропа вон, рукой подать, виднеется там, за полянкой?»

И он смело пошёл вперёд, пересекая чистую полянку...

— Эх, вы! — бывало, говорил нам Антипыч, когда мы провалимся в болото, придём домой грязные, мокрые. — Ходите вы, ребята, одетые и обутые.

— А то как же?

— Ходили бы, — отвечал он, — голенькие и разутые.

— Зачем же голенькие и разутые?

А он то-то над нами покатывался.

Так мы ничего и не понимали, чему смеялся старик.

Теперь только, через много лет, приходят в голову слова Антипыча, и всё становится понятным: обращал к нам Антипыч эти слова, когда мы, ребяташки, задорно и уверенно посвистывая, говорили о том, чего ещё вовсе не испытали.

Антипыч, предлагая ходить нам голенькими и разутыми, только не договаривал: «Не зная броду, не лезьте в воду».

Так вот и Митраша. И благоразумная Настя предупреждала его. И трава белоус показывала направление обхода елани. Нет! Не зная броду, оставил выбитую тропу человеческую и прямо полез в Слепую елань. А между тем тут-то вот именно, на этой полянке, вовсе прекращалось сплетение растений, тут была елань, то же самое, что зимой в пруду прорубь. В обыкновенной елани всегда бывает видна хоть чуть-чуть водица, прикрытая белыми прекрасными купавами, водяными лилиями. Вот за то эта елань называлась Слепою, что по виду её было невозможно узнать.

Митраша по елани шёл вначале лучше, чем даже раньше по болоту. Постепенно, однако, нога его стала утопать всё глубже и глубже, и становилось всё труднее и труднее вытаскивать её обратно. Тут лосю хорошо, у него страшная сила в длинной ноге, и, главное, он не задумывается и мчится одинаково и в лесу, и в болоте. Но Митраша, почуяв опасность, остановился и призадумался над своим положением. В один миг остановки он погрузился по колено, в другой миг ему стало выше колен. Он ещё мог бы, сделав усилие, вырваться из елани обратно. И надумал было он повернуться, положить ружьё на болото и, опираясь на него, выскочить. Но тут же, совсем недалеко от себя, впереди, увидел высокую белую траву на следу человеческом.

— Перескочу, — сказал он.

И рванулся.

Но было уже поздно. Сгоряча, как раненый, — пропадать так уж пропадать, — на авось, рванулся ещё, и ещё, и ещё. И почувствовал себя плотно схваченным со всех сторон по самую грудь. Те-

перь даже и сильно дыхнуть ему нельзя было, при малейшем движении его тянуло вниз. Он мог сделать только одно: положить плашмя ружье на болото и, опираясь на него двумя руками, не шевелиться и успокоить поскорее дыхание. Так он и сделал: снял с себя ружьё, положил его перед собой, опёрся на него той и другой рукой.

Внезапный порыв ветра принёс ему пронзительный Настин крик:

— Митраша!

Он ей ответил.

Но ветер был с той стороны, где Настя, и уносил его крик в ту сторону Блудова болота, на запад, где без конца были только ёлочки. Одни сороки отозвались ему и, перелетая с ёлочки на ёлочку с обычным их тревожным стрекотаньем, мало-помалу окружили всю Слепую елань и, сидя на верхних пальчиках ёлок, тонкие, носатые, длиннохвостые, стали трещать, одни вроде:

— Дри-ти-ти!

Другие:

— Дра-та-та!

— Дрон-тон! — крикнул ворон **сверху...**

И очень умные на всякое поганое дело сороки смекнули о полном бессилии погружённого в болото маленького человечка. Они соскочили с верхних пальчиков ёлок на землю и с разных сторон начали прыжками своё сорочье наступление.

Маленький человечек с двойным козырьком кричать перестал. По его загорелому лицу, по щекам блестящими ручейками потекли слёзы.

* * *

Кто никогда не видал, как растёт клюква, тот может очень долго идти по болоту и не замечать, что он по клюкве идёт. Вот взять ягоду черни-

ку, — та растёт, и её видишь: стебелёчек тоненький тянется вверх, по стебельку, как крылышки, в разные стороны зелёные маленькие листики, и у листиков сидят мелким горошком чернички, чёрные ягодки с синим пушком. Так же брусника, кровяно-красная ягода, листики тёмно-зелёные, плотные, не желтеют даже под снегом, и так много бывает ягоды, что место кажется кровью полито. Ещё растёт в болоте голубика кустиком, ягода голубая, более крупная, не пройдёшь, не заметив. В глухих местах, где живёт огромная птица глухарь, встречается костяника, красно-рубиновая ягода кисточкой, и каждый рубинчик в зелёной оправе. Только у нас одна-единственная ягода клюква, особенно ранней весной, прячется в болотной кочке и почти невидима сверху. Только уж когда очень много её соберётся на одном месте, заметишь сверху и подумаешь: «Вот кто-то клюкву рассыпал». Наклонишься взять одну, попробовать, и тянешь вместе с одной ягодинкой зелёную ниточку со многими клюквинками. Захочешь — и можешь вытянуть себе из кочки целое ожерелье крупных кровяно-красных ягод...

Вначале Настя срывала с плети каждую ягодку, отдельно для каждой красненькой наклонялась к земле. Но скоро из-за одной ягодки наклоняться перестала: ей больше хотелось. Она стала уже теперь догадываться, где не **од ну-две** ягодки можно взять, а целую горсточку, и стала наклоняться только за горсточкой. Так она ссыпает горсточку за горсточкой, всё чаще и чаще, а хочется всё больше и больше.

Бывало, раньше дома часу не поработает Настенька, чтобы не вспомнился брат, чтобы не захотелось с ним **перекликнуться**. А вот теперь он ушёл неизвестно куда, а она и не помнит, что

ведь хлеб-то у неё, что любимый брат там где-то, в тёмном болоте, голодный идёт. Да она и о себе самой забыла и помнит только о клюкве, и ей хочется всё больше и больше.

Из-за чего же ведь и весь сыр-бор загорелся у неё при споре с Митрашей: именно, что ей захотелось идти по набитой тропе. А теперь, следуя ощупью за клюквой, — куда клюква ведёт, туда и она, — Настя незаметно сошла с набитой тропы.

Было только один раз вроде пробуждения: она вдруг поняла, что где-то сошла с тропы. Повернула туда, где, показалось, проходила тропа, но там тропы не было. Она бросилась было в другую сторону, где маячили два дерева сухие с голыми сучьями, — там тоже тропы не было. Тут-то бы к случаю и вспомнить ей про компас, как о нём говорил Митраша, и своего-то брата, своего любимого, вспомнить, что он голодный идёт, и, вспомнив, перекликнуться с ним...

И только-только бы вспомнить, как вдруг Настенька увидела такое, что не всякой клюквеннице достаётся хоть раз в жизни своей увидеть...

В споре своём, по какой тропе идти, дети одного не знали: что большая тропа и малая, огибая Слепую елань, обе сходились на Сухой речке и там, за Сухой, больше уже не расходясь, в конце концов выводили на большую Переславскую дорогу. Большим полукругом Настина тропа огибала по *суходолу*¹ Слепую елань. Митрашина тропа шла напрямик возле самого края елани. Не сплосай он, не упустит из виду траву белоус на тропе человеческой, он давным-давно бы уже

¹ *Суходол* — долина без воды или низина, не заливаемая водой.

был на том месте, куда пришла только теперь Настя. И это место, спрятанное между кустиками можжевельника, и было как раз той самой палестинкой, куда Митраша стремился по компасу.

Приди сюда Митраша голодный и без корзины, что бы ему было тут делать, на этой палестинке кроваво-красного цвета! На палестинку пришла Настя с большой корзиной, с большим запасом продовольствия, забытым и покрытым кислой ягодой...

На самой середине палестинки не было клюквы. Тут выдался холмистой куртинкой¹ частый осинник, и в нём стоял рогатый великан лось. Посмотреть на него с одной стороны — покажется, он похож на быка, посмотреть с другой — лошадь и лошадь: и стройное тело, и стройные ноги сухие, и мурло с тонкими ноздрями. Но как выгнуто это мурло, какие глаза и какие рога! Смотришь и думаешь: а может быть, и нет ничего — ни быка, ни коня, а так складывается из осинника, если вот ясно видно, как толстые губы чудовища прищёпнулись к дереву и на нежной осинке остается узкая белая полоска: это чудовище так кормится. Да почти и на всех осинках виднеются такие загрызы. Нет, не видение в болоте эта громадина. Но как понять, что на осиновой корочке и лепестках болотного трилистника может вырасти такое большое тело? Откуда же у человека при его могуществе берётся жадность даже к кислой ягоде клюкве?

Лось, обирая осинку, с высоты своей спокойно глядит на ползающую девочку, как на всякую ползающую тварь.

¹ Куртiнка— здесь: островок.

Ничего не видя, кроме своей клюквы, ползёт она и ползёт к большому чёрному пню. Еле передвигает за собой корзину, вся мокрая и грязная, прежняя Золотая Курочка на высоких ножках.

Лось её и за человека не считает: у неё все повадки обычных зверей, на каких он смотрит равнодушно, как мы на бездушные камни.

А большой чёрный пенёк собирает в себе лучи солнца и сильно нагревается. Вот уже начинается вечереть, воздух и всё кругом охлаждается. Но пенёк, чёрный и большой, ещё сохраняет тепло. На него выползли из болота и припали к теплу шесть маленьких ящериц; четыре бабочки-лимонницы, сложив крылышки, припали усиками; большие чёрные мухи прилетели ночевать. Длинная клюквенная плеть, цепляясь за стебельки трав и неровности, оплела чёрный тёплый пенёк и, сделав на самом верху несколько оборотов, спустилась по ту сторону. Ядовитые змеи-гадюки в это время года стерегут тепло, и одна, громадная, в полметра длинной, вползла на пенёк и свернулась колечком на клюкве.

А девочка тоже ползла по болоту, не поднимая вверх высоко головы. И так она приползла к горелому пню и дёрнула за самую плеть, где лежала змея. Гади́на подняла голову и зашипела. И Настя тоже подняла голову...

Тогда-то наконец Настя очнулась, вскочила, и лось, узнав в ней человека, прыгнул из осинника и, выбрасывая вперёд сильные длинные ноги-ходули, помчался легко по вязкому болоту, как мчится по сухой тропинке заяц-русак.

Испуганная лосем, Настенька изумлённо смотрела на змею: гадюка по-прежнему лежала, свернувшись колечком в тёплом луче солнца. Насте

«Кладовая солнца». Художник *Е. Рачёв*

представилось, будто это она сама осталась там, на пне, и теперь вышла из шкуры змеиной и стоит, не понимая, где она.

Совсем недалеко стояла и смотрела на неё большая рыжая собака с чёрным ремешком на спине. Собака эта была Травка, и Настя даже вспомнила её: Антипыч не раз приходил с ней в село.

Но кличку собаки вспомнить она не могла верно и крикнула ей:

— Муравка, Муравка, я дам тебе хлебца!

И потянулась к корзине за хлебом. Доверху корзина была наполнена, и под клюквой был хлеб.

Сколько же времени прошло, сколько клюквинок легло с утра до вечера, пока огромная корзина наполнилась? Где же был за это время брат голодный и как она забыла о нём, как она сама забыла себя и всё вокруг?

Она опять поглядела на пень, где лежала змея, и вдруг пронзительно закричала:

— Братец, Митраша!

И, рыдая, упала возле корзины, наполненной **клюквой**.

Вот этот пронзительный крик и долетел тогда до елани, и Митраша это слышал и ответил, но порыв ветра тогда унёс крик в другую сторону.

* * *

Тот сильный порыв ветра, когда крикнула бедная Настя, был ещё не последним перед тишиной вечерней зари. Солнце в это время проходило вниз через толстое облако и выбросило оттуда на землю золотые ножки своего трона.

И тот порыв был ещё не последним, когда в ответ на крик Насти закричал Митраша.

Последний порыв был, когда солнце погрузило как будто под землю золотые ножки своего трона и, большое, чистое, красное, нижним краешком своим коснулось **земли**. Тогда на суходеле запел свою милую песенку маленький певчий дрозд-белобровик. Несмело возле Лежачего камня на успокоенных деревьях заточивал Косач-токовик. И журавли прокричали три раза, не как утром — «победа», а вроде как бы:

— Спите, но помните: мы вас всех скоро разбудим, разбудим, разбудим!

День кончился не порывом ветра, а последним лёгким дыханием. Тогда наступила полная тишина, и везде стало всё слышно, даже как пересвистывались рябчики в зарослях Сухой речки.

В это время, почуяв беду человеческую, Травка подошла к рыдающей Насте и лизнула её солёную от слёз щёку. Настя подняла было голову, поглядела на собаку и так, ничего не сказав ей, опустила голову обратно и положила её прямо на ягоду. Сквозь клюкву Травка явственно чуяла хлеб, и ей ужасно хотелось есть, но позволить себе покопаться лапами в клюкве она никак не могла. Вместо этого, чуя беду человеческую, она подняла высоко голову и завывала...

В полной тишине, когда выла Травка, Серый сразу понял, что это было на палестинке, и скорей-скорей замахал туда напрямик. Только очень скоро Травка выть перестала, и Серый остановился переждать, когда вой снова начнётся.

А Травка в это время сама слышала в стороне Лежачего камня знакомый тоненький и редкий голосок:

— Тяв! Тяв!

И сразу поняла, конечно, что это тьякала лисица по зайцу. И то поняла, что лисице без хитрости никогда не догнать зайца и тьякает она, только чтобы он бежал и морился, и когда уморится и ляжет, тут-то она и схватит его на

Выслушав гон лисицы, Травка точно так же, как и мы, охотники, поняла круг пробега зайца: от Лежачего камня заяц бежал на Слепую елань и оттуда на Сухую речку, оттуда долго полукругом на палестинку и опять непременно к Лежачему камню...

И Травка своим собачьим способом бросилась вслед зайцу и, взвизгнув заливисто, мерным, ровным собачьим лаем наполнила всю вечернюю тишину.

Услыхав собаку, лисичка, конечно, сейчас же бросила охоту за русаком и занялась повседневной охотой на мышей... А Серый наконец-то услышал долгожданный лай собаки, понёсся на махах в направлении Слепой елани.

* * *

...Зайцу повезло на этот раз. Он понял: собака, начав делать свой круг по елани, с чём-то там встретилась, и вдруг там явственно послышался голос человека и поднялся страшный шум...

А Травка, разлетевшись на елани по зайцу, вдруг в десяти шагах от себя глаза в глаза увидела маленького человека и, забыв о зайце, остановилась как вкопанная.

Что думала Травка, глядя на маленького человека в елани, можно легко догадаться. Ведь это для нас все мы разные. Для Травки все люди были, как два человека: один — Антипыч с разными лицами и другой человек — это враг Антипыча. И вот почему хорошая, умная собака не подходит сразу к человеку, а остановится и узнает, её это хозяин или враг его.

Так вот и стояла Травка и глядела в лицо маленького человека, **освещённого** последним лучом заходящего солнца.

Глаза у маленького человека были сначала тусклые, мёртвые, но вдруг в них загорелся огонёк, и вот это заметила Травка.

«Скорее всего, это Антипыч», — подумала Травка.

И чуть-чуть, еле заметно вильнула хвостом.

Мы, конечно, не можем знать, как думала Травка, узнавая своего Антипыча, но догадываться, конечно, можно. Вы помните, бывало ли с вами так? Бывает, наклонишься в лесу к тихой заводи ручья и там, как в зеркале, увидишь — весь-то человек, большой, прекрасный, как для Травки Антипыч, из-за твоей спины наклонился и тоже смотрит в заводь, как в зеркало. И так он прекрасен там, в зеркале, со всею природой, с облаками, лесами, и солнышко там внизу тоже садится, и молодой месяц показывается, и частые звёздочки.

Так вот точно, наверно, и Травке в каждом лице человека, как в зеркале, виделся весь человек Антипыч, и к каждому стремилась она броситься на шею, но по опыту своему она знала: есть враг Антипыча с точно таким же лицом.

И она ждала.

А лапы её между тем понемногу тоже засасывало.

Если так дальше стоять, то и собачьи лапы так засосёт, что и не вытащишь. Ждать больше **нельзя.**

И вдруг... Ни гром, ни молния, ни солнечный восход со всеми победными звуками, ни закат с журавлиным обещанием нового прекрасного дня — ничто, никакое чудо природы не могло быть больше того, что случилось сейчас для Травки в болоте: она услышала слово человеческое — и какое слово!

Антипыч, как большой, настоящий охотник, назвал свою собаку вначале, конечно, по-охотничьи — от слова травить, и наша Травка вначале у него называлась Затравка; но после охотничья кличка на языке оболталась, и вышло прекрас-

ное имя Травка. В последний раз, когда приходил к нам Антипыч, собака его называлась ещё Затравка. И когда загорелся огонёк в глазах маленького человека, это значило, что Митраша вспомнил имя собаки. Потом омертвелые, синюющие губы маленького человека стали наливаться кровью, краснеть, зашевелились. Вот это движение губ Травка заметила и второй раз чуть-чуть вильнула хвостом. И тогда произошло настоящее чудо в понимании Травки. Точно также, как старый Антипыч в самое старое время, новый молодой и маленький Антипыч сказал:

— Затравка!

Узнав Антипыча, Травка мгновенно легла.

— Ну, ну! — сказал Антипыч. — Иди ко мне, умница!

И Травка в ответ на слова человека тихонечко поползла.

Но маленький человек звал её и манил сейчас не совсем от чистого сердца, как думала, наверно, сама Травка. У маленького человека в словах не только дружба и радость была, как думала Травка, а тоже таился и хитрый план своего спасения. Если бы он мог пересказать ей понятно свой план, с какой радостью бросилась бы она его спасать. Но он не мог сделать себя для неё понятным и должен был обманывать её ласковым словом. Ему даже надо было, чтобы она его боялась, а то если бы она его не боялась, не чувствовала хорошего страха перед могуществом великого Антипыча и по-собачьи со всех ног бросилась бы ему на шею, то неминуемо болото бы затащило в свои недра человека и его друга — собаку. Маленький человек просто не мог быть сейчас великим человеком, какой мерещился Травке. Маленький человек принужден был хитрить.

— Затравушка, милая Затравушка! — ласкал он её сладким голосом.

А сам думал:

«Ну, ползи, только ползи!»

И собака, своей чистой душой подозревая что-то не совсем чистое в ясных словах Антипыча, ползла с остановками.

— Ну, голубушка, ещё, ещё!

А сам думал:

«Ползи, только ползи».

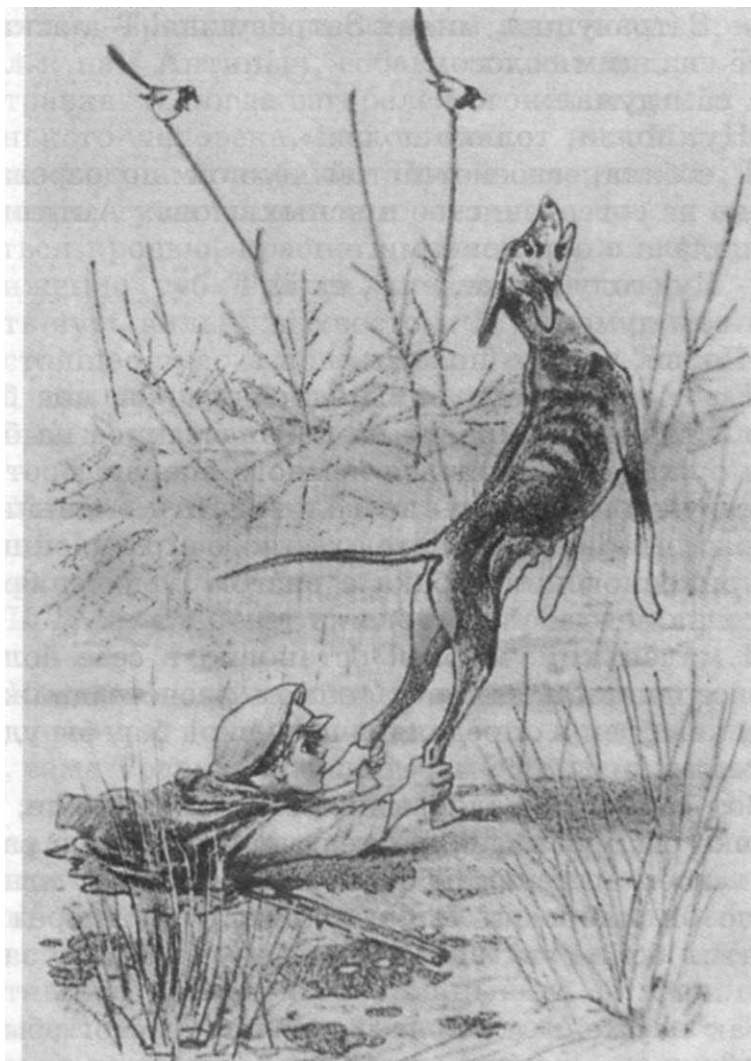
И вот понемногу она подползла. Он мог бы уже и теперь, опираясь на распластанное на болоте ружьё, наклониться немного вперёд, протянуть руку, погладить по голове. Но маленький хитрый человек знал, что от одного его малейшего прикосновения собака с визгом радости бросится на него и утопит.

И маленький человек остановил в себе большое сердце. Он замер в точном расчёте движения, как боец в определяющем исход борьбы ударе: жить ему или умереть.

Вот ещё бы маленький ползок по земле, и Травка бы бросилась на шею человека, но в расчёте своём маленький человек не ошибся: мгновенно он выбросил свою правую руку вперёд и схватил большую, сильную собаку за левую заднюю ногу.

Так неужели же враг человека так мог обмануть?

Травка с безумной силой рванулась, и она бы вырвалась из руки маленького человека, если бы тот, уже достаточно выволоченный, не схватил её другой рукой за другую ногу. Мгновенно вслед за тем он лёг животом на ружьё, выпустил собаку и на четвереньках сам, как собака, переставляя опору-ружьё всё вперёд и вперёд, подполз к тропе, где постоянно ходил человек и

«Кладовая солнца». Художник *Е. Рачёв*

где от ног его по краям росла высокая трава белоус. Тут, на тропе, он поднялся, тут он отёр последние слёзы с лица, отряхнул грязь с лохмотьев своих и, как настоящий большой человек, властно приказал:

— Иди же теперь ко мне, моя Затравка!

Услыхав такой голос, такие слова, Травка бросила все свои колебания, — перед нею стоял прежний прекрасный Антипыч. С визгом радости, узнав хозяина, кинулась она ему на шею, и человек целовал своего друга и в нос, и в глаза, и в уши.

Не пора ли сказать теперь уж, как мы сами думаем о загадочных словах нашего старого лесника Антипыча, когда он обещал нам перешепнуть свою правду собаке, если мы сами его не застанем живым? Мы думаем, Антипыч не совсем в шутку об этом сказал. Очень может быть, тот Антипыч, как Травка его понимает, или, по-нашему, весь человек в древнем прошлом его, перешепнул своему другу собаке какую-то свою большую человеческую правду, и мы думаем: эта правда есть правда вековой суровой борьбы людей за любовь.

Нам теперь остаётся уже немного досказать о всех событиях этого большого дня в Блудовом болоте. День, как ни долог был, ещё не совсем кончился, когда Митраша выбрался из елани с помощью Травки. После бурной радости от встречи с Антипычем деловая Травка сейчас же вспомнила свой прерванный гон по зайцу. И понятно: Травка — гончая собака и дело её — гонять для себя, но для хозяина Антипыча поймать зайца — это всё её счастье. Узнав теперь в Митраше Антипыча, она продолжала свой прерванный круг и вскоре попала на выходной след русака и по этому свежему следу сразу пошла с **ГОЛОСОМ.**

Голодный Митраша, еле живой, сразу понял, что всё спасение его будет в этом зайце, что если он убьёт зайца, то огонь добудет выстрелом и,

как не раз бывало при отце, испечёт зайца в горячей золе. Осмотрев ружьё, переменив подмокшие патроны, он вышел на круг и притаился в кусту можжевельника.

Ещё хорошо можно было видеть на ружье мушку, когда Травка завернула зайца от Лежащего камня на большую Настину тропу, выгнала на палестинку, направила его отсюда на куст можжевельника, где таился охотник. Но тут случилось, что Серый, услышав возобновлённый гон собаки, выбрал себе как раз тот самый куст можжевельника, где таился охотник, два охотника, человек и злейший враг его, **встретились...** Увидев серую морду от себя в пяти каких-то шагах, Митраша забыл о зайце и выстрелил почти в упор.

Серый Помещик окончил жизнь свою без всяких мучений.

Гон был, конечно, сбит этим выстрелом, но Травка дело своё продолжала. Самое главное, самое счастливое было не заяц, не волк, а что Настя, услышав близкий выстрел, закричала. Митраша узнал её голос, ответил, и она вмиг к нему прибежала. После того вскоре и Травка принесла русака своему новому молодому Антипычу, и друзья стали греться у костра, готовить себе еду и ночлег.

* * *

Настя и Митраша жили от нас через дом, и когда утром заревела у них на дворе голодная скотина, мы первые пришли посмотреть, не случилось ли какой беды у детей. Мы сразу поняли, что дети дома не ночевали и, скорее всего, заблудились в болоте. Собрались мало-помалу и другие соседи, стали думать, как нам выручить детей, если они ещё только живы. И только со-

брались было рассыпаться по болоту во все стороны — глядим: а охотники за сладкой клюквой идут из леса гуськом, и на плечах у них шест с тяжелой корзиной, и рядом с ними Травка, собака Антипыча.

Они рассказали нам во всех подробностях обо всём, что с ними случилось в **Блудовом** болоте. И всему у нас поверили — неслыханный сбор клюквы был налицо. Но не все могли поверить, что мальчик на одиннадцатом году жизни мог убить старого, хитрого волка. Однако несколько человек из них, кто поверил, с верёвкой и большими санками отправились на указанное место и вскоре привезли мёртвого Серого Помещика. Тогда все в селе на время бросили свои дела и собрались, и даже не только из своего села, а даже из соседних деревень. Сколько тут было разговоров! И трудно сказать, на кого больше глядели — на волка или на охотника в картузе с двойным козырьком. Когда переводили глаза с волка, говорили:

— А вот дразнили: **«Мужичок-в-мешочке»!**

— Был **мужичок**, — отвечали другие, — да сплыл, кто смел, тот два съел: не мужичок, а герой.

И тогда, незаметно для всех, прежний **«Мужичок-в-мешочке»**, правда, стал переменяться и за следующие два года войны вытянулся, и какой из него парень вышел — высокий, стройный! И стать бы ему непременно героем Отечественной войны, да вот только война-то кончилась.

А Золотая Курочка тоже всех удивила в селе. Никто её в жадности, как мы, не упрекал; напротив, все одобряли, и что она благоразумно звала брата на торную тропу, и что так много набрала клюквы. Но когда из детдома эвакуированных

ленинградских детей обратились в село за сильной помощью больным детям, Настя отдала им всю свою целебную ягоду. Тут-то вот мы, войдя в доверие к девочке, узнали от неё, как мучилась она про себя за свою жадность.

Нам остаётся теперь сказать ещё несколько слов о себе: кто мы такие и зачем попали в Блудово болото. Мы — разведчики болотных богатств. Еще с первых дней Отечественной войны работали над подготовкой болота для добывания в нём горючего — торфа. И мы дознались, что торфа в этом болоте хватит для работы большой фабрики лет на сто. Вот какие богатства скрыты в наших болотах! А многие до сих пор только и знают об этих великих кладовых солнца, что в них будто бы черти живут; всё это вздор, и никаких нет в болоте чертей.

Вопросы и задания

- 1. Где и когда происходит действие в «Кладовой солнца»?**
- 2. Вспомните художественные образы, отдельные эпизоды, которые можно назвать сказочными. Подумайте, какую роль они играют в произведении.**
- 3. Что в этой сказке является былью?**
- 4. Разберёмся в прочитанном**
 - 7. Что автор говорит о Насте и Митраше в самом начале своего произведения? Какой смысл вкладывает он в словосочетания «Золотая Курочка», «Мужичок-в-мешочке»?**
 - 2. Найдите сравнения и эпитеты, которые помогают понять авторское отношение к Насте и Митраше. Какие черты этих детей особенно дороги автору?**
 - 3. Вспомните, как жили Настя и Митраша после смерти родителей. Что было особенно удивительным в их жизни?**
 - 4. Расскажите о споре Насти и Митраши. Можно ли догадаться, на чьей стороне автор?**

5. Что заставило Митрашу пойти по неизведанной тропе? Почему он попал в беду? Как автор относится к Митраше в этой истории? Ваши предположения подтвердите словами автора.
6. Как вела себя Настя, оказавшись одна? Почему она забыла о Митраше? Что осуждается автором?
7. Зачем писатель вставляет в своё повествование рассказ о ели и сосне, растущих вместе? Почему это сообщение помещено в самом начале описания пути героев?
8. Как автор описывает Блудово болото? Какой смысл вкладывает он в словосочетание «кладовая СОЛНЦА»?
9. Прочитайте описание природы после эпизода «Ссора детей» (со слов «Тогда серая хмарь плотно надвинулась...» до слов «...ЗАВЫЛИ, ЗАСТОНАЛИ»). Как автор относится к происходящему?
10. Как Травка пришла на помощь человеку?

II. Сделаем выводы

1. Первоначально «Кладовая солнца» называлась «Друг человека». Как вы думаете, почему М. М. Пришвин отказался от этого названия?
2. Какой смысл вложил писатель в выражение «сказка-быль»?
3. Как вы понимаете выражение «Эта правда есть правда вековой суровой борьбы людей за ЛЮБОВЬ»?

Будьте внимательны к слову

1. Обратите внимание на портреты Насти и Митраши. Найдите существительные с уменьшительно-ласкательными суффиксами и эпитеты. С каким чувством говорит писатель о своих героях?
2. Как вы понимаете выражения: «Маленький человек установил в себе большое сердце»? (Когда и почему он это сделал?) «Был мужичок... да сплыл, кто смел, тот два съел: не мужичок, а герой»? (Почему жители деревни сделали такой вывод?)

1. Обратите внимание на иллюстрации Е. Рачёва к повести «Кладовая солнца». Какие эпизоды изображены художником? Такими ли вы представляли героев повести? Озаглавьте иллюстрации словами из текста. Какие ещё эпизоды можно было бы проиллюстрировать? Расскажите об этом подробнее.
2. Повесть М. М. Пришвина «Кладовая солнца» иллюстрировалась многими художниками: И. Бруни, И. Грилем, В. Коваленко и др. Найдите издания «Кладовая солнца» с иллюстрациями одного из них. Подумайте, чем отличаются эти иллюстрации от рисунков, помещённых в хрестоматии.

М. М. Пришвин о своих рассказах

«Есть в моей природе чувство вечности, и я говорю о нём, когда пишу даже о собаках, и вот почему я создаю прочные вещи и моему „Колобку“ уже за сорок лет. А „Кладовую солнца“ будут читать как новое и через сто лет».

«Больше всего из написанного мною, как мне кажется, достигают единства со стороны литературной формы и моей жизни маленькие вещицы мои, попавшие в детские хрестоматии. Из-за того я их и пишу, что они пишутся скоро и, пока пишешь, не успеешь надумать от себя чего-нибудь лишнего и неверного. Они чисты, как дети, и их читают и дети, и взрослые, сохранившие в себе своё личное дитя».

Произведения о Великой Отечественной войне

Константин Михайлович
Симонов

1915—1979

Константин (Кирилл) Михайлович Симонов родился в Петрограде.

Мать поэта, Александра Леонидовна Оболенская, представительница древнего княжеского рода, с самого раннего возраста привила сыну любовь к литературе. Она много читала ему наизусть произведения Пушкина, Лермонтова, Тютчева. Отца, генерала, погибшего на фронтах Первой мировой войны, Симонов не помнил. С четырёхлетнего возраста его воспитывал отчим, боевой офицер, прошедший Русско-японскую войну, воевавший на германском фронте. В поэме «Отец» поэт с благодарностью воссоздаёт его образ. Характер доверительных, но строгих и требовательных отношений отца и сына в некоторой степени отражён в известном стихотворении «Сын артиллериста». В 1938 году Симонов закончил Литературный институт. В это время он уже активно печатался в московских журналах.

С первых дней Великой Отечественной войны Константин Симонов на фронте. Он военный корреспон-

дент газет «Известия» и «Красная звезда». В годы войны Симонов становится одним из самых известных поэтов в нашей стране. Стихотворение «Жди **меня**», посвящённое жене поэта, актрисе Валентине Серовой, вскоре, переложённое на музыку, получает новую жизнь в виде популярнейшей песни, которую пели и в тылу, и на фронте. Тема любви становится одной из ведущих в творчестве поэта. В стихотворении «Жди меня» любовь и верность укрепляли мужество солдата, его стойкость и волю к победе. О любви к Родине Симонов пишет и в одном из лучших своих стихотворений военного времени «Ты помнишь, Алёша, дороги Смоленщины...». Пишет просто, душевно, сохраняя тёплую, сердечную интонацию дружеской беседы. Поэт обращается к своему другу, поэту Алексею Суркову, автору известной «Землянки» («Бьётся в тесной печурке **огонь...**»).

Война обострила чувство связи поэта со всем народом. Он ощутил нежность, сострадание к усталым женщинам, несшим отступающим солдатам кринки с молоком, почувствовал глубокое родство с беспомощными стариками, надеявшимися дожидаться солдат-освободителей. Шёпот женщин: «Господь вас **спаси!**», слова «седой старухи в салопчике плисовом»: «Покуда идите, мы вас подождём...» — сливаются в одно заклинание всей Русской земли:

«Мы вас подождём!» — говорили нам пажити.

«Мы вас подождём!» — говорили леса.

* * *

А. Суркову

Ты помнишь, Алёша, дороги Смоленщины,
Как шли бесконечные, злые дожди,
Как кринки несли нам усталые женщины,
Прижав, как детей, от дождя их к груди,

Как слёзы они вытирали украдкой,
Как вслед нам шептали: «Господь вас спаси!» —
И снова себя называли солдатками,
Как встарь повелось на великой Руси.

Слезами измеренный чаще, чем вёрстами,
Шёл тракт, на пригорках скрываясь из глаз:
Деревни, деревни, деревни с погостами,
Как будто на них вся Россия сошлась,

Как будто за каждую русской околицей,
Крестом своих рук ограждая живых,
Всем миром сойдясь, наши прадеды молятся
За в Бога не верящих внуков своих.

Ты знаешь, наверное, всё-таки родина —
Не дом городской, где я празднично жил,
А эти просёлки, что дедами пройдены,
С простыми крестами их русских могил.

Не знаю, как ты, а меня с деревенскою
Дорожной тоской от села до села,
Со вдовьей слезою и с песнею женскою
Впервые война на просёлках свела.

Ты помнишь, Алёша: изба под Борисовом,
По мёртвому плачущий девичий крик,
Седая старуха в салопчике плисовом,
Весь в белом, как на смерть одетый, старик.

Ну что им сказать, чем утешить могли мы их?
Но, горе поняв своим бабьим чутьём,
Ты помнишь, старуха сказала: — Родимые,
Покуда идите, мы вас подождём.

«Мы вас подождём!» — говорили нам пажити.
«Мы вас подождём!» — говорили леса.
Ты знаешь, Алёша, ночами мне кажется,
Что следом за мной их идут голоса.

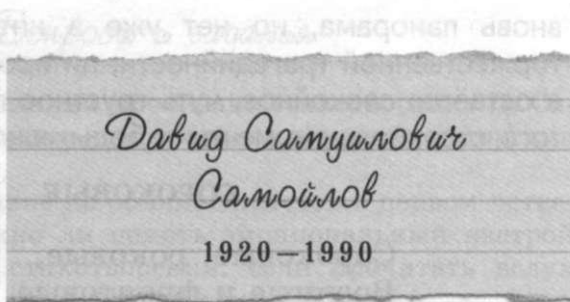
По русским обычаям, только пожарища
По русской земле раскидав позади,
На наших глазах умирают товарищи,
По-русски рубаху рванув на груди.

Нас пули с тобою пока ещё милуют,
Но, трижды поверив, что жизнь уже вся,
Я всё-таки горд был за самую милую,
За горькую землю, где я родился.

За то, что на ней умереть мне завещано,
Что русская мать нас на свет родила,
Что, в бой провожая нас, русская женщина
По-русски три раза меня обняла.

Вопросы и задания

1. Вспомните, какое стихотворение К. Симонова вы читали и обсуждали в 5 классе. О чём оно?
2. Вы уже знаете, что лирическое произведение передаёт чувства, настроение, переживания автора. Какими чувствами поэта согрето стихотворение «Ты помнишь, Алёша, дороги Смоленщины...»?
3. Поэт пишет о событиях, участником которых он был, пишет о том, что тревожило и печалило его в происходящем, но нам кажется, что мысленно он обращается к многовековой истории России. Какие слова поэта возвращают нас в далёкое прошлое, к истокам героизма русского народа?
4. Как вы думаете, почему, говоря о беде, обрушившейся на родную землю, поэт вспоминает о женщинах и стариках?
5. Почему чувство любви к Родине было особенно остро осознано во время войны?
6. Подготовьте выразительное чтение стихотворения, передав интонацией чувства сострадания и любви поэта к народу, к солдатам.

Давид Самойлов — поэт фронтового поколения. Как и многие его сверстники, он со студенческой скамьи ушёл на фронт. Самым известным произведением поэта стало стихотворение «Сороковые». Это стихи о войне, о юности, о мечтах и испытаниях. Но написано это стихотворение не во время войны, не на фронте. Почти два десятилетия спустя поэт вспомнил «сороковые, роковые». Прошедшие годы, возмужание, жизненный опыт позволили поэту шире и глубже понять трагедию «свинцовых» и «пороховых» лет, с высоты зрелого возраста вспомнить себя, «худого, весёлого и задорного», вспомнить с тёплой грустью. Немножко иронично, насмешливо улыбнуться тому, как тогда, в сороковые, с девчонкой балагуря, пытался выглядеть опытнее и взрослее. Композиция стихотворения представляет собой смену кадров, как в кино. Сначала нам открывается общий вид, широкая панорама:

Сороковые, роковые,
Военные и фронтовые,
Где извещения похоронные
И перестуки эшелонные.

Ощущение космической широты пространства подчёркивается словами «Просторно. Холодно. Высоко». И тут же возникает другой кадр — герой «в своей замур-занной ушанке». Так подчёркивается совпадение — великая трагедия и юность героя. И в конце стихотворения

вновь **панорама**, но нет уже в интонации автора ни торжественной трагедийности, ни иронической усмешки, а остаётся спокойное, чуть грустное понимание пережитого столкновения мечты и беды, юности и войны.

СОРОКОВЫЕ

Сороковые, роковые,
Военные и фронтовые,
Где извещения похоронные
И перестуки эшелонные.

Гудят накатанные рельсы.
Просторно. **Холодно. Высоко.**
И погорельцы, погорельцы
Кочуют с запада к востоку...

А это я на полустанке
В своей замурзанной ушанке,
Где звёздочка не уставная,
А вырезанная из банки.

Да, это я на белом свете,
Худой, весёлый и задорный.
И у меня табак в кисете,
И у меня мундштук наборный.

И я с девчонкой балагурю,
И больше нужного хромаю,
И пайку надвое ломаю,
И всё на свете понимаю.

Как это было! Как совпало —
Война, беда, мечта и юность!
И это всё в меня запало
И лишь потом во мне очнулось!..

Сороковые, роковые,
Свинцовые, **пороховые...**
Война гуляет по России,
А мы такие молодые!

Вопросы и задания

1. Какими настроениями пронизано стихотворение Д. Самойлова? Как вместе с настроением меняется авторская интонация?
2. Обратите внимание на обилие эпитетов в первом четверостишии. Можно ли понять эмоциональный настрой автора и тему стихотворения, если прочитать вслух только эпитеты этого четверостишия?
3. Как вы думаете, почему так много слов, обозначающих пространство во втором четверостишии («просторно», «высоко», «с запада к востоку»)?
4. С каким чувством вспоминает о себе юном поэт двадцать лет спустя?
5. Перечитайте последнее четверостишие. О ком, о себе или о целом поколении, говорит поэт? Прочитайте вслух первое и последнее четверостишия. Отличаются ли они по звучанию, настроению, интонации? Если отличаются, то чем? Дайте развёрнутый ответ на этот вопрос.
6. Подготовьте выразительное чтение стихотворения наизусть, постарайтесь передать смену чувств и настроений автора.

Фонохрестоматия

СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ

К. Симонов. «Ты помнишь, Алёша, дороги
Смоленщины...»

1. Стихотворение К. Симонова — монолог поэта, обращённый к другу, монолог-воспоминание о родине в пору тяжелейшего испытания, нашествия захватчиков. Как актёру удалось передать интонацию дружеского разговора?
2. Почему, воспроизводя образ родины, поэт — городской житель, повторяет слова «деревни, деревни, деревни с погостами...»?

3. Как вы считаете, почему поэт-воин, думая о бедах войны, в первую очередь вспоминает о стариках, женщинах, слышит «по мёртвому плачущий девичий крик...»?
4. Почему актёр с особой эмоциональной силой выделяет повторяющееся заклинание «Мы вас подождём!»?
5. Подготовьте выразительное чтение стихотворения. Постарайтесь в чтении передать сложную гамму чувств, переживаемую лирическим героем, — от скорбного воспоминания до гордости «...За самую милую, за горькую землю, где я родился».

Д. С. Самойлов «Сороковые»

7. Каким настроением пронизано стихотворение Давида Самойлова? Как вместе с настроением меняется интонация актёра, читающего стихотворение?
2. Обратите внимание на обилие эпитетов в первом четверостишии. Можно ли понять эмоциональное содержание строфы, если прочитать вслух только эпитеты этого четверостишия? Как это звучит в чтении актёра?
3. С каким чувством вспоминает о себе юном поэт двадцать лет спустя? Как это передаёт актёр?
4. Прослушайте внимательно первое и последнее четверостишия. Различаются ли они по звучанию, настроению, интонации? Если различаются, то чем?
5. Подготовьте выразительное чтение стихотворения Наизусть. Постарайтесь передать смену чувств и настроений автора.

УЧИМСЯ ЧИТАТЬ ВЫРАЗИТЕЛЬНО

Художественное чтение и задачи чтеца

Художественное чтение — искусство исполнительское.

У чтецов исключительные возможности выбора репертуара. От «Илиады» и «Слова о полку Игореве» до

злободневного газетного фельетона — всё может быть воплощено в художественном слове. Но задача заключается не в том, чтобы «выразительно огласить» литературное произведение. На основе литературного материала чтец должен создать новое художественное произведение, отличающееся от первоисточника (точно так же, как спектакль отличается от пьесы).

Передать слушателям живую мысль в прочувствованных образах искусства, чтобы в определённом направлении воздействовать на аудиторию, — основная задача чтеца-художника. Поэтому исполнение должно быть понятным, впечатляющим и убедительным. Оно должно воздействовать на ум, чувство и волю слушателей; соответственно в нём должны участвовать разум, чувство и воля исполнителя. Это возможно лишь тогда, когда чтец убеждён в идейной и художественной полноценности литературного материала.

Путём внимательного изучения чтец должен определить все авторские указания, которые заключаются как в содержании, так и в форме произведения. Трактовка темы, образы героев, графическое расположение текста и многое другое следует рассматривать как указания автора, требующие определённого выполнения. Там, где чтец, лишённый трудолюбия, творческой чуткости и фантазии, увидит лишь одну возможность «докладывания текста», чтец-художник найдёт много различных способов интерпретации произведения и выберет из них тот, который наиболее близок его индивидуальности. Вследствие этого интерпретация одного и того же произведения будет различной у разных исполнителей.

Чтобы воплотить в звучащем слове любое литературное произведение, исполнителю-чтецу, помимо природной одарённости, необходимы общая культура, положительные знания, профессиональная оснащённость.

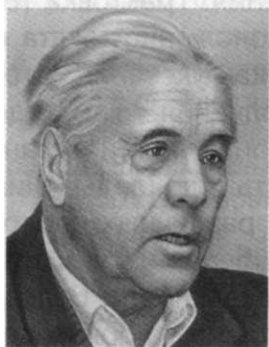
Исполняемое произведение, прежде всего, надо любить, **СЖИТЬСЯ** с ним.

Умение проанализировать произведение, умение чётко поставить перед собой действенную задачу, умение подчинить этой задаче все художественные средства — вот фундамент правдивого исполнения.

Г. В. Артоболевский

Вопросы и задания

1. О чём говорится в произведениях К. Симонова и Д. Самойлова? В чём мы должны убедить слушателей, чем взволновать, читая вслух эти произведения? Какие мысли и чувства авторов особенно важно сообщить слушателям при произнесении этих стихотворений?
2. Что необходимо помнить, по мнению Г. Артоболевского, перед произнесением стихотворений вслух?

*Виктор Петрович
Астафьев*

1924—2001

Когда-то, очень уже давно, журнал «Смена» опубликовал мои первые зарисовки, затем очерк, затем что-то похожее на рассказ, и не просто опубликовал, но и «приютил» меня, и я, начинающий автор, приехавший из далёкого уральского городка Чусового в столицу, бывал накормлен в буфете, устроен на ночлег, как командированный, снабжён пусть и не очень богатыми,

но очень необходимыми средствами на житьё и пропитанье.

Узнавши, что я родом с Енисея, да ещё из тех мест, где начинается возведение самой могучей в мире гидростанции, тогдашний редактор «Смены» Михаил Арсеньевич Величко посчитал, что никто так ёмко и живописно не изобразит и не отразит героического дела на новостройке, как я.

Ничего героического я на стройке не обнаружил, она ещё только развёртывалась, но уж такой был на ней беспорядок, неразбериха и кавардак...

И совсем исчез человек из этих писаний, одни только герои населяли многочисленные творения, а раз герои, значит, и дела у них только героические.

Я жил в родной деревне, смотрел на своих односельчан, занятых земельным и рабочим повседневным делом, и думал: «Ну, хорошо. Все герои, и все героическими делами обуяны, а кто же тогда их-то, моих родных гробовозов (такое неблагозвучное прозвище у моего родного села Овсянки), отразит и расскажет о их вечной тихой жизни и о труде, которым земля и всё на земле держится?»

Вот и начал я помаленьку да полегоньку писать рассказы о своём детстве, о селе родном, о его обитателях, о дедушке и бабушке, ни с какой стороны не годных в литературные герои той поры. Первоначально цикл рассказов и назывался: «Страницы детства». И чудесный эпиграф Кайсына Кулиева со сладкой грустью предварял его: «Мир детства, с ним навечно расставање, назад ни тропок нету, ни следа, тот мир далёк, и лишь воспоминанья всё чаще возвращают нас туда».

Рассказы писались легко, быстро, радуя сердце. С появлением рассказов «Конь с розовой гривой» и «Монах в новых штанах» я понял, что из всего этого может получиться книга. И она получилась. В 1968 году в Перми вышла книга под названием «Последний поклон». Я долго искал это название, а оно уже было в

книге — так называлась одна из глав. И однажды мой товарищ ткнул пальцем в это название.

Хорошо иметь талантливых товарищей и друзей, обладающих тонким литературным вкусом, большая от этого польза в работе и в жизни.

Книгу ту оформлял покойный уже пермский художник Алексей Мотовилов. Больше года работал, на каких-то цинковых пластинках гравюры резал, когда книгу печатали, он ночевал в типографии, чтоб всё было напечатано, как надо. И всё Пермское издательство старалось, и книга получилась, как надо, в суперобложке, с цветным шрифтом. Я это к тому, что везде, хоть на стройке, хоть в издательстве, нужны в работе самоотверженность и любовь, увы, куда-то во многих местах и на предприятиях ваших подевавшиеся.

Говорят: «Хорошая весть на месте лежит, худая по земле бежит», да не всегда, к счастью, жизнь идёт по пословице. Книга «Последний поклон» была замечена в столице, благосклонно встречена критикой. Пошла хвалебная почта, которую я, конечно же, читал с большим удовольствием и млел ещё ненадорванным, горячим сердцем.

Виктор Астафьев

Вопросы и задания

7. Что вы узнали об Астафьеве из учебников 5 и 6 классов?
2. Вспомните, о чём был рассказ Астафьева, который вы прочитали в 5 классе. Какие качества характера главного героя вас поразили? Как бы вы поступили, если бы оказались на его месте?
3. Прочитайте ещё один рассказ — «Конь с розовой гривой». О каких людях продолжает рассказывать писатель, знакомя нас с их бытом, с привычками и особенностями их характеров?

КОНЬ с РОЗОВОЙ ГРИВОЙ

Бабушка возвратилась от соседей и сказала мне, что левонтьевские ребяташки собираются на **увал**¹ по землянику, и велела сходить с ними.

— Наберёшь **туесок**². Я повезу свои ягоды в город, твои тоже продам и куплю тебе пряник.

— Конём, баба?

— Конём, конём.

Пряник конём! Это ж мечта всех деревенских малышей. Он белый-белый, этот конь. А грива у него розовая, хвост розовый, глаза розовые, копыта тоже розовые.

Бабушка никогда не позволяла таскаться с кусками хлеба. Ешь за столом, иначе будет худо. Но пряник — совсем другое дело.

Пряник можно засунуть под рубаху, бегать и слышать, как конь лягает копытами в голый живот. Холодея от ужаса — потерял! — хвататься за рубаху и со счастьем убеждаться, что тут он, **конь-огонь!**..

С таким конём сразу почёту сколько, внимания! Ребята левонтьевские к тебе и так и эдак ластятся, и в чижа первому бить дают, и из рогатки стрельнуть, чтоб **ТОЛЬКО ИМ ПОЗВОЛИЛИ** потом откусить от коня либо лизнуть его.

Когда даёшь левонтьевскому Саньке или Таньке откусывать, надо держать пальцами то место, по которое откусывать положено, и держать крепко, иначе Танька или Санька так цапнут, что останется от коня хвост да грива.

Левонтий, сосед наш, работал на **бадогах**³ вместе с Мишкой Коршуновым. Левонтий заготов-

¹ *Увал* — пологий холм, имеющий значительную протяжённость.

² *Туюсок* — берестяная корзинка с тугой крышкой.

³ *Бадога* — длинные поленья.

ливал лес на бадого, пилил его, колол и сдавал на известковый завод, что был супротив села по другую сторону Енисея.

Один раз в десять дней — а может, и в пятнадцать, я точно не **ПОМНЮ** — Левонтий получал деньги, и тогда в доме **Левонтьевых**, где были одни ребятишки и ничего больше, начинался пир горой.

Какая-то беспокойность, лихорадка, что ли, охватывала тогда не только левонтьевский дом, но и всех соседей. Ранним ещё утром к бабушке забегала Левонтьиха, тётка Васеня, запыхавшаяся, загнанная, с зажатыми в горсти рублями.

— Кума! — испуганно-радостным голосом восклицала она. — Долг-от я принесла! — и тут же кидалась прочь из избы, взметнув юбкою вихрь.

— Да постой ты, чумовая! — окликала её бабушка. — Сосчитать ведь надо!

Тётка Васеня покорно возвращалась, и пока бабушка считала деньги, она перебирала босыми ногами, ровно горячий конь, готовый рвануть, как только приотпустят вожжи.

Бабушка считала обстоятельно и долго, разглядывая каждый рубль. Сколько я помню, больше семи или десяти рублей из «запасу» на чёрный день бабушка никогда Левонтьихе не давала, потому как весь этот «запас», кажется, состоял из десяти. Но и при такой малой сумме **заполошная**¹ Васеня умудрялась обсчитаться на рубль, а то и на тройку.

— Ты как с деньгами-то обращаешься, чучело безглазое! — напускалась бабушка на соседку. — Мне рупь! Другому рупь! Это что же получится?

Заполошная — суетливая.

Но Васеня опять юбкой вихрь взмётывала и укатывалась:

— Передала ведь!

Бабушка ещё долго поносила Левонтьиху, самого **Левонтия**, била себя руками по бёдрам, плевалась, а я подсаживался к окну и с тоской глядел на соседский дом.

Стоял он сам собою, на просторе, и ничего-то ему не мешало смотреть на свет белый кое-как застеклёнными окнами — ни забор, ни ворота, ни сенцы, ни наличники, ни ставни.

Весною левонтьевское семейство ковыряло маленько землю вокруг дома, возводило изгородь из жердей, хворостин, старых досок. Но зимой всё это постепенно исчезало в утробе русской печки, раскорячившейся посреди избы.

Танька левонтьевская так говаривала, шумя беззубым ртом, обо всём ихнем заведении:

— Зато как папа шурунёт нас — бегишь и не запнешша!

Сам дядя Левонтий в тёплые вечера выходил на улицу в штанах, державшихся на единственной медной пуговице с двумя орлами, и в бязевой рубахе вовсе без пуговиц. Садился на истюканый топором чурбак, изображавший крыльцо, курил, смотрел, и если моя бабушка корила его в окно за безделье, перечисляла работу, которую он должен был, по её разумению, сделать в доме и вокруг дома, дядя Левонтий только благодушно почёсывался:

— Я, Петровна, слободу люблю! — и обводил рукой вокруг себя. — Хорошо! Как на море! Ничто глаз не угнетат!

Дядя Левонтий плавал когда-то по морям, любил море, а я любил его. Главная цель моей жизни была — прорваться в дом Левонтия после его

получки. Сделать это не так-то просто. Бабушка знает все мои повадки.

— Нечего куски выглядывать! — гремела она. — Нечего этих пролетарьев объедать, у них самих в кармане — вошь на аркане.

Но если мне удаётся ушмыгнуть из дома и по-пасть к левонтьевским, то уж всё: тут уж я окру-
бываю редкостным вниманием, тут мне пол-
ный праздник.

— Выдь отсюда! — строго приказывал пья-
ненький дядя Левонтий кому-нибудь из своих
парнишек. И пока кто-либо из них неохотно вы-
лезал из-за стола, пояснял детям это действие
уже обмякшим голосом: — Он сирота, а вы всё
ж при родителях! — И, жалостно глянув на
меня, тут же взрёвывал: — Мать-то ты хоть пом-
нишь? — Я утвердительно кивал головой, и
тогда дядя Левонтий горестно облокачивался
на руку, кулачищем растирал по лицу слёзы,
вспоминал: — Бадога с ней по один год коло-
ли-и-и! — И совсем уж разрыдавшись: — Когда
ни придёшь... ночь, полночь... «Проп... пропа-
щая ты голова, Левонтий!» — скажет и... опо-
хмели-и-ит...

Тут тётка Васеня, ребятишки дяди Левонтия
и я вместе с ними ударялись в рёв, и до того ста-
новилось жалостно в избе, и такая доброта охва-
тывала людей, что всё-всё высыпалось и вывали-
валось на стол, и все наперебой угощали меня и
сами ели уж через силу.

Поздно вечером либо совсем уж ночью дядя
Левонтий задавал один и тот же вопрос: «Что
такое **жисть?!**» — после чего я хватал пряники,
конфеты, ребятишки левонтьевские тоже хва-
тали что попало под руки и разбегались кто ку-
да. Последней ходу задавала Васеня. И бабуш-
ка моя «привечала» её до утра. Левонтий бил

остатки стёкол в окнах, ругался, гремел, плакал.

На следующее утро он стеклил окна, ремонтировал скамейки, стол, затем, полный мрака и раскаяния, отправлялся на работу. Тётка Васеня дня через три-четыре опять ходила по соседям и уже не взмётывала юбкою вихрь. Она снова занимала денег, муки, картошек — чего **придётся...**

Вот с ребятишками дяди Левонтия и отправился я по землянику, чтобы трудом своим заработать пряник. Ребятишки несли бокалы с отбитыми краями, старые, наполовину изодранные на растопку берестяные тuesки, а у одного парнишки был ковшик без ручки. Левонтьевские орлы бросали друг в друга посудой, барахтались, раза два принимались драться, плакали, дразнились. По пути они заскочили в чей-то огород и, поскольку там ещё ничего не поспело, напластали беремья луку-батуна, наелись до зелёной слюны, а недоеденный **побросали**. Оставили всего несколько **пёрышек** на свистульки. В обкусанные перья они пищали всю дорогу, и под музыку мы скоро пришли в лес, на каменистый увал.

Тут все перестали пищать, рассыпались по увалу и начали брать землянику, только-только ещё поспевающую, белобокую, редкую и потому особенно радостную и дорогую.

Я брал старательно и скоро покрыл дно аккуратненького тuesка стакана на два-три. Бабушка говаривала: главное, мол, в ягодах — закрыть дно посудыны. Вдохнул я с облегчением и стал собирать ягоды скорее, да и попадалось их выше по увалу больше и больше.

Левонтьевские ребятишки сначала ходили тихо. Лишь позвякивала крышка, привязанная к медному чайнику. Чайник этот был у старшего парнишки, и побрякивал он, чтобы мы слыша-

ли, что старшой тут, поблизости, и бояться нам нечего и незачем.

Вдруг крышка чайника забренчала нервно, послышалась возня.

— Ешь, да? Ешь, да? А домой чё? — спрашивал старшой и давал кому-то пинка после каждого вопроса.

— А-га-а-а-а! — запела Танька. — Санька тоже пожрал, так **НИЧЕГО-О-О-О...**

Попало и Саньке. Он рассердился, бросил посудину и свалился в траву. Старшой брал, брал ягоды, и видать, обидно ему сделалось. Берёт он, старшой, ягоды, для дома старается, а те вот жрут ягоды либо вовсе на траве валяются. Подскочил старшой и пнул Саньку ещё раз. Санька взвыл, кинулся на старшого. Зазвенел чайник, брызнули из него ягоды. Бьются братья Левонтьевы, катаются по земле, всю землянику раздавили.

После драки у старшого опустились руки. Принялся он собирать просыпанные, давленные ягоды — **И В рот их, в рот.**

— Значит, вам можно, а мне, значит, нельзя? Вам можно, а мне, значит, нельзя? — зловеще спрашивал он, пока не съел всё, что удалось собрать.

Вскоре братья Левонтьевы как-то незаметно помирились, перестали обзывать и решили сходить к Малой речке побрызгаться.

Мне тоже хотелось побрызгаться, но я не решился уйти с увала, потому как ещё не набрал полную посудину.

— Бабушки Петровны испугался! Эх ты! — закривлялся Санька.

— Зато мне бабушка пряник конём купит!

— Может, кобылой? — усмехнулся Санька. Он плюнул себе под ноги и что-то быстро смек-

нул: — Скажи уж лучше — боишься её, и ещё жадный!

— Я?!

— Ты!

— Жадный?

— Жадный!

— А хочешь, все ягоды съем? — сказал я это и сразу покаялся: понял, что попал на уду.

Исцарапанный, с шишками на голове от драк и разных других причин, с цыпками на руках и ногах, с красными окровавленными глазами, Санька был вреднее и злее всех левонтьевских ребят.

— Слабо! — сказал он.

— Мне слабо? — хорохорился я, искоса глядя в туесок. Там было ягод уже выше середины. — Мне слабо? — повторял я гаснущим голосом и, чтобы не спасовать, не струсить, не опозориться, решительно вытряхнул ягоды в траву: — Вот! Ешьте вместе со мной!

Навалилась левонтьевская орда, и ягоды вмиг исчезли. Мне досталось всего несколько малюсеньких ягодок. Жалко ягод. Грустно. Но я напустил на себя отчаянность, махнул на всё рукой. Всё равно уж теперь! Я мчался вместе с левонтьевскими ребятами к речке и хвастался:

— Я ещё у бабушки калач украду!

Ребята поощряли меня: дескать, действуй, и не один калач неси. Может, ещё **шанег**¹ прихватишь либо пирог.

— Ладно!

Мы брызгались из речки студёной водой, бродили по ней и руками ловили подкаменщика. Санька ухватил эту мерзкую на вид рыбину, и

¹ *Шанга* — так называют на Севере и в Сибири ватрушку — булочку с творогом.

мы растерзали её на берегу за некрасивый вид. Потом пуляли камнями в пролетающих птичек и подшибли стрижа. Мы отпаивали стрижа водой из речки, но он пускал в речку кровь, а воды проглотить не мог, и умер, уронив головку. Мы похоронили стрижа на берегу, в гальке, и скоро забыли о нём, потому что занялись захватывающим, жутким делом: забегали в устье холодной пещеры, где жила (это в селе доподлинно знали) нечистая сила. Дальше всех в пещеру забежал Санька. Его и нечистая сила не брала!

— Это ещё чё! — хвалился Санька, воротившись из пещеры. — Я бы дальше побёг, вглыбь побёг бы, да босой я, а там змеев гибель.

— **Жмеев?** — Танька отступила от устья пещеры и на всякий случай подтянула спадающие штанишки.

— Домовнику с домовым видел, — продолжал рассказывать Санька.

— Хлопуша! — срезал Саньку старшой. — Домовые на чердаке живут да под печкой.

Санька смешался было, однако тут же оспорил старшого:

— Да тама какой домовой-то? Домашний. А тут пещерный. В мохе весь, серый, дрожмя дрожит — студёно ему. А домовника худая, глядит жалобливо и стонет. Да меня не подманишь, подойди только — схватит и слопаёт. Я ей камнем в глаз **залимонил!..**

Может, Санька и врал про домовых, но всё равно страшно было слушать, и чудилось мне — кто-то в пещере всё стонет, всё стонет. Первой деранула от этого худого места Танька, а следом за нею и все ребята с горы посыпались. Санька свистнул, заорал, поддавая нам жару...

Так интересно и весело провели мы весь день, и я совсем уж забыл про ягоды. Но настала по-

ра возвращаться домой. Мы разобрали посуду, спрятанную под деревом.

— Задаст тебе Катерина Петровна! Задаст! — заржал Санька. — Ягоды-то мы съели... Ха-ха! Нарочно съели! Ха-ха! Нам-то ништяк! Ха-ха! А тебе-то хо-хо!..

Я и сам знал, что им-то, левонтьевским, «ха-ха», а мне «хо-хо». Бабушка моя, Катерина Петровна, — не тётка Васеня.

Тихо плёлся я за левонтьевскими ребятами из лесу. Они бежали впереди меня гурьбой и гнали по дороге ковшик без ручки. Ковшик звякал, подпрыгивая на камнях, и от него отскакивали остатки эмалировки.

— Знаешь чё? — поговорив с братанами, вернулся ко мне Санька. — Ты в туес травы натолкай, а сверху ягод — и готово дело! «Ой, дитятко моё! — принялся с точностью передразнивать мою бабушку Санька. — Пособил тебе воспо-одь, сиротинке, пособил...» — И подмигнул мне бес Санька, и помчался дальше, вниз с увала.

А я остался.

Утихли голоса левонтьевских ребятишек внизу, за огородами, и мне сделалось жутко. Правда, село здесь слышно, и всё же тайга, пещера недалеко, а в ней домовниха с домовым и змеи кишмя кишат.

Повздыхал, повздыхал я, даже чуть было не всплакнул, и принялся рвать траву. Нарвал, натолкал в туесок, потом насобирав ягод, заложил ими траву, получилось земляники даже с «копной».

— Дитятко ты моё! — запричитала бабушка, когда я, замирая от страха, передал ей свою посудину. — Господь тебе, сиротинке, пособил!.. Уж куплю я тебе пряник, да самый большущий.

И пересыпать ягодки твои не стану к своим, а прямо в этом туеске увезу...

Отлегло маленько.

Я думал, сейчас бабушка обнаружит моё мошенничество, даст мне что полагается, и уже приготовился к каре за содеянное злодейство.

Но обошлось. Всё обошлось. Бабушка унесла туесок в подвал, ещё раз похвалила меня, дала есть, и я подумал, что бояться мне пока нечего и жизнь не так уж худа.

Я поел и отправился на улицу играть, и там дёрнуло меня сообщить обо всём Саньке.

— А я расскажу Петровне! А я расскажу!..

— Не надо, Санька!

— Принеси калач, тогда не расскажу.

Я пробрался тайком в кладовку, вынул из ларя калач и принёс его Саньке под **рубахой**. Потом ещё принёс, потом ещё, пока Санька не нажрался.

«Бабушку надул. Калачи украл. Что только будет?» — терзался я ночью, ворочаясь на полатах. Сон не брал меня, как окончательно запутавшегося преступника.

— Ты чего там елозишь? — хрипло спросила из темноты бабушка. — В речке небось опять бродил? Ноги опять болят?

— Не-е, — откликнулся я, — сон приснился...

— Спи с Богом! Спи, не бойся. Жизнь страшнее снов, **батюшко...**

«А что, если разбудить её и всё-всё **рассказать?**»

Я прислушался. Снизу доносилось трудное дыхание бабушки. Жалко её будить: устала она, ей рано вставать. Нет уж, лучше я не буду спать до утра, скараюлю бабушку, расскажу ей обо всём: и про туесок, и про домовниху с домовым, и про калачи, и про всё, про всё...

От этого решения мне стало легче, и я не заметил, как закрылись глаза. Возникла Санькина

немытая рожа, а потом замелькала земляника, завалила она и Саньку, и всё на этом свете.

На полатях запахло сосняком, холодной таинственной пещерой...

Дедушка был на заимке¹, километрах в пяти от села, в устье речки Маны. Там у нас была посеяна полоска ржи, полоска овса и полоска картошек.

О колхозах тогда ещё только начинались разговоры, и селяне наши пока жили одинолично. У дедушки на заимке я любил бывать. Спокойно у него там, обстоятельно как-то. Может, оттого, что дедушка никогда не шумел и даже работал неторопливо, но очень уёмисто и податливо. Ах, если бы заимка была ближе! Я бы ушёл, скрылся. Но пять километров для меня были тогда огромным, непреодолимым расстоянием. И Алёшки, моего брата, нет. Недавно приезжала тётка Августа и забрала Алёшку с собой на лесоучасток, где она работала.

Слонялся я, слонялся по пустой избе и ничего другого не смог придумать, как податься к левонтьевским.

— Уплыла Петровна? — усмехнулся Санька и цыркнул слюной в дырку меж передних зубов. У него в этой дырке мог поместиться ещё один зуб, и мы страшно завидовали этой Санькиной дырке. Как он в неё плевал!

Санька собирался на рыбалку и распутывал леску. Малые левонтьевские ходили возле скамеек, ползали, ковыляли на кривых ногах. Санька раздавал затрешины направо и налево за то, что малые лезли под руку и путали леску.

— Крючка нету, — сердито сказал он. — Проглотил, должно, который-то.

Займка — земельный участок вдали от села, освоенный (вспаханный) его владельцем.

— Помрёт?

— Ништяк, — успокоил меня Санька. — У тебя много крючков, дал бы. Я б тебя на рыбалку взял.

— Идёт!

Я обрадовался и помчался домой; схватил удочки, хлеба, и мы подались к каменным бычкам, за *поскотину*¹, спускавшуюся прямо в Енисей ниже села.

Старшего *левонтьевского* сегодня не было. Его взял с собой «на бадюги» отец, и Санька командовал напропалую. Поскольку был он сегодня старшим и чувствовал большую ответственность, то уже не задибался почти и даже умирал «народ», если тот принимался драться.

У бычков Санька поставил удочки, наживил червяков, поплевал на них и закинул лески.

— Ша! — сказал Санька, и мы замерли.

Долго не клевало. Мы устали ждать, и Санька прогнал нас искать щавель, чеснок береговой и редьку дикую.

Левонтьевские ребята умели пропитаться «от земли» — всё ели, что Бог пошлёт, ничем не брезговали и оттого были краснокожие, сильные, ловкие, особенно за столом.

Пока мы собирали пригодную для жратвы зелень, Санька вытащил двух ершей, одного пескаря и белоглазого ельца.

Развели огонь на берегу. Санька вздел на палочки рыб и начал их жарить.

Рыбки были съедены почти сырые, без соли. Хлеб мой ребятишки ещё раньше смолотили и занялись кто чем: вытаскивали из норок стрижей, «блинали» каменными плиточками по воде, пробовали купаться, но вода была ещё холодная, и мы быстро выскочили из реки отогреться.

ся у костра. Отогрелись и повалились в ещё низкую траву.

День был ясный, летний. Сверху пекло. Возле поскотины клонились к земле рябенькие кукушкины слёзки. На длинных хрустких стеблях болтались из стороны в сторону синие **КОЛОКОЛЬЧИКИ**, и, наверное, только пчёлы слышали, как они звенели. Возле муравейника, на обогретой земле, лежали полосатые цветки-граммофончики, и в голубые их рупоры совали головы шмели. Они надолго замирали, выставив мохнатые зобы, — должно быть, заслушивались музыкой. Берёзовые листья блестели, осинник сомлел от жары. Боярка доцветала и сорила в воду. Сосняк был в синем куреве. Над Енисеем чуть мерцало. Сквозь это мерцание едва проглядывали красные жерла известковых печей, полыхающих по ту сторону реки. Леса на скалах стояли неподвижно, и железнодорожный мост в городе, видимый из нашего села в ясную погоду, колыхался тонким кружевцем, — и если долго смотреть на него, он истоншался и кружевце рвалось.

Оттуда, из-за моста, должна приплыть бабушка. Что только будет?! И зачем я так сделал? Зачем послушался левонтьевских?

Вон как хорошо было жить! Ходи, бегай и ни о чём не думай. А теперь? Может, лодка опрокинется и бабушка утонет? Нет, уж лучше пусть не опрокидывается. Моя мать утонула. Чего хорошего? Я нынче сирота. Несчастный человек. И пожалуй меня некому. Левонтий только пьяный жалеет, и всё. А бабушка только кричит да нет-нет и поддаст — у неё не задержится. И дедушки нет. На заимке он, дедушка. Он бы не дал меня в обиду. Бабушка и на него кричит: «Потатчик! Своим всю жизнь потакал, теперь этому!..»

«Дедушка ты, дедушка, хоть бы ты в баню мыться приехал и взял меня с собой!»

— Ты чего нюнишь? — наклонился ко мне Санька с озабоченным видом.

— Ничего-о-о! — Голосом я давал понять, что это он, Санька, довёл меня до такой жизни.

— Ништяк! — утешил меня Санька. — Не ходи домой, и всё! Заройся в сено и притаись. Петровна боится — вдруг ты утонешь. Вот она как запричитает: «Уто-ну-у-ул мой дитятко, спокинул меня, сиротиночка...» — ты тут и вылезешь!

— Не буду так делать! И слушаться тебя не буду!..

— Ну, и лешак с тобой! Об тебе ж стараются... Во! Ключуло! У тебя ключуло!

Я свалился с **яра**¹, переполошив стрижей в дырках, и рванул удочку. Попался окунь. Потом ёрш. Подошла рыба, начался клёв. Мы наживляли червяков, закидывали.

— Не перешагивай через удилище! — суеверно орал Санька на совсем ошалевших от восторга малышей и таскал, таскал рыбёшек.

Малыши надевали их на ивовый прут и опускали в воду.

Вдруг за ближним каменным бычком защёлкали по дну кованые шесты, и из-за мыса показалась лодка. Трое мужиков разом выбрасывали из воды шесты. Сверкнув отшлифованными наконечниками, шесты разом падали в воду, и лодка, зарывшись по самые обводы в реку, рвалась вперёд, откидывая на стороны волны.

Взмах шестов, перекидка рук, толчок, — лодка вспрыгнула носом, ходко подалась вперёд. Она ближе, ближе... Вот уж кормовой дакнул шестом, и лодка кивнула в сторону от наших

Яр — здесь: крутой край оврага.

удочек. И тут я увидел сидящего на беседке ещё одного человека. Полушалок на голове, концы его пропущены под мышки, крест-накрест завязаны на спине. Под полушалком крашенная в бордовый цвет кофта. Вынималась эта кофта из сундука только по случаю поездки в город или по большим праздникам.

Да это ж бабушка!

Рванул я от удочек прямо к яру, подпрыгнул, ухватившись за траву, засунул большой палец ноги в стрижиную норку. Подлетел стриж, тюкнул меня по голове, и я упал на комья глины. Соскочил и ударился бежать по берегу, прочь от лодки.

— Ты куда?! Стой! Стой, говорю! — крикнула бабушка.

Я мчался во весь дух.

— Я-а-а-авишься, я-а-а-авишься домой, мошенник! — нёсся вслед мне голос бабушки.

А тут ещё мужики подстегнули.

— Держи его! — крикнули, и я не заметил, как оказался на верхнем конце села.

Теперь только я обнаружил, что наступил уже вечер и волей-неволей надо возвращаться домой. Но я не хотел домой и на всякий случай подался к двоюродному братишке Кешке, дяди-Ваниному сыну, жившему здесь, на верхнем краю села.

Мне повезло. Возле дяди-Ваниного дома играли в лапту. Я ввязался в игру и пробегал до темноты. Появилась тётя Феня, Кешкина мать, и спросила меня:

— Ты почему домой не идёшь? Бабушка потеряет тебя!

— Не-е, — ответил я как можно бодрей и беспечней. — Она в город уплыла. Может, ночует там.

Тётя Феня предложила мне поесть, и я с радостью смолотил всё, что она мне дала.

А тонкошейй молчун Кешка попил варёного молока, и мать сказала ему:

— Всё на молочке да на молочке. Гляди вон, как ест парнишка, и оттого крепок.

Я уже надеялся, что тётя Феня и ночевать меня оставит. Но она порасспрашивала, порасспрашивала меня обо всём, после чего взяла за руку и отвела домой.

В доме уже не было света. Тётя Феня постучала в окно. Бабушка крикнула: «Не заперто!» Мы вошли в тёмный и тихий дом, где только и слышалось многокрылое постукивание бабочек да жужжание бьющихся о стекло мух.

Тётя Феня оттеснила меня в сени и втолкнула в пристроенную к сениям кладовку. Там была налажена постель из половиков и старого седла в головах — на случай, если днём кого-то сморит жара и ему захочется отдохнуть в холодке.

Я зарылся в **половик**, притих, слушая.

Тётя Феня и бабушка о чём-то разговаривали в избе. В кладовке пахло отрубями, пылью и сухой травой, натканной во все щели и под потолком. Трава эта всё чего-то пощёлкивала да потрескивала. Тоскливо было в кладовке. Тёмность была густа и шероховата, вся заполненная запахом и тайной жизнью.

Под полом одиноко и робко скреблась мышь, голодавшая из-за кота. И всё потрескивали сухие травы и цветы под потолком, открывали коробочки и сорили во тьму семечки.

На селе утверждалась тишина, прохлада и ночная жизнь. Убитые дневной жарой собаки приходили в себя, вылезали из-под сеней, крылец, из конур и пробовали голоса. У моста, что проложен через Малую речку, пиликала гармошка. На мосту у нас собирается молодёжь, пляшет там, поёт.

У дяди Левонтия спешно рубили дрова. Должно быть, дядя Левонтий принёс чего-то на варено. У кого-то левонтьевские «сбодали» жердь... Скорее всего, у нас. Есть им время сейчас промышлять дрова **далеко!..**

Ушла тётя Феня и плотно прикрыла дверь в сенках. Воровато прошмыгнул по крыльцу кот. Под полом стихламыш. Стало совсем темно и одиноко. В избе не скрипели половицы, не ходила бабушка. Устала, должно быть. Мне сделалось холодно. Я свернулся калачиком и стал дышать себе на грудь.

Проснулся я от солнечного луча, пробившегося в мутное окошко кладовой. В луче мошкой мельтешила пыль. Откуда-то наносило заимкой, пашней. Я огляделся, и сердце моё радостно подпрыгнуло: на меня был накинута дедушкин старенький полушубок. Дедушка приехал ночью! Красота!

На кухне бабушка громко, возмущённо рассказывала:

— ...Культурная дамочка, в шляпке. Говорит: «Я у вас эти вот ягодки все **куплю**». — «Пожалуйста, милости прошу. Ягодки-то, говорю, сиротинка горемычный **собирал...**»

Тут я провалился сквозь землю вместе с бабушкой и уже не мог разобрать, что говорила она дальше, потому что закрылся полушубком, забился в него, чтобы умереть скорее. Но сделалось жарко, глухо, стало невозможно дышать, и я **открылся**.

— Своих вечно потачил! — шумела бабушка. — Теперь этому! А он уже мошенничает! Чё потом из него будет? Каторжанец будет! Вечный арестант будет! Я вот ещё левонтьевских в оборот возьму! Это ихняя **грамота!..**

Убрался дед во двор от греха подальше. Бабушка вышла в сенки, заглянула в кладовку. Я крепко сомкнул веки.

— **Не** спишь ведь, не спишь! Я всё-ё вижу!

Но я не сдавался. Забежала в дом бабушкина племянница, спросила, как бабушка сплавала в город. Бабушка сказала, что слава Богу, и тут же принялась рассказывать:

— Мой-то малой-то!.. Чего утворил!..

В это утро к нам приходило много людей, и всем бабушка говорила: «А мой-то малой-то!»

Бабушка ходила взад-вперёд, поила корову, выгоняла её к пастуху, делала разные свои дела и всякий раз, пробегая мимо дверей кладовки, кричала:

— Не спишь ведь, не спишь! Я всё-ё вижу!

Я знал, что она управится по дому и уйдёт. Всё равно уйдёт — поделиться новостями, почерпнутыми в городе, и узнать те новости, какие свершились без неё на селе. И каждому встречному бабушка будет твердить: «А мой-то малой-то!»

В кладовку завернул дедушка, вытянул из-под меня кожаные вожжи и подмигнул: ничего, дескать, не робей! Я заширкал носом.

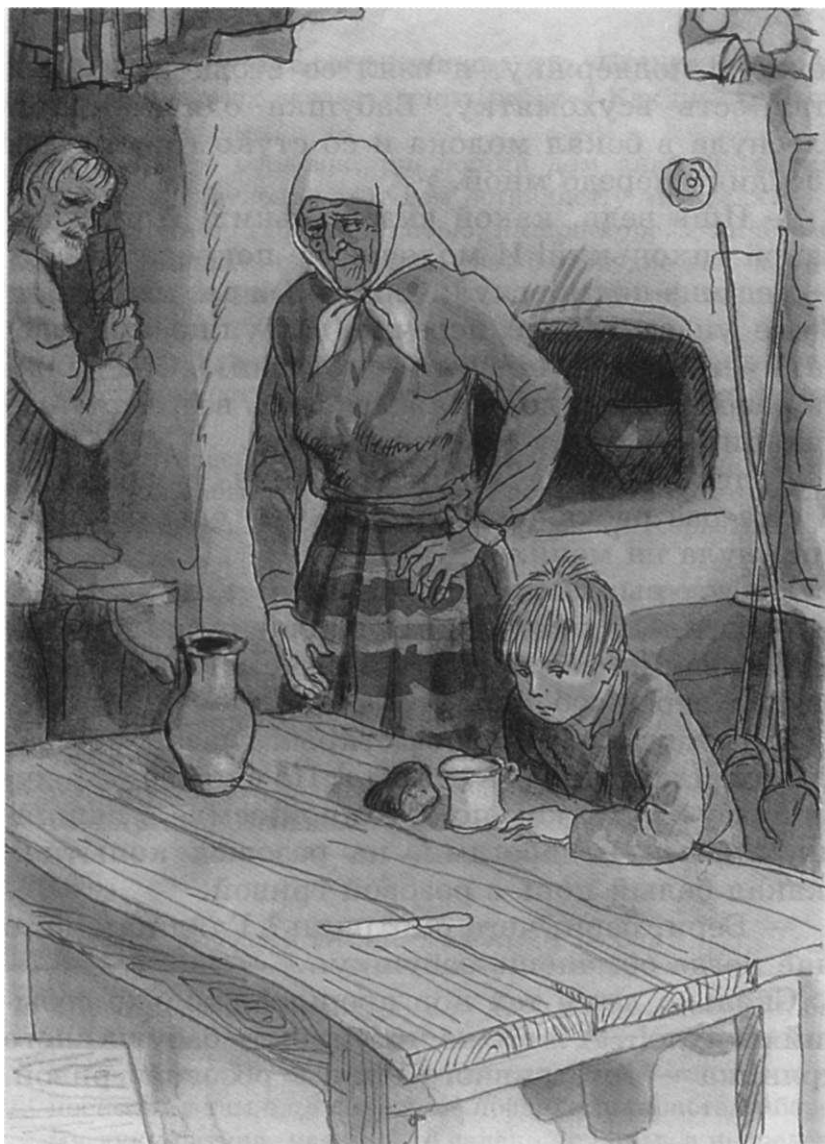
Дед погладил меня по голове, и так долго копившиеся слёзы хлынули безудержно из моих глаз.

— Ну что ты, что ты! — успокаивал меня дед, обирая большой жёсткой рукой слёзы с моего лица. — Чего же голодный-то лежишь? Попроси прощенья... Ступай, ступай, — легонько подтолкнул меня дед в спину.

Придерживая одной рукой штаны, я принял другую к глазам, ступая в избу, и заревел:

— Я больше... я больше... я больше... — И ничего дальше сказать не мог.

— Ладно уж, умойся да садись трескать! — всё ещё непримиримо, но уже без грозы сказала бабушка.

«Конь с розовой гривой». Художник Т. Мазурин

Я покорно умылся, долго и очень тщательно утирался рушником, то и дело содрогаюсь от всё ещё не прошедших всхлипов, и присел к столу. Дед возился на кухне, сматывал на руку вожжи, ещё что-то делал. Чувствуя его незримую и на-

дѣжную поддержку, я взял со стола краюху и стал есть всухомятку. Бабушка одним махом плеснула в бокал молока и со стуком поставила посудину передо мной.

— Ишь ведь, какой смиренный! Ишь ведь, какой тихонький! И молочка не попросит!..

Дед мне подморгнул: терпи. Я и без него знал: Боже упаси сейчас перечить бабушке или сделать чего не так, не по её усмотрению. Она должна разрядиться, должна высказать всё, что у неё накопилось, душу отвести должна.

Долго бабушка обличала меня и срамила. Я ещё раз раскаянно заревел. Она ещё раз прикрикнула на меня.

Но вот выговорилась бабушка. Ушёл куда-то дед. Я сидел, разглаживал заплатку на штанах, вытягивая из неё нитки. А когда поднял голову, увидел перед собой...

Я зажмурился и снова открыл глаза. Ещё раз зажмурился, ещё раз открыл. По скоблёному кухонному столу, как по огромной земле с пашнями, лугами и дорогами, на розовых копытцах скакал белый конь с розовой гривой.

— Бери, бери, чего смотришь? Глядишь, зато ещё когда обманешь бабушку...

Сколько лет с тех пор прошло! Сколько событий **минуло!**.. А я всё не могу забыть бабушкиного пряника — того дивного коня с розовой гривой.

Вопросы и задания

1. В какое время и где происходят события рассказа? Что вы знаете о событиях, происходивших в России в те времена?
2. От чьего лица ведётся повествование?
3. Расскажите о семье Левонтия. Чем она отличалась от других семей? Прочитайте описание портрета Саньки.

Согласны ли вы с рассказчиком, что «Санька был вреднее и злее всех левонтьевских ребят»? Как писатель относится к нему?

4. Прочитайте отрывок, рисующий дом дяди Левонтия. Какое впечатление этот дом оставляет у читателя?

«Стоял он (дом) сам собою, на просторе, и ничего-то ему не мешало смотреть на свет белый кое-как застеклёнными окнами — ни забор, ни ворота, ни сенцы, ни наличники, ни ставни».

Какая художественная деталь даёт представление о неустроенности семьи Левонтьевых? Приведите другие примеры.

5. «Так интересно и весело мы провели весь день, и я совсем уж забыл про ягоды...» Расскажите об этом дне. Постарайтесь, чтобы ваш рассказ был и серьёзным, и весёлым.
6. Проследите, как менялось настроение героя рассказа после того, как он вернулся домой, и на следующий день. Как это отразилось в речи рассказчика, её интонации, в поведении героя?
7. Из каких эпизодов мы узнаём, как герой был втянут в тяжкий обман?
8. Можете ли вы назвать эпизод, в котором больше всего ощутимо сожаление героя о совершённом поступке?

Чётко помню и ошибаться не могу: было. Майя

Будьте внимательны к слову

1. «Левонтьевские орлы бросали друг в друга посудой, барахтались, раза два принимались драться, плакали, дразнились. По пути они заскочили в чей-то огород и, поскольку там ещё ничего не поспело, напластали беремя луку-батуна, наелись до зелёной слюны, а недоеденный побросали. Оставили всего несколько пёрышек на свистульки. В обкусанные перья они пищали всю дорогу, и под музыку мы скоро пришли в лес, на каменный увал».

Обратите внимание на глаголы в этом отрывке. Как они характеризуют левонтьевских ребятшек? Почему писателю потребовалось так много глаголов? Подберите к ним синонимы.

2. Детей дяди Левонтия писатель называет так: «ребятишки дяди Левонтия», «левонтьевские орлы», «братья Левонтьевы», «левонтьевская орда», «народ». Что можно сказать об отношении писателя к этим детям? Как менялось оно и почему?
3. Составьте небольшой словарь «сибирских» диалектизмов, местных слов. Подумайте, почему писатель использовал их в своём произведении, а не заменил их другими словами.

Сделаем ВЫВОДЫ

1. Объясните, почему героя рассказа неудержимо тянуло к Левонтию. Что особенно привлекало его в этой семье?
2. Каким вы представляете героя рассказа? Нарисуйте устно его портрет.
3. Почему бабушка, несмотря на обман внука, купила ему «пряник конём»?
4. Какие жизненные уроки извлёк герой из этой истории? Как с этим связаны заключительные слова рассказа: «Сколько лет с тех пор прошло! Сколько событий минуло!.. А я всё не могу забыть бабушкиного пряника — того дивного коня с розовой гривой»?

Для самостоятельной работы

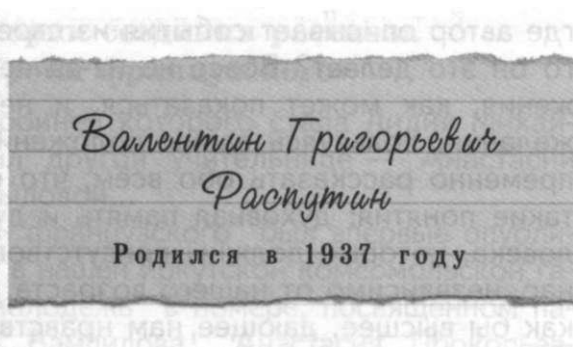
7. Подготовьте художественный пересказ (близкий к тексту) одного из эпизодов или чтение его по ролям (на выбор).

Эпизод — отрывок художественного произведения, обладающий относительной законченностью.

2. Перескажите фабулу рассказа «Конь с розовой гривой», т. е. выделите последовательно события рассказа, связанные между собой.

Фабула — последовательное изображение на основе сюжета событий в художественном произведении.

3. Подготовьте устный или письменный рассказ о герое, который вам особенно запомнился. Предварительно подберите цитаты и продумайте план рассказа.
-

Чем человек умнее и добрее, тем больше он замечает добра в людях.

Л. Н. Толстой

Уроки доброты

Этот рассказ, когда он впервые появился в книжке, помог мне разыскать мою учительницу Лидию Михайловну. Она купила мою книжку, узнала в авторе меня, а в героине рассказа себя и написала мне.

Удивительно, но Лидия Михайловна, оказывается, не помнит, что она похожим же, как в рассказе, образом отправляла мне посылку с макаронами. Я это прекрасно помню и ошибаться не могу: было. Меня сначала поразило: как же так — не помнит?! Как можно такое забыть?! Но, поразмыслив, я понял, что удивительного тут в сущности нет ничего: истинное добро со стороны того, кто творит его, имеет меньшую память, чем со стороны того, кто его принимает. Так и должно быть. На то оно и добро, чтобы не искать прямой отдачи (я помог тебе — изволь и ты мне помогать), а быть бескорыстным и уверенным в своей тихой чудодейственной силе. И если, уйдя от человека, добро возвращается к нему через много лет совсем с другой стороны, тем больше оно обошло людей и тем шире был круг его действия.

Вы уже догадались, очевидно, что это в немалой степени автобиографический рассказ, то есть такой,

где автор описывает события из своей жизни. Для чего он это делает? Вовсе не из-за недостатка воображения, как может показаться, и не из тщеславного желания, пользуясь своим положением писателя, непременно рассказать обо всём, что он пережил. Есть такие понятия: духовная память и духовный опыт человека, которые должны присутствовать в каждом из нас, независимо от нашего возраста. Это то главное и как бы высшее, дающее нам **нравственное**¹ направление наперёд, что мы выносим из событий своей жизни и что представляет интерес не только для нас одних. Когда такое происходит и когда моральное извлечение из внешних событий представляется нам важным, мы, естественно, хотим поделиться им с другими людьми.

Вот так и случилось, что спустя более чем двадцать лет я сел за стол и стал вспоминать, что было когда-то со мной, пятиклассником, мальчишкой из глухой сибирской деревни. Вернее, стал записывать то, что никогда и не забывалось, что постоянно просилось во мне на люди. Я написал этот рассказ в надежде, что преподанные мне в своё время уроки лягут на душу как маленького, так и взрослого читателя.

Валентин Распутин

Вопросы

1. Что такое духовная память, духовный опыт человека? Как вы это понимаете?
2. Что заставило В. Распутина написать рассказ «Уроки французского»?

¹ *Нравственное* — относящееся к внутренней, духовной жизни человека, к его морали.

Из истории создания рассказа
«Уроки французского»

«...Рассказ, героиней которого стала Лидия Михайловна, я посвятил другой учительнице — Анастасии Прокопьевне Копыловой...

Рассказ „Уроки французского“ был впервые опубликован в 1973 году в нашей иркутской комсомольской газете „Советская молодёжь“ в номере, посвящённом памяти Александра Вампилова¹. Анастасия Прокопьевна — его мать. Глядя в лицо этой удивительной женщины, не старевшей, доброй и мудрой, не раз вспоминал я и свою учительницу и знал, что детям было хорошо и с той и с другой».

В. Г. Распутин

УРОКИ ФРАНЦУЗСКОГО

*Анастасии Прокопьевне
Копыловой*

Странно: почему мы так же, как и перед родителями, всякий раз чувствуем свою вину перед учителями? И не за то вовсе, что было в школе, — нет, а за то, что случилось с нами после.

* * *

Я пошёл в пятый класс в сорок восьмом году. Правильней сказать, поехал: у нас в деревне была только начальная школа, поэтому, чтобы учиться дальше, мне пришлось снаряжаться из дому за пятьдесят километров в райцентр. За неделю раньше туда съездила мать, уговорилась со

¹ А. В. Вампилов (1937—1972) — русский драматург. Автор пьес «Прошлым летом в Чулимске», «Прощание в июне», «Утиная охота» и др.

своей знакомой, что я буду квартировать у неё, а в последний день августа дядя Ваня, шофёр единственной в колхозе полуторки, выгрузил меня на улице **Под каменной**, где мне предстояло жить, помог занести в дом узел с постелью, ободряюще похлопал на прощанье по плечу и укатил. Так, в одиннадцать лет, началась моя самостоятельная **жизнь**.

Голод в тот год ещё не отпустил, а нас у матери было трое, я самый старший. Весной, когда пришлось особенно туго, я глотал сам и заставлял глотать сестрёнку глазки проросшей картошки и зёрен овса и ржи, чтобы развести посадки в животе, — тогда не придётся всё время думать о еде. Всё лето мы старательно поливали свои семена чистой ангарской водичкой, но урожая почему-то не дождались или он был настолько мал, что мы его не почувствовали. Впрочем, я думаю, что затея эта не совсем бесполезная и человеку когда-нибудь ещё пригодится, а мы по неопытности что-то там делали неверно.

Трудно сказать, как решилась мать отпустить меня в район (райцентр у нас называли районом). Жили мы без отца, жили совсем плохо, и она, видно, рассудила, что хуже уже не будет — некуда. Учился я хорошо, в школу ходил с удовольствием и в деревне признавался за грамотея: писал за старух и читал письма, перебрал все книжки, которые оказались в нашей неказистой библиотеке, и по вечерам рассказывал из них ребятам всякие истории, больше того добавляя от себя. Но особенно в меня верили, когда дело касалось облигаций. Их за войну у людей скопилось много, таблицы выигрышей приходили часто, и тогда облигации несли ко мне. Считалось, что у меня счастливый глаз. Выигрыши и правда случались, чаще всего мел-

кие, но колхозник в те годы рад был любой копейке, а тут из моих рук сваливалась и совсем нечаянная удача. Радость от неё несколько перепадала и мне. Меня выделяли из деревенской ребятни, даже подкармливали: однажды дядя Илья, в общем-то скупой, прижимистый старик, выиграв четыреста рублей, сгоряча нагрёб мне ведро картошки — под весну это было немалое богатство.

И всё потому же, что я разбирался в номерах облигаций, матери говорили:

— Башковитый у тебя парень растёт. Ты это... давай учи его. Грамота зря не пропадёт.

И мать, наперекор всем несчастьям, собрала меня, хотя до того никто из нашей деревни в районе не учился. Я был первый. Да я и не понимал как следует, что мне предстоит, какие испытания ждут меня, голубчика, на новом месте.

Учился я и тут хорошо. Что мне оставалось? — Затем я сюда и приехал, другого дела у меня здесь не было, а относиться спустя рукава к тому, что на меня возлагалось, я тогда ещё не умел. Едва ли осмелился бы я пойти в школу, останься у меня невыученным хоть один урок, поэтому по всем предметам, кроме французского, у меня держались пятёрки.

С французским у меня не ладилось из-за произношения. Я легко запоминал слова и обороты, быстро переводил, прекрасно справлялся с трудностями правописания, но произношение с головой выдавало всё моё ангарское происхождение вплоть до последнего колена, где никто сроду не выговаривал иностранных слов, если вообще подозревал об их существовании. Я шпарил по-французски на манер наших деревенских скороговорок, половину звуков за ненадобностью про-

глатывая, а вторую половину выпаливал короткими лающими очередями. Лидия Михайловна, учительница французского, слушая меня, бессильно морщилась и закрывала глаза. Ничего подобного она, конечно, не слыхивала. Снова и снова она показывала, как произносятся носовые, сочетания гласных, просила повторять, — я терялся, язык у меня во рту деревенел и не двигался. Всё было впустую. Но самое страшное начиналось, когда я приходил из школы. Там я невольно отвлекался, всё время вынужден был что-то делать, там меня тормозили ребята, вместе с ними — хочешь не хочешь — приходилось двигаться, играть, а на уроках — работать. Но едва я оставался один, сразу наваливалась тоска — тоска по дому, по деревне. Никогда раньше даже на день я не отлучался из семьи и, конечно, не был готов к тому, чтобы жить среди чужих людей. Так мне было плохо, так горько и постыло! — хуже всякой болезни. Хотелось только одного, мечталось об одном — домой и домой. Я сильно похудел: мать, приехавшая в конце сентября, испугалась за меня. При ней я крепился, не жаловался и не плакал, но когда она стала уезжать, не выдержал и с рёвом погнался за машиной. Мать махала мне рукой из кузова, чтобы я отстал, не позорил себя и её, — я ничего не понимал. Тогда она решилась и остановила машину.

— Собирайся, — потребовала она, когда я подошёл. — Хватит, отучился, поедем домой.

Я опомнился и убежал.

Но похудел я не только из-за тоски по дому. К тому же ещё я постоянно недоедал. Осенью, пока дядя Ваня возил на своей полуторке хлеб в Заготзерно, стоявшее неподалёку от райцентра, еду мне посылали довольно часто, примерно раз

в неделю. Но вся беда в том, что мне её не хватало. Ничего там не было, кроме хлеба и картошки, изредка мать набивала в баночку творогу, который у кого-то под что-то брала: корову она не держала. Привезут — кажется, много,хватишься через два дня — пусто. Я очень скоро стал замечать, что добрая половина моего хлеба куда-то самым таинственным образом исчезает. Проверил — так и есть: был — нету. То же самое творилось с картошкой. Кто потаскивал — тётя Надя ли, крикливая, замотанная женщина, которая одна мыкалась с тремя ребяташками, кто-то из её старших девчонок или младший, Федька, — я не знал, я боялся даже думать об этом, не то что следить. Обидно было только, что мать ради меня отрывает последнее от своих, от сестрёнки с братишкой, а оно всё равно идёт мимо. Но я заставил себя смириться и с этим. Легче матери не станет, если она услышит правду.

Голод здесь совсем не походил на голод в деревне. Там всегда, и особенно осенью, можно было что-то перехватить, сорвать, выкопать, поднять, в Ангаре ходила рыба, в лесу летала птица. Тут для меня всё вокруг было пусто: чужие люди, чужие огороды, чужая земля. Небольшую речушку на десять рядов процеживали бреднями. Я как-то в воскресенье просидел с удочкой весь день и поймал трёх маленьких, с чайную ложку, пескариков — от такой рыбалки тоже не раздобреешь. Больше не ходил — что зря время переводить! По вечерам околачивался у чайной, на базаре, запоминая, что почём продают, давился слюной и шёл ни с чем обратно. На плите у тёти Нади стоял горячий чайник; пошвырнув гольного кипяточку и согрев желудок, ложился спать. Утром опять в школу. Так

и дотягивал до того счастливого часа, когда к воротам подъезжала полуторка и в дверь стучал дядя Ваня. Наголодавшись и зная, что харч мой всё равно долго не продержится, как бы я его ни сэкономил, я наедался до отвала, до рези в животе, а затем, через день или два, снова подсаживал зубы на полку.

* * *

Однажды, ещё в сентябре, Федька спросил у меня:

— Ты в «чику» играть не боишься?

— В какую «чику»? — не понял я.

— Игра такая. На деньги. Если деньги есть, пойдём сыграем.

— Нету.

— И у меня нету. Пойдём так, хоть посмотрим. Увидишь, как здорово.

Федька повёл меня за огороды. Мы прошли по краю продолговатого, грядой, холма, сплошь заросшего крапивой, уже чёрной, спутанной, с отвисшими ядовитыми гроздьями семян, перебрались, прыгая по кучам, через старую свалку и в низинке, на чистой и ровной небольшой поляне, увидели ребят. Мы подошли. Ребята насторожились. Все они были примерно тех же лет, что и я, кроме одного — рослого и крепкого, заметного своей силой и властью, парня с длинной рыжей чёлкой. Я вспомнил: он ходил в седьмой класс.

— Этого ещё зачем привёл? — недовольно сказал он Федьке.

— Он свой, Вадик, свой, — стал оправдываться Федька. — Он у нас живёт.

— Играть будешь? — спросил меня Вадик.

— Денег нету.

— Гляди, не вякни кому, что мы здесь.

— Вот ещё! — обиделся я.

Больше на меня не обращали внимания, я отошёл в сторонку и стал наблюдать. Играли не все — то шестеро, то семеро, остальные только глазели, болея, в основном, за Вадика. Хозяиничал здесь он, это я понял сразу.

Разобраться в игре ничего не стоило. Каждый выкладывал на кон по десять копеек, стопку монет решками вверх опускали на площадку, ограниченную жирной чертой метрах в двух от кассы, а с другой стороны, от валуна, вросшего в землю и служившего упором для передней ноги, бросали круглую каменную шайбу. Бросать её надо было с тем расчётом, чтобы она как можно ближе подкатилась к черте, но не вышла за неё, — тогда ты получал право первым разбивать кассу. Били всё той же шайбой, стараясь перевернуть монеты на орла. Перевернул — твоя, бей дальше, нет — отдай это право следующему. Но важнее всего считалось ещё при броске накрыть шайбой монеты, и если хоть одна из них оказывалась на орле, вся касса без разговоров переходила в твой карман, и игра начиналась снова.

Вадик хитрил. Он шёл к валуну после всех, когда полная картина очередности была у него перед глазами и он видел, куда бросать, чтобы выйти вперёд. Деньги доставались первым, до последних они доходили редко. Наверное, все понимали, что Вадик хитрит, но сказать ему об этом никто не смел. Правда, и играл он хорошо. Подходя к камню, чуть приседал, прищурившись, наводил шайбу на цель и неторопливо, плавно выпрямлялся — шайба выскальзывала из его руки и летела туда, куда он метил. Быстрым движением головы он забрасывал съехавшую чёлку наверх, небрежно сплёвывал в

сторону, показывая, что дело сделано, и ленивым, нарочито замедленным шагом ступал к деньгам. Если они были в куче, бил резко, со звоном, одиночные же монетки трогал шайбой осторожно, с накатиком, чтобы монетка не билась и не крутилась в воздухе, а, не поднимаясь высоко, всего лишь переваливалась на другую сторону. Никто больше так не умел. Ребята лупили наобум и доставали новые монеты, а кому нечего было доставать, переходили в зрители.

Мне казалось, что, будь у меня деньги, я бы смог играть. В деревне мы возились с бабками, но и там нужен точный глаз. А я, кроме того, любил придумывать для себя забавы на меткость: наберу горсть камней, отыщу цель потруднее и бросаю в неё до тех пор, пока не добьюсь полного результата — десять из десяти. Бросал и сверху, из-за плеча, и снизу, навешивая камень над целью. Так что кой-какая сноровка у меня была. Не было денег.

Мать потому и отправляла мне хлеб, что денег у нас не водилось, иначе я покупал бы его и здесь. Откуда им в колхозе взяться? Всё же раза два она подкладывала мне в письмо по пятерке — на молоко. На теперешние это пятьдесят копеек, не разживёшься, но всё равно деньги, на них на базаре можно было купить пять пол-литровых баночек молока, по рублю за баночку. Молоко мне наказано пить от малокровия, у меня часто ни с того ни с сего принималась вдруг кружиться голова.

Но, получив пятёрку в третий раз, я не пошёл за молоком, а разменял её на мелочь и отправился на свалку. Место здесь было выбрано с толком, ничего не скажешь: полянка, замкнутая холмами, ниоткуда не просматривалась. В селе, на виду у взрослых, за такие игры гоня-

ли, грозили директором и милицией. Тут нам никто не мешал. И недалеко, за десять минут добежишь.

В первый раз я спустил девяносто копеек, во второй — шестьдесят. Денег было, конечно, жалко, но я чувствовал, что приноравливаюсь к игре, рука постепенно привыкала к шайбе, училась отпускать для броска ровно столько силы, сколько требовалось, чтобы шайба прошла верно, глаза тоже учились заранее знать, куда она упадёт и сколько ещё прокатится по земле. По вечерам, когда все расходились, я снова возвращался сюда, доставал из-под камня спрятанную Вадиком шайбу, выгребал из кармана свою мелочь и бросал, пока не темнело. Я добился того, что из десяти бросков три или четыре угадывали точно на деньги.

И наконец наступил день, когда я остался в выигрыше.

Осень стояла тёплая и сухая. Ещё и в октябре пригревало так, что можно было ходить в рубашке, дожди выпадали редко и казались случайными, ненароком занесёнными откуда-то из непогоды слабым попутным ветерком. Небо синело совсем по-летнему, но стало словно бы уже, и солнце заходило рано. Над холмами в чистые часы курился воздух, разнося горьковатый, дурманящий запах сухой полыни, ясно звучали дальние голоса, кричали отлетающие птицы. Трава на нашей полянке, пожелтевшая и сморённая, всё же осталась живой и мягкой, на ней возились свободные от игры, а лучше сказать, проигравшиеся ребята.

Теперь каждый день после школы я прибежал сюда. Ребята менялись, появлялись новички, и только Вадик не пропускал ни одной игры. Она без него и не начиналась. За Вадиком, как тень,

следовал большеголовый, стриженный под машинку, коренастый парень, по прозвищу Птаха. В школе я Птаху до этого не встречал, но, забегаая вперёд, скажу, что в третьей четверти он вдруг, как снег на голову, свалился на наш класс. Оказывается, остался в пятом на второй год и под каким-то предлогом устроил себе до января каникулы. Птаха тоже обычно выигрывал, хоть и не так, как Вадик, поменьше, но в убытке не оставался. Да потому, наверно, и не оставался, что был заодно с Вадиком и тот ему потихоньку помогал.

Из нашего класса на полянку иногда набегал Тишкин, суетливый, с моргающими глазёнками мальчишка, любивший на уроках поднимать руку. Знает, не знает — всё равно тянет. Вызовут — **МОЛЧИТ**.

— Что ж ты руку поднимал? — спрашивают Тишкина.

Он шлёпал своими глазёнками:

— Я помнил, а пока вставал, забыл.

Я с ним не дружил. От робости, молчаливости, излишней деревенской замкнутости, а главное — от дикой тоски по дому, не оставлявшей во мне никаких желаний, ни с кем из ребят я тогда ещё не сошёлся. Их ко мне тоже не тянуло, я оставался один, не понимая и не выделяя из горького своего положения одиночества: один — потому что здесь, а не дома, не в деревне, там у меня товарищей много.

Тишкин, казалось, и не замечал меня на Полянке. Быстро проигравшись, он исчезал и появлялся снова не скоро.

А я выигрывал. Я стал выигрывать постоянно, каждый день. У меня был свой расчёт: не надо катать шайбу по площадке, добиваясь права на первый удар; когда много играющих, это не

«Уроки французского». Художник *И. Пчелко*

просто: чем ближе тянешься к черте, тем больше опасности перевалить за неё и остаться последним. Надо накрывать кассу при броске. Так я и делал. Конечно, я рисковал, но при моей сноровке это был оправданный риск. Я мог проиграть три, четыре раза подряд, зато на пятый, забрав кассу, возвращал свой проигрыш втрое. Снова проигрывал и снова возвращал. Мне редко приходилось стучать шайбой по монетам, но и тут я пользовался своим приёмом: если Вадик бил с накатом на себя, я, наоборот, тюкал от се-

бя — так было непривычно, но так шайба придерживала монету, не давала ей вертеться и, отходя, переворачивала вслед за собой.

Теперь у меня появились деньги. Я не позволял себе чересчур увлекаться игрой и торчать на полянке до вечера, мне нужен был только рубль, каждый день по рублю. Получив его, я убегал, покупал на базаре баночку молока (тётки ворчали, глядя на мои погнутые, побитые, истерзанные монеты, но молоко наливали), обедал и садился за уроки. Досыта всё равно я не наедался, но уже одна мысль, что я пью молоко, прибавляла мне силы и смиряла голод. Мне стало казаться, что и голова теперь у меня кружится гораздо меньше.

Поначалу Вадик спокойно относился к моим выигрышам. Он и сам не оставался в накладке, а из его карманов вряд ли мне что-нибудь перепало. Иногда он даже похваливал меня: вот, мол, как надо бросать, учитесь, мазилы. Однако вскоре Вадик заметил, что я слишком быстро выхожу из игры, и однажды остановил меня:

— Ты что это — загрёб кассу и драть? Ишь шустрый какой! Играй.

— Мне уроки надо, Вадик, делать, — стал отговариваться я.

— Кому надо делать уроки, тот сюда не ходит. А Птаха подпел:

— Кто тебе сказал, что так играют на деньги? За это, хочешь знать, бьют маленько. Понял?

Больше Вадик не давал мне шайбу раньше себя и подпускал к камню только последним. Он хорошо бросал, и нередко я лез в карман за новой монетой, не прикоснувшись к шайбе. Но я бросал лучше, и если уж мне доставалась возможность бросать, шайба, как намагниченная, летела точно на деньги. Я и сам удивлялся своей

меткости, мне надо бы догадаться придержать её, играть незаметней, а я бесхитростно и безжалостно продолжал бомбить кассу. Откуда мне было знать, что никогда и никому ещё не прощалось, если в своём деле он вырывается вперёд? Не жди тогда пощады, не ищи заступничества, для других он выскочка, и больше всех ненавидит его тот, кто идёт за ним следом. Эту науку мне пришлось в ту осень постигнуть на собственной шкуре.

Я только что опять угодил в деньги и шёл собирать их, когда заметил, что Вадик наступил ногой на одну из рассыпавшихся по сторонам монет. Все остальные лежали вверх решками. В таких случаях при броске обычно кричат «в склад!», чтобы — если не окажется орла — собрать для удара деньги в одну кучу, но я, как всегда, понадеялся на удачу и не крикнул.

— Не в склад! — объявил Вадик.

Я подошёл к нему и попытался сдвинуть его ногу с монеты, но он оттолкнул меня, быстро схватил её с земли и показал мне решку. Я успел заметить, что монета была на орле, — иначе он не стал бы её закрывать.

— Ты перевернул её, — сказал я. — Она была на орле, я видел.

Он сунул мне под нос кулак.

— А этого ты не видел? Понюхай, чем пахнет.

Мне пришлось смириться. Настаивать на своём было бессмысленно: если начнётся драка, никто, ни одна душа за меня не заступится, даже Тишкин, который вертелся тут же.

Злые, прищуренные глаза Вадика смотрели на меня в упор. Я нагнулся, тихонько ударил по ближней монете, перевернул её и подвинул вторую. «Хлюзда на правду наведёт, — решил я. — Всё равно я их сейчас все **заберу**». Снова наста-

вил шайбу для удара, но опустить уже не успел: кто-то вдруг сильно поддал мне сзади коленом, и я неловко, склонённой вниз головой, ткнулся в землю. Вокруг засмеялись.

За мной, ожидающе улыбаясь, стоял Птаха. Я опешил:

— Чего-о ты?!

— Кто тебе сказал, что это я? — отпёрся он. — Приснилось, **что ли?**

— Давай сюда! — Вадик протянул руку за шайбой, но я не отдал её. Обида перехлестнула во мне страх, ничего на свете я больше не боялся. За что? За что они так со мной? Что я им сделал?

— Давай сюда! — потребовал Вадик.

— Ты перевернул ту монетку! — крикнул я ему. — Я видел, что перевернул. Видел.

— Ну-ка повтори, — надвигаясь на меня, попросил он.

— Ты перевернул её, — уже тише сказал я, хорошо зная, что за этим последует.

Первым, опять сзади, меня ударил Птаха. Я полетел на Вадика, он быстро и ловко, не примериваясь, поддел меня головой в лицо, и я упал, из носу у меня брызнула кровь. Едва я вскочил, на меня снова набросился Птаха. Можно было ещё вырваться и убежать, но я почему-то не подумал об этом. Я вертелся меж Вадиком и Птахой, почти не защищаясь, зажимая ладонью нос, из которого хлестала кровь, и в отчаянии, добавляя им ярости, упрямо выкрикивая одно и то же:

— Перевернул! Перевернул! Перевернул!

Они били меня по очереди, один и второй, один и второй. Кто-то третий, маленький и злобный, пинал меня по ногам, потом они почти сплошь покрылись синяками. Я старался только

не упасть, ни за что больше не упасть, даже в те минуты мне казалось это позором. Но в конце концов они повалили меня на землю и остановились.

— Иди отсюда, пока живой! — скомандовал Вадик. — Быстро!

Я поднялся и, всхлипывая, швыряя омертвевшим носом, поплёлся в гору.

— Только вякни кому — убьём! — пообещал мне вслед Вадик.

Я не ответил. Всё во мне как-то затвердело и сомкнулось в обиде, у меня не было сил достать из себя слово. И только поднявшись на гору, я не утерпел и, словно сдурев, закричал что было мочи — так что слышал, наверное, весь посёлок:

— Переверну-у-ул!

За мной кинулся было Птаха, но сразу вернулся, — видно, Вадик рассудил, что с меня хватит, и остановил его. Минут пять я стоял и, всхлипывая, смотрел на полянку, где снова началась игра, затем спустился по другой стороне холма к ложбинке, затянутой вокруг чёрной крапивой, упал на жёсткую сухую траву и, не сдерживаясь больше, горько, навзрыд заплакал.

Не было в тот день и не могло быть во всём белом свете человека несчастнее меня.

Утром я со страхом смотрел на себя в зеркало: нос вспух и раздулся, под левым глазом синяк, а ниже его, на щеке, изгибается жирная кровавая ссадина. Как идти в школу в таком виде, я не представлял, но как-то идти надо было, пропускать по какой бы то ни было причине уроки я не решался. Допустим, носы у людей и от природы случаются почище моего, и если бы не привычное место, ни за что не догадаешься, что это нос, но ссадину и синяк ничем оправдать нельзя: **сра-**

зу видно, что они красуются тут не по моей доброй воле.

Прикрывая глаз рукой, я юркнул в класс, сел за свою парту и опустил голову. Первым уроком, как назло, был французский. Лидия Михайловна, по праву классного руководителя, интересовалась нами больше других учителей, и скрыть от неё что-либо было трудно. Она входила, здоровалась, но до того, как посадить класс, имела привычку внимательным образом осматривать почти каждого из нас, делая будто бы и шуточные, но обязательные для исполнения замечания. И знаки на моём лице она, конечно, увидела сразу, хоть я, как мог, и прятал их; я понял это потому, что на меня стали оборачиваться ребята.

— Ну вот, — сказала Лидия Михайловна, открывая журнал. — Сегодня среди нас есть раненые.

Класс засмеялся, а Лидия Михайловна снова подняла на меня глаза. Они у неё косили и смотрели словно бы мимо, но мы к тому времени уже научились распознавать, куда они смотрят.

— И что случилось? — спросила она.

— Упал, — брякнул я, почему-то не догадавшись заранее придумать хоть мало-мальски приличное объяснение.

— Ой, как неудачно. Вчера упал или сегодня?

— Сегодня. Нет, вчера вечером, когда темно было.

— Хи, упал, — выкрикнул Тишкин, захлебываясь от радости. — Это ему Вадик из седьмого класса поднёс. Они на деньги играли, а он стал спорить и **заработал**. Я же видел. А говорит — упал.

Я остолбенел от такого предательства. Он что — совсем ничего не понимает, или это он на-

рочно? За игру на деньги у нас в два счёта могли выгнать из школы. Доигрался. В голове у меня от страха всё всполошилось и загудело: пропал, теперь пропал. Ну, Тишкин. Вот Тишкин так Тишкин. Обрадовал. Внёс ясность — нечего сказать.

— Тебя, Тишкин, я хотела спросить совсем другое, — не удивляясь и не меняя спокойного, чуть безразличного тона, остановила его Лидия Михайловна. — Иди к доске, раз уж ты разговаривался, и приготовься отвечать. — Она подождала, пока растерявшийся, ставший сразу несчастным, Тишкин выйдет к доске, и коротко сказала мне: — После уроков останешься.

Больше всего я боялся, что Лидия Михайловна потащит меня к директору. Это значит, что, кроме сегодняшней беседы, завтра меня выведут перед школьной линейкой и заставят рассказывать, что меня побудило заниматься этим грязным делом. Директор, Василий Андреевич, так и спрашивал провинившегося, чтобы он ни натворил, — разбил окно, подрался или курил в уборной: «Что тебя побудило заниматься этим грязным делом?» Он расхаживал перед линейкой, закинув руки за спину, вынося вперёд в такт широким шагам плечи, так, что казалось, будто наглухо застёгнутый, оттопыривающийся тёмный френч двигается самостоятельно чуть наперёд директора, и подгонял: «Отвечай, отвечай. Мы ждём. Посмотри, вся школа ждёт, что ты нам скажешь». Ученик начинал в своё оправдание что-то бормотать, но директор обрывал его: «Ты мне на вопрос отвечай, на вопрос. Как был задан вопрос?» — «Что меня побудило?» — «Вот именно: что побудило? Слушаем тебя».

Дело обычно заканчивалось слезами, лишь после этого директор успокаивался, и мы расходив-

лись на занятия. Труднее было со старшеклассниками, которые не хотели плакать, но и не могли ответить на вопрос Василия Андреевича.

Однажды первый урок у нас начался с опозданием на десять минут, и всё это время директор допрашивал одного девятиклассника, но, так и не добившись от него ничего вразумительного, увёл к себе в кабинет.

А что, интересно, скажу я? Лучше бы сразу выгоняли. Я мельком, чуть коснувшись **этой** мысли, подумал, что тогда я смогу вернуться домой, и тут же, словно обжёгшись, испугался: нет, с таким позором и домой нельзя. Другое дело — если бы я сам бросил **школу...** Но и тогда про меня можно сказать, что я человек ненадёжный, раз не выдержал того, что хотел, а тут и вообще меня станет чураться каждый. Нет, только не так. Я бы ещё потерпел здесь, я бы привык, но так домой ехать нельзя.

После уроков, замирая от страха, я ждал Лидию Михайловну в коридоре. Она вышла из учительской и, кивнув, завела меня в класс. Как всегда, она села за стол, я хотел устроиться за третьей партой, подальше от неё, но Лидия Михайловна показала мне на первую, прямо перед собой.

— Это правда, что ты играешь на деньги? — сразу начала она. Она спросила слишком громко, мне казалось, что в школе об этом нужно говорить только шёпотом, и я испугался ещё больше. Но запираться никакого смысла не было, Тишкин успел продать меня с потрохами. Я промямлил:

— Правда.

— Ну и как — выигрываешь или проигрываешь?

Я замялся, не зная, что лучше.

— Давай рассказывай, как есть. Проигрываешь, наверно?

— Вы... выигрываю.

— Хорошо, хоть так. Выигрываешь, значит. И что ты делаешь с деньгами?

В первое время в школе я долго не мог привыкнуть к голосу Лидии Михайловны, он сбивал меня с толку. У нас в деревне говорили, запахивая голос глубоко в нутро, и потому звучал он вволюшку, а у Лидии Михайловны он был каким-то мелким и лёгким, так что в него приходилось вслушиваться, и не от бессилия вовсе — она иногда могла сказать и всласть, а словно бы от притаённости и ненужной экономии. Я готов был свалить всё на французский язык: конечно, пока училась, пока приноравливалась к чужой речи, голос без свободы сел, ослаб, как у птички в клетке, жди теперь, когда он опять разойдётся и окрепнет. Вот и сейчас Лидия Михайловна спрашивала так, будто была в это время занята чем-то другим, более важным, но от вопросов её всё равно было не уйти.

— Ну, так что ты делаешь с деньгами, которые выигрываешь? Покупаешь конфеты? Или книги? Или копишь на что-нибудь? Ведь у тебя их, наверное, теперь много?

— Нет, не много. Я только рубль выигрываю.

— И больше не играешь?

— Нет.

— А рубль? Почему рубль? Что ты с ним делаешь?

— Покупаю молоко.

— Молоко?

Она сидела передо мной аккуратная вся, умная и красивая, красивая и в одежде, и в своей женской молодой поре, которую я смутно чувствовал, до меня доходил запах духов от неё, ко-

торый я принимал за самое дыхание; к тому же она была учительницей не арифметики какой-нибудь, не истории, а загадочного французского языка, от которого тоже исходило что-то особое, сказочное, неподвластное любому-каждому, как, например, мне. Не смея поднять глаза на неё, я не посмел и обмануть её. Да и зачем, в конце концов, мне было обманывать?

Она помолчала, рассматривая меня, и я кожей почувствовал, как при взгляде её косящих внимательных глаз все мои беды и несуразности прямо-таки взбухают и наливаются своей дурной силой. Посмотреть, конечно, было на что: перед ней крючился на парте тощий диковатый мальчишка с разбитым лицом, неопрятный без матери и одинокий, в старом, застиранном пиджакишке на обвислых плечах, который впору был на груди, но из которого далеко вылезали руки; в перешитых из отцовских галифе и заправленных в **чирки**¹ марких светло-зелёных штанах со следами вчерашней драки. Я ещё раньше заметил, с каким любопытством поглядывает Лидия Михайловна на мою обутку. Из всего класса в чирках ходил только я. Лишь на следующую осень, когда я наотрез отказался ехать в них в школу, мать продала швейную машину, единственную нашу ценность, и купила мне кирзовые сапоги.

— И всё-таки на деньги играть не надо, — задумчиво сказала Лидия Михайловна. — Обошёлся бы ты как-нибудь без этого. Можно обойтись?

Не смея поверить в своё спасение, я легко пообещал:

— Можно.

Чирки — самодельная обувь.

Я говорил искренне, но что поделаешь, если искренность нашу нельзя привязать верёвками.

Справедливости ради, надо сказать, что в те дни мне пришлось совсем плохо. Колхоз наш по сухой осени рано рассчитался с хлебосдачей, и дядя Ваня больше не приезжал. Я знал, что дома мать места себе не находит, переживая за меня, но мне от этого было не легче. Мешок картошки, привезённый в последний раз дядей Ваней, испарился так быстро, будто ею кормили, по крайней мере, скот. Хорошо ещё, что, спохватившись, я догадался немножко припрятать в стоящей во дворе заброшенной сараюшке, и вот теперь только этой притайкой и жил. После школы, крадучись, как вор, я шмыгал в сараюшку, совал несколько картофелин в карманы и убегал за улицу, в холмы, чтобы где-нибудь в удобной и скрытой низинке развести огонь. Мне всё время хотелось есть, даже во сне я чувствовал, как по моему желудку прокатываются судорожные волны.

В надежде наткнуться на новую компанию игроков, я стал потихоньку обследовать соседние улицы, бродил по пустырям, следил за ребятами, которых заносило в холмы. Всё было напрасно, сезон кончился, подули холодные октябрьские ветры. И только на нашей полянке по-прежнему продолжали собираться ребята. Я кружил неподалёку, видел, как взблёскивает на солнце шайба, как, размахивая руками, командует Вадик и склоняются над кассой знакомые фигуры.

В конце концов я не выдержал и спустился к ним. Я знал, что иду на унижение, но не меньшим унижением было раз и навсегда смириться с тем, что меня избили и выгнали. Меня зудило посмотреть, как отнесутся к моему появлению Вадик и Птаха и как смогу держать себя я. Но

больше всего подгонял голод. Мне нужен был рубль — уже не на молоко, а на хлеб. Других путей раздобыть его я не знал.

Я подошёл, и игра сама собой приостановилась, все уставились на меня. Птаха был в шапке с подвёрнутыми ушами, сидящей, как и всё на нём, беззаботно и смело, в клетчатой, навывпуск рубахе с короткими рукавами; Вадик форсил в красивой толстой куртке с замком. Рядом, сваленные в одну кучу, лежали фуфайки и пальтишки, на них, сжавшись под ветром, сидел маленький, лет пяти-шести, мальчишка.

Первым встретил меня Птаха:

— Чего пришёл? Давно не били?

— Играть пришёл, — как можно спокойней ответил я, глядя на Вадика.

— Кто тебе сказал, что с тобой, — Птаха выругался, — будут тут играть?

— Никто.

— Что, Вадик, сразу будем бить или подождём немножко?

— Чего ты пристал к человеку, Птаха? — шурясь на меня, сказал Вадик. — Понял, человек играть пришёл. Может, он у нас с тобой по десять рублей хочет выиграть?

— У вас нет по десять рублей, — только чтобы не казаться себе трусом, сказал я.

— У нас есть больше, чем тебе снилось. Ставь, не разговаривай, пока Птаха не рассердился. А то он человек горячий.

— Дать ему, Вадик?

— Не надо, пусть играет. — Вадик подмигнул ребятам. — Он здорово играет, мы ему в подмётки не годимся.

Теперь я был учёный и понимал, что это такое — доброта Вадика. Ему, видно, надоела скучная, неинтересная игра, поэтому, чтобы по-

щекотать себе нервы и почувствовать вкус настоящей игры, он и решил допустить в неё меня. Но как только я затрону его самолюбие, мне опять не поздоровится. Он найдёт, к чему придраться, рядом с ним Птаха.

Я решил играть осторожно и не зариться на кассу. Как и все, чтобы не выделяться, я катал шайбу, боясь ненароком угодить в деньги, потом тихонько тюкал по монетам и оглядывался, не зашёл ли сзади Птаха. В первые дни я не позволял себе мечтать о рубле; копеек двадцать — тридцать, на кусок хлеба, и то хорошо, и то давай сюда.

Но то, что должно было рано или поздно случиться, разумеется, случилось. На четвёртый день, когда, выиграв рубль, я собрался уйти, меня снова избили. Правда, на этот раз обошлось легче, но один след остался: у меня сильно вздулась губа. В школе приходилось её постоянно прикусывать. Но как ни прятал я её, как ни прикусывал, а Лидия Михайловна разглядела. Она нарочно вызвала меня к доске и заставила читать французский текст. Я его с десятью здоровыми губами не смог бы правильно произнести, а об одной и говорить нечего.

— Хватит, ой, хватит! — испугалась Лидия Михайловна и замахала на меня, как на нечистую силу, руками. — Да что же это такое?! Нет, придётся с тобой заниматься отдельно. Другого выхода нет.

Так начались для меня мучительные и неловкие дни. С самого утра я со страхом ждал того часа, когда мне придётся остаться наедине с Лидией Михайловной и, ломая язык, повторять вслед за ней неудобные для произношения, при-

думанные только для наказания слова. Ну, зачем ещё, как не для издевательства, три гласные сливать в один толстый тягучий звук, то же «О», например, в слове «веаиссир» (много), которым можно подавиться? Зачем с каким-то пристоном пускать звуки через нос, когда испокон веков он служил человеку совсем для другой надобности? Зачем? Должны же существовать границы разумного. Я покрывался потом, краснел и задыхался, а Лидия Михайловна без передышки и без жалости заставляла меня мозолить бедный мой язык. И почему меня одного? В школе сколько угодно было ребят, которые говорили по-французски ничуть не лучше, чем я, однако они гуляли на свободе, делали, что хотели, а я, как проклятый, отдувался один за всех.

Оказалось, что и это ещё не самое страшное. Лидия Михайловна вдруг решила, что времени в школе у нас до второй смены остается в обрез, и сказала, чтобы я по вечерам приходил к ней на квартиру. Жила она рядом со школой, в учительских домах. На другой, большей половине дома Лидии Михайловны жил сам директор.

Я шёл туда как на пытку. И без того от природы робкий и стеснительный, теряющийся от любого пустяка, в этой чистенькой, аккуратной квартире учительницы я в первое время буквально каменел и боялся дышать. Мне надо было говорить, чтобы я раздевался, проходил в комнату, садился, — меня приходилось передвигать, словно вещь, и чуть ли не силой добывать из меня слова. Моим успехам во французском это никак не способствовало. Но, странное дело, мы и занимались здесь меньше, чем в школе, где нам будто бы мешала вторая смена. Больше того, Лидия Михайловна, хлопоча что-нибудь по кварти-

ре, расспрашивала меня или рассказывала о себе. Подозреваю, что она нарочно для меня придумала, будто пошла на французский факультет потому лишь, что в школе этот язык ей тоже не давался и она решила доказать себе, что может овладеть им не хуже других.

Забившись в угол, я слушал, не чая дожждаться, когда меня отпустят домой. В комнате было много книг, на тумбочке у окна стоял большой красивый радиоприёмник с проигрывателем — редкое по тем временам, а для меня и вовсе невиданное чудо. Лидия Михайловна ставила пластинки, и ловкий мужской голос опять-таки учил французскому языку. Так или иначе, от него никуда было не деться. Лидия Михайловна в простом домашнем платье, в мягких войлочных туфлях ходила по комнате, заставляя меня вздрагивать и замирать, когда она приближалась ко мне. Я никак не мог поверить, что сижу у неё в доме, всё здесь было для меня слишком неожиданным и необыкновенным, даже воздух, пропитанный лёгкими и незнакомыми запахами, иной, чем я знал, жизни. Невольно создавалось ощущение, словно я подглядываю эту жизнь со стороны, и от стыда и неловкости за себя я ещё глубже запахивался в свой кургузый пиджачишко...

Лидии Михайловне тогда было, наверное, лет двадцать пять или около того; я хорошо помню её правильное и потому не слишком живое лицо с прищуренными, чтобы скрыть в них косинку, глазами; тугую, редко раскрывающуюся до конца улыбку и совсем чёрные, коротко стриженные волосы. Но при всём этом не было видно в её лице жёсткости, которая, как я позже заметил, становится с годами чуть ли не профессиональным признаком учителей, даже самых добрых и

мягких по натуре, а было какое-то осторожное, с хитринкой, недоумение, относящееся к ней самой и словно говорившее: интересно, как я здесь очутилась и что я здесь делаю? <...>

Стыдно сейчас вспомнить, как я пугался и терялся, когда Лидия Михайловна, закончив наш урок, звала меня ужинать. Будь я тысячу раз голоден, из меня пулей тут же выскакивал всякий аппетит. Садиться за один стол с Лидией Михайловной! Нет, нет! Лучше я к завтрашнему дню наизусть выучу весь французский язык, чтобы никогда больше сюда не приходить. Кусок хлеба, наверное, и вправду застрял бы у меня в горле. Кажется, до того я не подозревал, что и Лидия Михайловна тоже, как все мы, питается самой обыкновенной едой, а не какой-нибудь манной небесной, — насколько она представлялась мне человеком необыкновенным, не похожим на всех **ОСТАЛЬНЫХ**.

Я вскакивал и, бормоча, что сыт, что не хочу, пятился вдоль стенки, к выходу. Лидия Михайловна смотрела на меня с удивлением и обидой, но остановить меня никакими силами было невозможно. Я убегал. Так повторялось несколько раз, затем Лидия Михайловна, отчаявшись, перестала приглашать меня за стол. Я вздохнул свободней.

Однажды мне сказали, что внизу, в раздевалке, для меня лежит посылка, которую занёс в школу какой-то мужик. Дядя Ваня, конечно, наш шофёр, — какой ещё мужик! Наверное, дом у нас был закрыт, а ждать меня с уроков дядя Ваня не мог — вот и оставил в раздевалке. Я с трудом дотерпел до конца занятий и кинулся вниз. Тётя Вера, школьная уборщица, показала мне на стоящий в углу белый фанерный ящичек, в каких снаряжают посылки по почте. Я удивил-

ся: почему в ящичке? — мать обычно отправляла еду в обыкновенном мешке. Может быть, это и не мне вовсе? Нет, на крышке были выведены мой класс и моя фамилия. Видно, надписал уже здесь дядя Ваня — чтобы не перепутали для кого. Что это мать выдумала заколачивать продукты в ящик?! Глядите, какой интеллигентной стала!

Нести посылку домой, не узнав, что в ней, я не мог: не то терпение. Ясно, что там не картошка. Для хлеба тара тоже, пожалуй, маловата, да и неудобна. К тому же хлеб мне отправляли недавно, он у меня ещё был. Тогда что там? Тут же, в школе, я забрался под лестницу, где, помнил, лежит топор, и, отыскав его, оторвал крышку. Под лестницей было темно, я вылез обратно и, воровато озираясь, поставил ящик на ближний **подоконник**.

Заглянув в посылку, я обомлел: сверху, прикрытые аккуратно большим белым листом бумаги, лежали макароны. Вот это да! Длинные жёлтые трубочки, уложенные одна к другой ровными рядами, вспыхнули на свету таким богатством, дороже которого для меня ничего не существовало. Теперь понятно, почему мать собрала ящик: чтобы макароны не поломались, не крошились, прибыли ко мне в целости и сохранности. Я осторожно вынул одну трубочку, глянул, дунул в неё и, не в состоянии больше сдерживаться, стал жадно хрумкать. Потом таким же образом взялся за вторую, за третью, размышляя, куда бы мне спрятать ящик, чтобы макароны не достались чересчур прожорливым мышам в кладовке моей хозяйки. Не для того мать их покупала, тратила последние деньги. Нет, макаронами я так просто не попущусь. Это вам не какая-нибудь картошка.

И вдруг я поперхнулся. Макароны... Действительно, где мать взяла макароны? Сроду их у нас в деревне не было, ни за какие шиши их там купить нельзя. Это что же тогда получается? Торопливо, в отчаянии и надежде, я разгреб макароны и нашёл на дне ящичка несколько больших кусков сахара и две плитки гематогена. Гематоген подтвердил: посылку отправляла не мать. Кто же в таком случае, кто? Я ещё раз взглянул на крышку: мой класс, моя фамилия — мне. Интересно, очень интересно.

Я втиснул гвозди крышки на место и, оставив ящик на подоконнике, поднялся на второй этаж и постучал в учительскую. Лидия Михайловна уже ушла. Ничего, найдём, знаем, где живёт, бывали. Значит, вот как: не хочешь садиться за стол — получай продукты на дом. Значит, так. Не выйдет. Больше никому. Это не мать: она бы и записку не забыла вложить, рассказала бы, откуда, с каких приисков взялось такое богатство.

Когда я бочком влез с посылкой в дверь, Лидия Михайловна приняла вид, что ничего не понимает. Она смотрела на ящик, который я поставил перед ней на пол, и удивлённо спрашивала:

— Что это? Что такое ты принёс? Зачем?

— Это вы сделали, — сказал я дрожащим, срывающимся голосом.

— Что я сделала? О чём ты?

— Вы отправили в школу эту посылку. Я знаю, вы.

Я заметил, что Лидия Михайловна покраснела и смутилась. Это был тот единственный, очевидно, случай, когда я не боялся смотреть ей прямо в глаза. Мне было наплевать, учительница она или моя троюродная тётка. Тут спрашивал я,

а не она, и спрашивал не на французском, а на русском языке, без всяких артиклей. Пусть отвечает.

— Почему ты решил, что это я?

— Потому что у нас там не бывает никаких макарон. И гематогену не бывает.

— Как! Совсем не бывает?! — она изумилась так искренне, что выдала себя с головой.

— Совсем не бывает. Знать надо было.

Лидия Михайловна вдруг засмеялась и попыталась меня обнять, но я отстранился от неё.

— Действительно, надо было знать. Как же это я так?! — Она на минутку задумалась. — Но тут и догадаться трудно было — честное слово! Я же городской человек. Совсем, говоришь, не бывает? Что же у вас тогда бывает?

— Горох бывает. Редька бывает.

— Горох... редька... А у нас на Кубани яблоки бывают. Ох, сколько сейчас там яблок. Я нынче хотела поехать на Кубань, а приехала почему-то сюда. — Лидия Михайловна вздохнула и покосилась на меня. — Не злись. Я же хотела, как лучше. Кто знал, что можно попасться на макаронах? Ничего, теперь буду умнее. А макароны **ЭТИ ТЫ ВОЗЬМИ...**

— Не возьму, — перебил я её.

— Ну зачем ты так? Я знаю, что ты голодаешь. А я живу одна, денег у меня много. Я могу покупать, что захочу, но ведь мне **ОДНОЙ...** Я и ем-то помаленьку, боюсь потолстеть.

— Я совсем не голодаю.

— Не спорь, пожалуйста, со мной, я знаю. Я говорила с твоей хозяйкой. Что плохого, если ты возьмёшь сейчас эти макароны и сваришь себе сегодня хороший обед? Почему я не могу тебе помочь — единственный раз в жизни? Обещаю больше никаких посылок не подсовывать. Но

эту, пожалуйста, возьми. Тебе надо обязательно есть досыта, чтобы учиться. Сколько у нас в школе сытых лоботрясов, которые ни в чём ничего не соображают и никогда, наверное, не будут соображать, а ты способный мальчишка, школу тебе бросать нельзя.

Её голос начинал на меня действовать усыпляюще; я боялся, что она меня уговорит, и, сердясь на себя за то, что понимаю правоту Лидии Михайловны, и за то, что собираюсь её всё-таки не понять, я, мотая головой и бормоча что-то, выскочил за дверь.

Уроки наши на этом не прекратились, я продолжал ходить к Лидии Михайловне. Но теперь она взялась за меня по-настоящему. Она, видимо, решила: ну что ж, французский так французский. Правда, толк от этого выходил, постепенно я стал довольно сносно выговаривать французские слова, они уже не обрывались у моих ног тяжёлыми булыжниками, а, позванивая, пытались куда-то лететь.

— Хорошо, — подбадривала меня Лидия Михайловна. — В этой четверти пятёрка ещё не получится, а в следующей — обязательно.

О посылке мы не вспоминали, но я на всякий случай держался настороже. Мало ли что Лидия Михайловна возьмётся ещё придумать? Я по себе знал: когда что-то не выходит, всё сделаешь для того, чтобы вышло, так просто не отступишься. Мне казалось, что Лидия Михайловна всё время ожидающе присматривается ко мне, а присматриваясь, посмеивается над моей диковатостью, — я злился, но злость эта, как ни странно, помогала мне держаться уверенней. Я уже был не тот безответный и беспомощный

мальчишка, который боялся ступить здесь шагу, помаленьку я привыкал к Лидии Михайловне и к её квартире. Всё ещё, конечно, стеснялся, забивался в угол, пряча свои чирки под стул, но прежние скованность и угнетённость отступали, теперь я сам осмеливался задавать Лидии Михайловне вопросы и даже вступать с ней в споры.

Она сделала ещё попытку посадить меня за стол — напрасно. Тут я был непреклонен, упрямства во мне хватало на десятерых.

Наверное, уже можно было прекратить эти занятия на дому, самое главное я усвоил, язык мой обмяк и зашевелился, остальное со временем добавилось бы на школьных уроках. Впереди годы да годы. Что я потом стану делать, если от начала до конца выучу всё одним разом? Но я не решался сказать об этом Лидии Михайловне, а она, видимо, вовсе не считала нашу программу выполненной, и я продолжал тянуть свою французскую лямку. Впрочем, лямку ли? Как-то невольно и незаметно, сам того не ожидая, я почувствовал вкус к языку и в свободные минуты без всякого понукания лез в словарь, заглядывал в дальние в учебнике тексты. Наказание превращалось в удовольствие. Меня ещё подстёгивало самолюбие: не получалось — получится, и получится — не хуже, чем у самых лучших. Из другого я теста, что ли? Если бы ещё не надо было ходить к Лидии Михайловне... Я бы сам, сам...

Однажды, недели через две после истории с посылкой, Лидия Михайловна, улыбаясь, спросила:

— Ну, а на деньги ты больше не играешь? Или где-нибудь собираетесь в сторонку да поигрываете?

— Как же сейчас играть?! — удивился я, показывая взглядом за окно, где лежал снег.

— А что это была за игра? В чём она заключается?

— Зачем вам? — насторожился я.

— Интересно. Мы в детстве когда-то тоже играли. Вот и хочу знать, та это игра или нет. Расскажи, расскажи, не бойся.

— Чего мне бояться?!

Я рассказал, умолчав, конечно, про Вадика, про Птаху и о своих маленьких хитростях, которыми я пользовался в игре.

— Нет, — Лидия Михайловна покачала головой. — Мы играли в «пристеноч». Знаешь, что это такое?

— Нет.

— Вот смотри. — Она легко выскочила из-за стола, за которым сидела, отыскала в сумочке монетки и отодвинула от стены стул. — Иди сюда, смотри. Я бью монетой о стену. — Лидия Михайловна легонько ударила, и монета, зазвенев, дугой отлетела на пол. — Теперь, — Лидия Михайловна сунула мне вторую монетку в руку, — бьёшь ты. Но имей в виду: бить надо так, чтобы твоя монета оказалась как можно ближе к моей. Чтобы их можно было замерить, достать пальцами одной руки. По-другому игра называется: замеряшки. Достанешь — значит, выиграл. Бей.

Я ударил — моя монета, попав на ребро, покатилась в угол.

— О-о, — махнула рукой Лидия Михайловна. — Далекое. Сейчас ты начинаешь. Учти: если моя монета заденет твою, хоть чуточку, краешком, — я выигрываю вдвойне. Понимаешь?

— Чего тут непонятного?

— Сыграем?

«Уроки французского». Художник И.Пчелко

Я не поверил своим ушам:

— Как же я с вами буду играть?

— А что такое?

— Вы учительница!

— Ну и что? Учительница — так другой человек, что ли? Иногда надоедает быть только учительницей, учить и учить без конца. Постоянно одёргивать себя: то нельзя, это нельзя. — Лидия Михайловна больше обычного прищурила глаза и задумчиво, отстранённо смотрела в окно. — Иной раз полезно забыть, что ты учительница, — не то такой сделаешься бякой и букой, что живым людям скучно с тобой станет. Для учителя, может быть, самое важное — не принимать себя всерьёз, понимать, что он может научить совсем немногому. — Она встряхнулась и сразу

повеселела. — А я в детстве была отчаянной девчонкой, родители со мной натерпелись. Мне и теперь ещё часто хочется прыгать, скакать, куда-нибудь мчаться, что-нибудь делать не по программе, не по расписанию, а по желанию. Я тут, бывает, прыгаю, скачу. Человек стареет не тогда, когда он доживает до старости, а когда перестаёт быть ребёнком. Я бы с удовольствием каждый день прыгала, да за стенкой живёт Василий Андреевич. Он очень серьёзный человек. Ни в коем случае нельзя, чтобы он узнал, что мы играем в «замеряшки».

— Но мы не играем ни в какие «замеряшки». Вы только мне показали.

— Мы можем сыграть так просто, как говорят, понарошку. Но ты всё равно не выдавай меня Василию Андреевичу.

Господи, что творится на белом свете! Давно ли я до смерти боялся, что Лидия Михайловна за игру на деньги потащит меня к директору, а теперь она просит, чтобы я не выдавал её. Светопреставление — не иначе. Я озираясь, неизвестно чего пугаясь, и растерянно хлопал глазами.

— Ну что — попробуем? Не понравится — бросим.

— Давайте, — нерешительно согласился я.

— Начинай.

Мы взялись за монеты. Видно было, что Лидия Михайловна когда-то действительно играла, а я только-только примеривался к игре, я ещё не выяснил для себя, как бить монетой о стену — ребром ли, или плашмя, на какой высоте и с какой силой когда лучше бросать. Мои удары шли вслепую; если бы мы вели счёт, я бы на первых же минутах проиграл довольно много, хотя ничего хитрого в этих «замеряшках» не было. Больше

всего меня, разумеется, стесняло и угнетало, не давало мне освоиться то, что я играю с Лидией Михайловной. Ни в одном сне не могло такое присниться, ни в одной дурной мысли подуматься. Я опомнился не сразу и не легко, а когда опомнился и стал понемножку присматриваться к игре, Лидия Михайловна взяла и остановила ее.

— Нет, так неинтересно, — сказала она, выпрямляясь и убирая съехавшие на глаза волосы. — Играть — так по-настоящему, а то что мы с тобой как трёхлетние малыши.

— Но тогда это будет игра на деньги, — несмело напомнил я.

— Конечно. А что мы с тобой в руках держим? Игру на деньги ничем другим подменить нельзя. Этим она хороша и плоха одновременно. Мы можем договориться о совсем маленькой ставке, а всё равно появится интерес.

Я молчал, не зная, что делать и как быть.

— Неужели боишься? — подзадоривала меня Лидия Михайловна.

— Вот ещё! Ничего я не боюсь.

У меня была с собой кой-какая мелочишка. Я отдал монету Лидии Михайловне и достал из кармана свою. Что ж, давайте играть по-настоящему, Лидия Михайловна, если хотите. Мне-то что — не я первый начал. Вадик попервости на меня тоже ноль внимания, а потом опомнился, полез с кулаками. Научился там, научусь и здесь. Это не французский язык, а я и французский скоро к зубам приберу.

Мне пришлось принять одно условие: поскольку рука у Лидии Михайловны больше и пальцы длиннее, она станет замерять большим и средним пальцами, а я, как и положено, большим и мизинцем. Это было справедливо, и я согласился.

Игра началась заново. Мы перебрались из комнаты в прихожую, где было свободнее, и били о ровную дощатую заборку. Били, опускались на колени, ползали по полу, задевая друг друга, растягивали пальцы, замеряя монеты, затем опять поднимались на ноги, и Лидия Михайловна объявляла счёт. Играла она шумно: вскрикивала, хлопала в ладоши, поддразнивала меня — одним словом, вела себя как обыкновенная девочка, а не учительница, мне даже хотелось порой на неё прикрикнуть. Но выигрывала тем не менее она, а я проигрывал. Я не успел опомниться, как на меня набежало восемьдесят копеек, с большим трудом мне удалось скостить этот долг до тридцати, но Лидия Михайловна издала пошла своей монетой на мою, и счёт сразу подскочил до **пятидесяти**. Я начал волноваться. Мы договорились расплачиваться по окончании игры, но, если дело и дальше так пойдёт, моих денег уже очень скоро не хватит, их у меня чуть больше рубля. Значит, за рубль переваливать нельзя — не то позор и стыд на всю жизнь.

И тут я неожиданно заметил, что Лидия Михайловна и не старается вовсе у меня выигрывать. При замерах её пальцы горбились, не выстилаясь во всю длину, — там, где она якобы не могла дотянуться до монеты, я дотянулся без всякой натуги. Это меня обидело, и я поднялся.

— Нет, — заявил я, — так я не играю. Зачем вы мне подыгрываете? Это нечестно.

— Но я действительно не могу их достать, — стала отказываться она. — У меня пальцы какие-то деревянные.

— Можете.

— Хорошо, хорошо, я буду стараться.

Не знаю, как в математике, а в жизни самое лучшее доказательство — от противного. Когда

на следующий день я увидел, что Лидия Михайловна, чтобы коснуться монеты, исподтишка подталкивает её к пальцу, я обомлел. Взглядывая на меня и почему-то не замечая, что я прекрасно вижу её чистой воды мошенничество, она как ни в чём не бывало продолжала двигать монету.

— Что вы делаете? — возмутился я.

— Я? А что я делаю?

— Зачем вы её подвинули?

— Да нет же, она тут и лежала, — самым бесовестным образом, с какой-то даже радостью отпёрлась Лидия Михайловна, ничуть не хуже Вадика или Птахи.

Вот это да! Учительница называется! Я своими собственными глазами на расстоянии двадцати сантиметров видел, что она трогала монету, а она уверяет меня, что не трогала, да ещё и смеётся надо мной. За слепого, что ли, она меня принимает? За маленького? Французский язык преподаёт, называется. Я тут же напрочь забыл, что всего вчера Лидия Михайловна пыталась подыграть мне, и следил только за тем, чтобы она меня не обманула. Ну и ну! Лидия Михайловна, называется.

В этот день мы занимались французским минут пятнадцать — двадцать, а затем и того меньше. У нас появился другой интерес. Лидия Михайловна заставляла меня прочесть отрывок, делала замечания, по замечаниям выслушивала ещё раз, и мы, не мешкая, переходили к игре. После двух небольших проигрышей я стал выигрывать. Я быстро приловчился к «заме-ряшкам», разобрался во всех секретах, знал, как и куда бить, что делать в роли разыгрывающего, чтобы не подставить свою монету под замер.

И опять у меня появились деньги. Опять я бегал на базар и покупал молоко — теперь уже в мороженных кружках. Я осторожно срезал с кружка наплыв сливок, совал рассыпающиеся ледяные ломтики в рот и, ощущая во всём теле их сытую сладость, закрывал от удовольствия глаза. Затем переворачивал кружок вверх дном и долбил ножом сладковатый молочный отстой. Остаткам позволял растаять и выпивал их, заедая куском чёрного хлеба. Ничего, жить можно было, а в скором будущем, как залечим раны войны, для всех обещали счастливое время.

Конечно, принимая деньги от Лидии Михайловны, я чувствовал себя неловко, но всякий раз успокаивался тем, что это честный выигрыш. Я никогда не напрашивался на игру, Лидия Михайловна предлагала её сама. Отказаться я не смел. Мне казалось, что игра доставляет ей удовольствие, она веселела, смеялась, тормошила меня.

Знать бы нам, чем это всё кончится...

...Стоя друг против друга на коленях, мы заспорили о счёте. Перед тем тоже, кажется, о чём-то спорили.

— Пойми ты, голова садовая, — наползая на меня и размахивая руками, доказывала Лидия Михайловна, — зачем мне тебя обманывать? Я веду счёт, а не ты, я лучше знаю. Я трижды подряд проиграла, а перед тем была «чика».

— «Чика» нечитово.

— Почему это нечитово?

— У вас тоже была «чика».

Мы кричали, перебивая друг друга, когда до нас донёсся удивлённый, если не сказать, поражённый, но твёрдый, звенящий голос:

— Лидия Михайловна!

Мы замерли. В дверях стоял Василий Андреевич.

— Лидия Михайловна, что с вами? Что здесь происходит?

Лидия Михайловна медленно, очень медленно, поднялась с колен, покрасневшая и взлохмаченная, и, пригладив волосы, сказала:

— Я, Василий Андреевич, надеялась, что вы постучите, прежде чем входить сюда.

— **Я стучал.** Мне никто не ответил. Что здесь происходит? Объясните, пожалуйста. Я имею право знать как **директор...**

— Играем в **«пристенок»**, — спокойно ответила Лидия Михайловна.

— Вы играете на деньги с **этим?**.. — Василий Андреевич ткнул в меня пальцем, и я со страху пополз за перегородку, чтобы укрыться в комнате. — Играете с учеником? Я правильно вас понял?

— Правильно.

— Ну, знаете... — директор задыхался, ему не хватало воздуха. — Я теряюсь сразу назвать ваш поступок. Это преступление. Растление. Сокращение. И ещё, ещё... Я двадцать лет работаю в школе, видывал всякое, но такое...

И он воздел над головой руки.

Через три дня Лидия Михайловна уехала. Накануне она встретила меня после школы и проводила до дому.

— Поеду к себе на Кубань, — сказала она, прощаясь. — А ты учись спокойно, никто тебя за этот дурацкий случай не тронет. Тут виновата я. Учись, — она потрепала меня по голове и ушла.

И больше я её никогда не видел.

Среди зимы, уже после январских каникул, мне пришла на школу по почте посылка. Когда я открыл её, достав опять топор из-под лестницы, — аккуратными, плотными рядами в ней лежали трубочки макарон. А внизу в толстой ватной обёртке я нашёл три красных яблока.

Раньше я видел яблоки только на картинках, но догадался, что это они.

Вопросы и задания

1. Осуждает или оправдывает автор своего героя?
 2. Чем интересен для вас этот рассказ?
 3. Когда и как началась у героя самостоятельная жизнь? Какие испытания ожидали его? Что означает признание мальчика: «Но самое страшное начиналось, когда я приходил из школы»?
 4. Почему герой рассказа стал играть в «чику»? Как относятся к этой игре Вадик и рассказчик?
 5. Прочитайте приведённые ниже пейзажные зарисовки:
 - а) «Осень стояла тёплая и сухая. Ещё и в октябре пригревало так, что можно было ходить в рубашке, дожди выпадали редко и казались случайными, ненароком занесёнными откуда-то из непогоды слабым попутным ветерком. Небо синело совсем по-летнему, но стало словно бы уже, и солнце заходило рано...»;
 - б) «Минут пять я стоял и, всхлипывая, смотрел на полянку, где снова началась игра, затем спустился по другой стороне холма к ложбинке, затянутой вокруг чёрной крапивой, упал на жёсткую сухую траву и, не сдерживаясь больше, горько, навзрыд заплакал».
- Вспомните, какие события в жизни героя произошли в это время. Чем и почему отличаются эти картины природы друг от друга? Как они связаны с настроением и состоянием рассказчика?
6. Найдите слова, передающие состояние мальчика в тот момент, когда Вадик и Птаха избили его. Почему они это сделали?

7. Прочитайте разговор Лидии Михайловны и героя рассказа после уроков. Обратите внимание на их портреты. Почему эти описания автор поставил рядом? Как называется этот приём?
8. «И почему меня одного? В школе сколько угодно было ребят, которые говорили по-французски ничуть не лучше, чем я, однако они гуляли на свободе, делали что хотели, а я, как проклятый, отдувался один за всех».

Как вы думаете, почему именно рассказчика выбрала Лидия Михайловна для отдельных занятий? Случайно ли это? Постарайтесь вспомнить, как сама учительница объясняет это своему ученику.

9. Почему Лидия Михайловна решилась на игру в «заме-ряшки» со своим учеником? Как вы расцениваете этот поступок? Что выдавало её во время игры? Почему так пристально следил за игрой рассказчик? Чего он боялся? Как это его характеризовало?

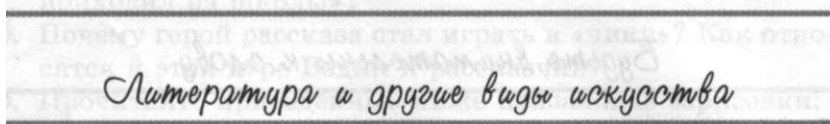
Будьте внимательны к слову

1. Обратите внимание на портреты героев рассказа:
 - а) «Все они были примерно тех же лет, что и я, кроме одного — рослого и крепкого, заметного своей силой и властью, парня с длинной рыжей чёлкой»;
 - б) «Перед ней крутился на парте тощий диковатый мальчишка с разбитым лицом, неопрятный без матери и одинокий, в старом, застиранном пиджачишке на обвислых плечах, который впору был на груди, но из которого далеко вылезали руки; в перешитых из отцовских галифе и заправленных в чирки марких светло-зелёных штанах со следами вчерашней драки».
- Какую роль играют эпитеты в создании каждого конкретного портрета?
2. Подготовьте одну из сцен в рассказе для выразительного чтения (или исполнения в лицах). Подумайте, какие интонации требуются для чтения реплик каждого из героев.
3. Объясните значение приведенных ниже слов и выражений: «притайка», «не зариться», «ненароком», «так

просто не попустишь», «плашмя», «французский скоро к зубам прибору», «несчитово». Подберите к ним синонимы.

Сделаем выводы

1. Когда герой рассказа понял истинный смысл игры, которую придумала учительница?
2. Расскажите о герое по следующему примерному плану:
 - а) Почему мальчик оказался в райцентре?
 - б) Как он чувствовал себя на новом месте?
 - в) Почему он не убежал в деревню?
 - г) Какие отношения сложились у него с товарищами?
 - д) Почему он ввязался в игру на деньги?
 - е) Как характеризуют его отношения с учительницей?
3. Попробуйте самостоятельно составить цитатный план к рассказу о герое. Напишите сочинение «Портрет героя».
4. Почему рассказ называется «Уроки французского»? В чём смысл этого произведения?

7. Обратите внимание на иллюстрации к рассказу «Уроки французского». Какие эпизоды выбрал художник? Озаглавьте ИХ.
2. Рассказ «Уроки французского» иллюстрировали разные художники: В. Гильдяев, Ю. Тризны, А. Шпирко и др. Если вы найдёте различные издания книги В. Распутина, то сможете рассмотреть, каким каждый из художников изобразил главного героя. Кто, по-вашему, точнее и глубже раскрывает его характер?
3. По рассказу В. Распутина «Уроки французского» поставлен телевизионный фильм. Какие сцены вам показались особенно удачными? Какое впечатление произвёл главный герой? Таким ли вы его себе представляете?
4. Вспомните рассказ В. П. Астафьева «Конь с розовой гривой». Что общего между этими двумя произведениями?

СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ

В. Г. Распутин. «Уроки французского»

1. Помогло ли вам чтение актёра более зримо представить себе героев рассказа?
 2. Какие черты характера Лидии Михайловны и директора стали для вас понятнее после прослушивания фонозаписи? Почему?
 3. Подготовьте пересказ событий, описанных в рассказе от лица Лидии Михайловны, передав её переживания, сомнения, объяснения поступков, которыми она пыталась помочь ученику.
-

Писатели улыбаются

Василий Макарович Шукшин прожил недолгую жизнь. Значительная её часть ушла на скитания и «университеты жизни». Творческая жизнь Шукшина как прозаика, драматурга, актёра и режиссёра составила всего 20 лет.

Будущий знаменитый писатель родился в селе Сро-ски Бийского района Алтайского края в крестьянской семье. Его отец был арестован, когда мальчику было 4 года, и **реабилитирован**¹ посмертно в 1956 году. Воспитывали Шукшина мать, женщина почти неграмотная, но от природы добрая и смышлёная, с сильной натурой, чуткая к слову, к музыке, к песне, и отчим, погибший на фронте. От матери передались Шукшину разнообразные дарования.

Детство у Шукшина было трудное: в колхозе и дома он исполнял всю крестьянскую работу. С детства страстился к чтению. Есть сведения, что он некоторое время учился в Бийском автомобильном техникуме, затем, по его словам, «работал в Калуге на строительстве

¹ *Реабилитирован* — в данном случае — признан несправедливо осуждённым.

турбинного завода, во Владимире на тракторном заводе, на стройках Подмосковья». Он перепробовал множество профессий: был и разнорабочим, и слесарем-такелажником, и учеником маляра, и грузчиком. В конце 1940-х годов Шукшин был призван в армию и служил на флоте. После досрочной демобилизации из-за болезни он возвратился в родные Сростки и был директором вечерней школы, одновременно преподавая русский язык и литературу. В это время он решил получить высшее образование. Но для этого надо было завершить среднее. Шукшин экстерном сдал экзамены и, имея на руках аттестат зрелости, в 1954 году поступил на режиссёрский факультет ВГИКа (Всесоюзного государственного института кинематографии). Он попал в мастерскую замечательного режиссёра М. Ромма, который оказал на Шукшина большое влияние и как художник, и как человек. Вкусу, уму и интуиции М. Ромма Шукшин доверил свои первые рассказы и рецензии, которые начал сочинять в институте. Впоследствии Шукшин писал, что на первых порах ему было очень трудно учиться в институте. Его однокурсники знали больше, чем он, и знали то, что не знать было нельзя. Шукшин учился, по его признанию, отрывисто, с пропусками. К началу 1960-х годов, когда Шукшин закончил институт, он решил в полный голос заявить о себе прозаическими сочинениями. И хотя писатель в ту пору уже напечатал один рассказ и снимался в кинофильмах «Два Фёдора», «Алёнка», своим писательским дебютом он считал появление рассказов «Правда», «Светлая душа», «Стёпкина любовь», «Экзамен» и сборника «Сельские жители».

Первая книга Шукшина была неровной, но критика встретила её доброжелательно. Особенностью шукшинской прозы критика считала «философскую» раздумчивость персонажей, которые размышляют о самых простых и вместе с тем самых сложных вопросах жизни. Мужики у Шукшина думают о том, что такое жизнь,

для чего она дана и как надо жить. О высоком они рассуждают просто, не касаясь своего долга или нравственных вопросов, которые живут в их душах, но требуют открытого о них разговора.

Как сказал о его творчестве писатель С. Залыгин, «у Шукшина не было и тени умиления или заискивания ни перед своими героями, ни перед самим собой. Больше того, он был очень суров в отношении и к ним, и к себе той суровостью, которая неизбежна, если писатель знает и понимает людей и не делает особого исключения для себя, если он хочет, страстно желает, чтобы не только им было лучше, но чтобы и они сами тоже были лучше.

А его герои никогда не обижались на него за это. Иначе говоря, они всегда оставались достоверными, убедительными и, выполняя роль героев и действующих лиц, оставались самими собой, живыми людьми.

Как сказал Василий Шукшин в последней строке последнего, написанного им произведения, и он, и они всегда ставили перед собой вопрос: **„Что с нами происходит?“»**

«Странные люди» — герои Шукшина

Героями Шукшина оказываются так называемые «чудики», «странные люди». Их особенность состояла в том, что они выпадали из обычной жизни. Всем своим видом и душой они противостояли казённости, пошлости и этим выражали свой протест против ограничения свобод, прав, против застоя и оглупления. Их поведение было вызывающим, ярким, необычным и дерзким. Но, по сравнению с «чудаками» Лескова, «чудики» Шукшина часто непосредственно-комичны, их «стихийный выверт» бывает нелеп и смешон. Например, один из героев захотел разрисовать цветочками коляску, другой додумался дать жене смешную телеграмму, третий непонятно зачем купил на всю зарплату микроскоп. Будучи странными

людьми, персонажи Шукшина становятся в чём-то похожими на сумасшедших, сосредоточенных на одной мысли, но без видимых и опасных отклонений в психике. Мона Квасов стремится во что бы то ни стало создать вечный двигатель, Роман Звягин несказанно удивлён тем, что отрицательного гоголевского героя Чичикова уносит птица-тройка. Нельзя сказать, что герои Шукшина — исключительно положительные персонажи. Странности их проявлялись по-разному — то в нравственно-положительном, то в отрицательном качестве. Они могли быть и созидателями, могли быть и разрушителями. В них было много и от «слепого своеволия», и от «лукавого деревенского придуривания». Но главное у них — чувство собственного достоинства. Поэтому герои Шукшина часто живут в своём мире, полном противоречий, который рождался из-за несоответствия реальности и мечты. Не удовлетворяясь действительной жизнью, они жили в придуманной, в той, которую рисовало их воображение. Именно эта выдуманная жизнь была для них настоящей. Но, покидая эту искусственную, вымышленную жизнь и оказываясь в реальной, они не могли найти в ней места и потому не могли найти и выхода из противоречий своей судьбы. Шукшинский герой метался между двумя правдами — жизнью обыкновенной и жизнью в его представлении мечтательной, поэтической, необыкновенной.

В. М. Шукшин и его фильмы

В 1964—1974 годах Шукшин создал 4 кинофильма («Печки-лавочки», «Ваш сын и брат», «Странные люди», «Калина красная»). Незадолго до смерти писатель сочинил сценарий «Калина красная», потом выпустил известный фильм с тем же названием. Он принёс Шукшину заслуженный успех и всенародное признание и как сценаристу, и как постановщику, и как актёру. Особенная удача выпала на долю главного героя — Егора Прокудина. Шукшину удалось создать масштабный,

противоречивый, многогранный и подлинно народный образ оступившегося человека, понявшего, что нужно сделать попытку исправить свою судьбу, начать её заново, с чистого листа. Однако повернуть жизнь иначе герою не удаётся. Финал фильма намекает на то, что Егору оказалось под силу внутренне измениться, что его воровское прошлое не прощает измены человеческому предназначению, крестьянской нравственности, исконным моральным ценностям. Оно возвращается к внутренне простившемуся с воровством герою извне — со стороны того преступного мира, с которым он когда-то связал свою судьбу.

Вопросы и задания

7. Что вы знали раньше о рассказах В. М. Шукшина? Читали ли их? Видели ли вы фильм «Калина красная»? Расскажите о нём.
2. Прочитайте рассказ писателя «Срезал». Подумайте, почему в нём смешное, юмористическое соединяется с грустным, печальным.

СРЕЗАЛ

К старухе Агафье Журавлёвой приехал проводить, отдохнуть сын Константин Иванович с женой и дочерью.

Деревня Новая небольшая, и, когда Константин Иванович подкатил на такси, сразу вся деревня узнала: к Агафье приехал сын с семьёй, средний, Костя, учёный.

К вечеру стали известны подробности: он сам кандидат наук¹, жена тоже кандидат, дочь школьница, Агафье привезли электрический самовар, цветастый халат и деревянные ложки.

¹ *Кандидат наук* — учёная степень.

Вечером у Глеба Капустина на крыльце собрались мужики. Ждали хозяина.

Про Глеба Капустина надо рассказать, чтобы понять, почему у него на крыльце собрались мужики и чего они ждали.

Глеб Капустин, толстогубый белобрысый мужик лет сорока, деревенский **краснобай**¹, начитанный и ехидный. Как-то так получилось, что из деревни Новой, хоть она небольшая, много вышло знатных людей: один полковник, два лёгчика, врач, **корреспондент**... И вот теперь Журавлёв кандидат. И как-то так повелось, что когда знатные приезжали в деревню на побывку, когда к знатному земляку в избу набивался вечером народ — слушали какие-нибудь дивные истории или сами рассказывали про себя, если земляк интересовался, — тогда-то Глеб Капустин приходил и срезал гостя. Многие этим были недовольны, но некоторые мужики ждали, когда Глеб Капустин придёт и срежет знатного. Даже не то что ждали, а шли раньше к Глебу, а потом уж вместе к гостю. Прямо как на спектакль ходили. В прошлом году Глеб срезал полковника. Заговорили о войне 1812 года... Выяснилось, что полковник не знает, кто велел поджечь Москву. Точнее, он сказал, что какой-то граф, но фамилии перепутал, назвал Распутин. Глеб коршуном взмыл над **полковником**... И срезал. Пока бегали к учительнице домой — узнавать фамилию графа, — Глеб сидел красный в ожидании решающей минуты и только повторял: «Спокойствие, спокойствие, товарищ полковник, мы же не в **Филях**², верно?» Глеб остался победителем; пол-

¹ *Краснобай* — человек, который много и цветисто говорит.

² Имеется в виду военный совет в Филях перед Бородинским сражением.

ковник очень расстроился, бил себя кулаком по голове и недоумевал.

Долго потом говорили в деревне про Глеба, вспоминали, как он повторял: «Спокойствие, спокойствие, товарищ полковник, мы же не в **Филях**». Старики интересовались — почему он так говорил: «Мы же не в **Филях**».

Глеб посмеивался и как-то мстительно шурил глаза. Все матери знатных людей в деревне не любили Глеба. Опасались. И вот теперь приехал кандидат **Журавлёв**...

Глеб пришёл с работы (он работал на пилораме¹), умылся, переоделся... Ужинать не стал. Вышел к мужикам на крыльцо.

Закурили... Малость поговорили о том, о сём — нарочно не о Журавлёве. Потом Глеб раза два посмотрел в сторону избы бабки Агафьи Журавлёвой. Спросил:

— Гости к бабке Агафье приехали?

— Кандидаты!

— Кандидаты? — удивлённо протянул Глеб. — **О-о!**.. Голой рукой не возьмёшь.

Мужики посмеялись: мол, кто не возьмёт, а кто может и взять. И посматривали с нетерпением на Глеба.

— Ну, пошли попроведаем кандидатов, — предложил Глеб.

Глеб шёл несколько впереди остальных, руки в карманах, шурился на избу бабки **Агафьи**. Получалось, со стороны, что мужики ведут Глеба. Так ведут опытного кулачного бойца, когда становится известно, что на враждебной улице объявился силач.

— В какой области кандидаты? — дорогой спросил Глеб.

Пилорама — машина для распилки брёвен на доски.

— По какой специальности? А чёрт его знает... Сказывают — кандидаты. И он, и жена...

— Есть кандидаты технических наук, есть общеобразовательные, эти в основном трепологией занимаются.

— Костя вообще-то в математике рубил хорошо, — вспомнил кто-то, кто учился с Костей в школе. — Пятёрошник был.

Глеб был родом из соседней деревни и здешних людей знал мало.

— Посмотрим, посмотрим, — неопределённо пообещал Глеб. — Кандидатов сейчас как нерезанных собак.

— На такси приехал...

— Ну, марку-то надо поддержать! — усмехнулся Глеб. — Пишется Ливерпуль, а читается Манчестер. Мы все учились понемногу!

Константин Иванович встретил гостей радушно, хлопотал насчёт стола... Гости скромно подождали, пока бабка Агафья накрыла стол, поговорили с кандидатом, повспоминали, как в детстве они вместе...

— Эх, детство, детство! — с грустинкой воскликнул кандидат. — Ну, садитесь за стол, друзья, — радушно пригласил он.

Все сели за стол. Глеб пока помалкивал, но — видно было — подбирался к прыжку. Он поддакнул тоже насчёт детства, а сам оценивающе взглядывал на кандидата — примеривался.

За столом разговор пошёл дружнее, стали уж вроде и забывать про Глеба... И тут он пошёл в атаку на кандидата.

— В какой области выявляете себя? — спросил он.

— Где работаю, что ли?

— Да.

— На филфаке¹.

— Философия?

— Не совсем...

— Необходимая вещь. — Глебу нужно было, чтоб была философия. Он оживился. — Ну и как насчёт первичности?

— Какой первичности? — не понял кандидат. И внимательно посмотрел на Глеба.

— Первичности духа и материи². — Глеб бросил перчатку.

Кандидат поднял перчатку.

— Как всегда, — сказал он с улыбкой. — Материя первична...

— А дух?

— А дух вторичен. А что?

— Это входит в минимум³? Вы извините, мы тут... далеко от общественных центров, поговорить хочется, но не особенно-то разбежишься — не с кем. Как сейчас философия определяет понятие невесомости?

— Как всегда определяла. Почему сейчас?

— Но явление-то открыто недавно, поэтому я и спрашиваю. Натурфилософия, допустим, определит так, стратегическая философия — совершенно иначе...

— Да нет такой философии — стратегической! — усмехнулся кандидат.

— Допустим, но есть диалектика природы, — при общем внимании продолжал Глеб. — А природу определяет философия. В качестве одного из элементов природы недавно обнаружена не-

¹ *Филфак* — филологический факультет, на котором изучают язык и литературу.

² Вопрос о том, что первично — дух или материя, является основным вопросом философии.

³ *Минимум* — кандидатский минимум, экзамены, которые сдаёт соискатель учёной степени кандидата наук.

сомость. Поэтому я и спрашиваю: растерянности не наблюдается среди философов?

Кандидат **расхохотался**. Но смеялся он **один...** И почувствовал неловкость. Позвал жену:

— Валя, иди, у нас тут... какой-то странный разговор!

Валя подошла к столу. Константин Иванович чувствовал неловкость, потому что мужики смотрели на него и ждали, как он ответит на вопрос.

— Давайте установим, — серьёзно заговорил кандидат, — о чём мы говорим? Каков предмет нашей беседы?

— Хорошо. Второй вопрос, как вы лично относитесь к проблеме **шаманизма**¹ в отдельных районах Севера?

Кандидаты засмеялись. Глеб терпеливо ждал, когда кандидаты отсмеются.

— Можно, конечно, сделать вид, что такой проблемы нету. Я с удовольствием тоже посмеюсь вместе с **вами...** — Глеб иронично улыбнулся. — Но от этого проблема как таковая не перестанет существовать. Верно?

— Вы серьёзно всё это? — удивлённо спросила Валя.

— С вашего позволения. — Глеб привстал и сдержанно поклонился. — Вопрос, конечно, не **глобальный**², но, с точки зрения нашего брата, было бы интересно **узнать...**

— Да какой вопрос-то?! — нетерпеливо воскликнул кандидат.

¹ **Шаманизм (шаманство)** — форма первобытной религии у некоторых народностей Северной Азии. Основана на представлении о сверхъестественном общении **шамана** (знахаря-колдуна) с духами. При помощи пения, пляски, ударов в бубен шаман просит у духов исцеления от болезней, хорошей охоты, улова и т. д.

² **Глобальный** — всеобщий.

— Твоё отношение к проблеме шаманизма. —
Валя невольно засмеялась. Но спохватилась и
сказала Глебу: — Извините, пожалуйста.

— Ничего, — сказал Глеб. — Я понимаю, что,
может, не по специальности задал вопрос.

— Да нет такой проблемы! — сплеча рубанул
кандидат.

Теперь засмеялся Глеб. И подытожил:

— Ну, на нет и суда нет! Баба с возу — коню
легче, — добавил Глеб. — Проблемы нету, а
эти... — Глеб показал руками что-то замыслова-
тое, — танцуют, звенят бубенчиками... Да? Но
при желании... — Глеб повторил: — При же-ла-
нии — их как бы нету. Потому что если... Хоро-
шо! Еще один вопрос: как вы относитесь к тому,
что Луна тоже дело рук разума? Вот высказано
учёными предложение, что Луна лежит на ис-
кусственной орбите, допускается, что внутри
живут разумные существа...

Кандидат пристально, изучающе смотрел на
Глеба.

— Где ваши расчёты естественных траекто-
рий? Куда вообще вся космическая наука может
быть приложена?

Мужики внимательно слушали Глеба.

— Допуская мысль, что человечество всё чаще
будет посещать нашу, так сказать, соседку по
космосу, можно допустить также, что в один
прекрасный момент разумные существа не вы-
держат и вылезут к нам навстречу. Готовы мы,
чтобы понять друг друга?

— Вы кого спрашиваете?

— Вас, мыслителей...

— А вы готовы?

— Мы не мыслители, у нас зарплата не та. Но
если вам это интересно, могу поделиться, в ка-
ком направлении мы, провинциалы, думаем. До-

пустим, на поверхность Луны вылезло разумное существо... Что прикажете делать? Лаять по-собачьи? Петухом петь?

Мужики засмеялись. Пошевелились. И опять внимательно уставились на Глеба.

— Но нам тем не менее надо понять друг друга. Верно? Как? — Глеб сделал паузу, помолчал вопросительно. — Я предлагаю: начертить на песке схему нашей солнечной системы и показать ему, что я с Земли, мол. Что, несмотря на то что я в скафандре, у меня тоже есть голова и я тоже разумное существо. В подтверждение этого можно показать ему на схеме — откуда он: показать на Луну, потом на него. Логично? Мы, таким образом, выяснили, что мы соседи. Но не больше того! Дальше требуется объяснить, по каким законам я развивался, прежде чем стал такой, какой есть на данном этапе...

— Так, **так...** — Кандидат многозначительно посмотрел на жену.

И зря, потому что его взгляд был перехвачен, Глеб взмыл ввысь... Всякий раз в разговорах со знатными людьми деревни наступал вот такой момент — когда Глеб взмывал кверху. Он, наверно, всегда ждал такого момента, радовался ему.

— Приглашаете жену посмеяться? — спросил Глеб. Спросил внешне спокойно, но внутри у него всё вздрагивало. — Хорошее дело... Только, может быть, мы сперва научимся хотя бы газеты читать? А? Как думаете? Говорят, кандидатам это тоже не мешает.

— **Послушайте!..**

— Да мы уж послушали! Имели, так сказать, удовольствие. Поэтому позвольте вам заметить, товарищ кандидат, что кандидатство — это ведь не костюм, который купил раз и навсегда.

Но даже костюм и то надо иногда чистить. А кандидатство, если уж мы договорились, что это не костюм, тем более надо... поддерживать. — Глеб говорил негромко, назидательно, без передышки — его несло. На кандидата было неловко смотреть: он явно растерялся, смотрел то на жену, то на Глеба, то на мужиков... Мужики старались не смотреть на него. — Нас, конечно, можно тут удивить: подкатить к дому на такси, вытащить из багажника пять чемоданов...

Но вы забываете, что поток информации сейчас распространяется везде равномерно. Я хочу сказать, что здесь можно удивить наоборот. Так тоже бывает. Можно понадеяться, что тут кандидатов в глаза не видели, а их тут видели — и кандидатов, и профессоров, и полковников. И сохранили о них приятные воспоминания, потому что это, как правило, люди очень простые. Так что мой вам совет, товарищ кандидат: почаще спускайтесь на землю. Ей-богу, в этом есть разумное начало. Да и не так рискованно: падать будет не так больно.

— Это называется «покатил бочку», — сказал кандидат. — Ты что, с цепи сорвался? В чём, собственно...

— Не знаю, не знаю, — торопливо перебил его Глеб, — не знаю, как это называется — я в лагере не сидел. В свои лезете? Тут, — оглядел Глеб мужиков, — тоже никто не сидел — не поймут. А вот жена ваша сделала удивлённые глаза на вас... А там дочка услышит. Услышит и «покатит бочку» в Москву на кого-нибудь. Так что этот жаргон **может...** плохо кончиться, товарищ кандидат. Не все средства хороши, уверяю вас, не все. Вы же, когда сдавали кандидатский минимум, вы же не «**катали** бочку» на профессора. Верно? — Глеб встал. — «И одеяло на себя

не тянули». И «по фене не ботали»¹. Потому что профессоров надо уважать — от них судьба зависит, а от нас судьба не зависит, с нами можно «по фене ботать». Так? Напрасно. Мы тут тоже **немножко... «микитим»**. И газеты тоже читаем, и книги, случается, **почитываем...** И телевизор даже смотрим. И, представьте себе, не приходим в бурный восторг ни от КВНа, ни от «Кабачка „Тринадцать стульев“»². Спросите: почему? Потому что там та же самонадеянность. И гонора на пятерых Чаплиных. Скромней надо.

— Типичный демагог-кляузник! — возмущённо сказал кандидат, обращаясь к жене. — Весь набор фраз, все приёмы и ухватки...

— Не попали. За всю свою жизнь ни одной анонимки или кляузы ни на кого не написал. — Глеб посмотрел на мужиков: мужики знали, что это правда — Не то, товарищ кандидат. Хотите, объясню, в чём моя особенность?

— Ну-ну...

— Люблю по носу щёлкнуть — не задирайся выше **ватерлинии**³! Скромней, скромней надо, дорогие товарищи...

— Да в чём же вы увидели нашу нескромность? — не вытерпела Валя. — В чём она выразилась-то?!

— А вот когда одни останетесь, подумайте хорошенько. Подумайте — и поймёте. Можно ведь сто раз повторить слово «мёд», но от этого во рту не станет сладко. Чтобы понять это, не надо кандидатский минимум сдавать. Верно? Можно сотни раз писать в разных статьях слово «народ»,

¹ *По фене ботать* — говорить на воровском жаргоне.

² *Кабачок «Тринадцать стульев»* — популярная в 60-е годы телепередача.

³ *Ватерлиния* — линия, начерченная вдоль борта судна и соответствующая линии его нормальной осадки в воде.

«Срезал».

Художники. Пчелко

но знаний от этого не прибавится. И ближе к этому самому народу вы не станете. Так что когда уж выезжаете в этот самый народ, то будьте немного собранней. Подготовленной, что ли. А то легко можно в дураках очутиться. До свиданья. Приятно провести **отпуск...** среди народа. — Глеб победно усмехнулся и вышел из избы. Он всегда так уходил.

Он не слышал, как потом мужики, расходясь, говорили:

— Оттянул он **его!**.. Дошлий, собака. Откуда он про Луну-то всё знает?

— Срезал.

— Срезал... Откуда что берётся!

И мужики изумлённо качали головами.

— Дошлий, собака. Причесал Константина **Ивановича...** Как миленького причесал! А эта-то, Валя-то, даже рта не открыла.

— А что тут скажешь? Тут ничего не скажешь. Он, Костя-то, мог, конечно, сказать... А тот ему на одно слово — пять.

В голосе мужиков слышалось даже как бы сочувствие. Глеб же их по-прежнему неизменно удивлял. Восхищал даже. Хоть любви, положим, тут не было. Нет, любви не было. Глеб жесток, а жестокость никто, никогда, нигде не любил ещё.

Завтра Глеб Капустин, придя на работу, между прочим, с ухмылкой спросит мужиков:

— Ну, как там кандидат-то?
— Срезал ты его, — скажут Глебу.
— Ничего, — великодушно заметит Глеб. —
Это полезно. Пусть себе подумает на досуге. А то
слишком много берут на себя.

Вопросы и задания

7. Кого вы считаете главным героем рассказа В. Шукшина «Срезал»? Почему рассказ так назван? Каков, на ваш взгляд, характер Глеба Капустина? Подтвердите свой ответ цитатами из текста рассказа.
2. Почему мужики ждали спора Глеба Капустина со «знатными людьми»? Как встретил гостей Константин Иванович? Как шёл разговор? Действительно ли Глеб «срезал» кандидата? На чьей стороне были мужики? Кем восхищались? Кого жалели? Правы ли были они и сам Глеб?
3. Против кого направлен смех В. Шукшина? Почему? Можно ли сказать, что после чтения этого рассказа становится и смешно и грустно? Почему смешно и отчего грустно?
4. Постарайтесь прочитать рассказ по ролям, передавая голосом и интонацией характер и чувства героев рассказа.

Фонохрестоматия

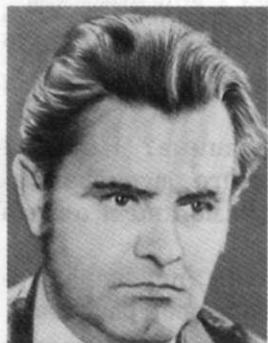

СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ

В. М. Шукшин. «Срезал»

7. Как вы думаете, почему Шукшин дважды говорит, что Журавлёвы встретили Глеба и пришедших с ним мужиков «радушно»?
2. Чьё поведение во время «научного диспута» более естественное? Почему?
3. Как меняется интонация Глеба Капустина по мере продолжения разговора с кандидатами наук? Что звучит в голосе Глеба в конце разговора?

4. Почему мужики не любили Глеба?
5. Как вы думаете, в чём причина жестокости Глеба к «знаменитым» людям? Почему ему так хотелось их «щёлкнуть по носу»?
6. Подготовьте выразительное чтение «научного спора». Постарайтесь при этом передать движение чувств и настроений участников: от осторожного «прощупывания» ситуации до торжествующего злорадного поучения у Глеба; от добродушного удивления до негодования у кандидата наук.

Фазиль Абдулович
Искандер

Родился в 1929 году

Детство писателя прошло в горном селе под Сухуми, в Абхазии. Среднюю школу он закончил с золотой медалью. Поступил в Московский институт культуры, затем перевёлся в Литературный институт. Закончив институт, работал журналистом в газетах Брянска и Курска. В начале своей писательской жизни Искандер писал стихи. Первые его книги — сборники стихотворений «Горные тропы», «Доброта земли», «Зелёный дождь».

Проза Фазилия Искандера начиналась с рассказов о детстве, о мире чувств и переживаний подростка. К рассказам, посвящённым теме взросления школьника, писатель возвращается и после успеха его крупных прозаических произведений, таких, как сатирическая

повесть «Созвездие Козлотура», большой роман «Сандро из Чегема».

Рассказы Искандера о детях и детстве обращены одновременно и к детям, и к взрослым. К детям — потому что они испытывают те же чувства, те же сомнения, те же радости и горести, какие тревожат и волнуют героев рассказов Искандера. Взрослые находят в них свежий, давно забытый взгляд на мир, где нет ни компромиссов¹, ни мучительных сомнений.

ТРИНАДЦАТЫЙ ПОДВИГ ГЕРАКЛА

Все математики, с которыми мне приходилось встречаться в школе и после школы, были людьми неряшливыми, слабохарактерными и довольно гениальными. Так что утверждение насчёт того, что пифагоровы штаны якобы во все стороны равны, вряд ли абсолютно точно.

Возможно, у самого Пифагора так оно и было, но его последователи, наверное, об этом забыли и мало обращали внимания на свою внешность.

И всё-таки был один математик в нашей школе, который отличался от всех других. Его нельзя было назвать ни слабохарактерным, ни тем более неряшливым. Не знаю, был ли он гениален, — сейчас это трудно установить. Я думаю, скорее всего, был.

Звали его Харламий Диогенович. Как и Пифагор, он был по происхождению грек. Появился он в нашем классе с нового учебного года. До этого мы о нём не слышали и даже не знали, что такие математики могут быть.

Он сразу же установил в нашем классе образцовую тишину. Тишина стояла такая жуткая, что иногда директор испуганно распахивал дверь, по-

¹ *Компромисс*— соглашение на основе взаимных уступок.

тому что не мог понять, на месте мы или сбежали на стадион.

Стадион находился рядом со школьным двором и постоянно, особенно во время больших состязаний, мешал педагогическому процессу. Директор даже писал куда-то, чтобы его перенесли в другое место. Он говорил, что стадион нервнрует **школьников**. На самом деле нас нервировал не стадион, а комендант стадиона дядя Вася, который безошибочно нас узнавал, даже если мы были без книжек, и гнал нас оттуда со злостью, не угасающей с годами.

К счастью, нашего директора не послушались и стадион оставили на месте, только деревянный забор заменили каменным. Так что теперь приходилось перелезать и тем, которые раньше смотрели на стадион через щели в деревянной ограде.

Всё же директор наш напрасно боялся, что мы можем сбежать с урока математики. Это было просто немыслимо. Это было всё равно что подойти к директору на перемене и молча скинуть с него шляпу, хотя она всем порядочно надоела. Он всегда, и зимой, и летом, ходил в одной шляпе, вечнозелёной, как магнолия. И всегда чего-нибудь боялся.

Со стороны могло показаться, что он больше всего боялся комиссии из горono, на самом деле он больше всего боялся нашего завуча. Это была демоническая женщина. Когда-нибудь я напишу о ней поэму в байроновском духе, но сейчас я рассказываю о другом.

Конечно, мы никак не могли сбежать с урока математики. Если мы вообще когда-нибудь и сбежали с урока, то это был, как правило, урок **пения**.

Бывало, только входит наш Харламий Диогенович в класс, сразу все затихают, и так до са-

мого конца урока. Правда, иногда он заставлял нас смеяться, но это был не стихийный смех, а веселье, организованное сверху, самим же учителем. Оно не нарушало дисциплины, а служило ей, как в геометрии доказательство от обратного.

Происходило это примерно так. Скажем, иной ученик чуть припоздает на урок, ну, примерно на полсекунды после звонка, а Харламий Диогенович уже входит в дверь. Бедный ученик готов провалиться сквозь пол. Может, и провалился бы, если б прямо под нашим классом не находилась учительская.

Иной учитель на такой пустяк не обратит внимания, другой сгоряча выругает, но только не Харламий Диогенович.

В таких случаях он останавливался в дверях, перекладывал журнал из руки в руку и жестом, исполненным уважения к личности ученика, указывал на проход.

Ученик мнётся, его растерянная физиономия выражает желание как-нибудь понезаметней проскользнуть в дверь после учителя. Зато лицо Харламия Диогеновича выражает радостное гостеприимство, сдержанное приличием и пониманием необычности этой минуты. Он даёт знать, что само появление такого ученика — редчайший праздник для нашего класса и лично для него, Харламия Диогеновича, что его никто не ожидал, и раз уж он пришёл, никто не посмеет его упрекнуть в этом маленьком опоздании, тем более он, скромный учитель, который, конечно же, пройдёт в класс после такого замечательного ученика и сам закроет за ним дверь в знак того, что дорогого гостя не скоро отпустят.

Всё это длится несколько секунд, и в конце концов ученик, неловко протиснувшись в дверь, спотыкающейся походкой идёт на своё место.

Харлампий Диогенович смотрит ему вслед и говорит что-нибудь великолепное, например:

— Принц Уэльский.

Класс хохочет. И хотя мы не знаем, кто такой принц Уэльский, мы понимаем, что в нашем классе он никак не может появиться. Ему просто здесь нечего делать, потому что принцы в основном занимаются охотой за оленями. И если уж ему надоест охотиться за своими оленями и он захочет посетить какую-нибудь школу, то его обязательно поведут в первую школу, что возле электростанции. Потому что она образцовая. В крайнем случае, если б ему вздумалось прийти именно к нам, нас бы давно предупредили и подготовили класс к его приходу.

Потому-то мы и смеялись, понимая, что наш ученик никак не может быть принцем, тем более каким-то Уэльским.

Но вот Харлампий Диогенович садится на место. Класс мгновенно **смолкает**. Начинается **урок**.

Большеголовый, маленького роста, аккуратно одетый, тщательно выбритый, он властно и спокойно держал класс в руках. Кроме журнала, у него был блокнотик, куда он что-то вписывал после опроса. Я не помню, чтобы он на кого-нибудь кричал, или уговаривал заниматься, или грозил вызвать родителей в школу. Все эти штучки были ему ни к чему.

Во время контрольных работ он и не думал бегать между рядами, заглядывать в парты или там бдительно вскидывать голову при всяком шорохе, как это делали другие. Нет. Он спокойно читал себе что-нибудь или перебирал чётки с бусами, жёлтыми, как кошачьи глаза.

Списывать у него было почти бесполезно, потому что он сразу узнавал списанную работу и начинал высмеивать её. Так что списывали мы

только в самом крайнем случае, если уж никакого выхода не было.

Бывало, во время контрольной работы оторвётся от своих чёток или книги и говорит:

— Сахаров, пересядьте, пожалуйста, к Авдеенко.

Сахаров встаёт и смотрит на Харлампия Диогеновича вопросительно. Он не понимает, зачем ему, отличнику, пересаживаться к Авдеенко, который плохо учится.

— Пожалейте Авдеенко, он может сломать шею.

Авдеенко тупо смотрит на Харлампия Диогеновича, как бы не понимая, а может быть, и в самом деле не понимая, почему он может сломать шею.

— Авдеенко думает, что он лебедь, — поясняет Харламбий Диогенович. — Чёрный лебедь, — добавляет он через мгновение, намекая на загорелое угрюмое лицо Авдеенко. — Сахаров, можете продолжать, — говорит Харламбий Диогенович.

Сахаров садится.

— И вы тоже, — обращается он к Авдеенко, но что-то в голосе его заметно сдвинулось. В него влилась точно дозированная порция насмешки. — Если, конечно, не сломаете шею... чёрный лебедь! — твёрдо заключает он, как бы выражая мужественную надежду, что Авдеенко найдёт в себе силы работать самостоятельно.

Шурик Авдеенко сидит, яростно наклонившись над тетрадью, показывая мощные усилия ума и воли, брошенные на решение задачи.

Главное оружие Харлампия Диогеновича — это делать человека смешным. Ученик, отступающий от школьных правил, — не лентяй, не лоботряс, не хулиган, а просто смешной человек. Вернее, не просто смешной, на это, пожалуй, многие

согласились бы, но какой-то обидно смешной. Смешной, не понимающий, что он смешной, или догадывающийся об этом последним.

И когда учитель выставляет тебя смешным, сразу же распадается круговая порука учеников, и весь класс над тобой смеётся. Все смеются против одного. Если над тобой смеётся один человек, то можешь ещё как-нибудь с этим справиться. Но невозможно пересмеять весь класс. И если уж ты оказался смешным, хотелось во что бы то ни стало доказать, что ты хоть и смешной, но не такой уж окончательно смехотворный.

Надо сказать, что Харламий Диогенович не давал никому привилегии. Смешным мог оказаться каждый. Разумеется, я тоже не избежал общей участи.

В тот день я не решил задачу, заданную на дом. Там было что-то про артиллерийский снаряд, который куда-то летит с какой-то скоростью и за какое-то время. Надо было узнать, сколько километров пролетел бы он, если бы летел с другой скоростью и чуть ли не в другом направлении.

Как будто один и тот же снаряд может лететь с разной скоростью! В общем, задача была какая-то запутанная и глупая. У меня решение никак не сходилось с ответом.

Поэтому на следующий день я пришёл в школу за час до занятий. Мы учились во вторую смену. Самые заядлые футболисты были уже на месте. Я спросил у одного из них насчёт задачи, оказалось, что и он её не решил. Совесть моя окончательно успокоилась.

Мы разделились на две команды и играли до самого звонка.

И вот входим в класс. Еле отдышавшись, на всякий случай спрашиваю у отличника Сахарова:

— Ну, как задача?

— Ничего, — говорит он, — решил.

При этом он коротко и значительно кивнул головой в том смысле, что трудности были, **НО МЫ** их одолели.

— Как так решил? Ведь ответ неправильный?

— Правильный, — кивает он мне головой с такой противной уверенностью на умном, добросовестном лице, что я его в ту же минуту возненавидел за благополучие.

Я ещё хотел посомневаться, но он отвернулся, отняв у меня последнее утешение падающих — хвататься руками за воздух.

Оказывается, в это время в дверях появился Харламий Диогенович, но я его не заметил и продолжал жестикулировать, хотя он стоял почти рядом со мной. Наконец я догадался, в чём дело, испуганно захлопнул задачник и замер.

Харламий Диогенович прошёл на место.

Я испугался и ругал себя за то, что сначала согласился с футболистом, что задача неправильная, а потом не согласился с отличником, что она правильная. А теперь Харламий Диогенович, наверное, заметил моё волнение и первым меня вызовет.

Рядом со мной сидел тихий и скромный ученик. Звали его Адольф Комаров. Теперь он себя называл Аликом и даже на тетради писал «Алик», потому что началась война и он не хотел, чтобы его дразнили Гитлером. Всё равно все помнили, как его звали раньше, и при случае напоминали ему об этом.

Я любил разговаривать, а он любил сидеть тихо. Нас посадили вместе, чтобы мы влияли друг на друга, но, по-моему, из этого ничего не получилось. Каждый остался таким, каким был.

Сейчас я заметил, что даже он решил задачу. Он сидел над своей раскрытой тетрадью, опрят-

ный, худой и тихий, и оттого, что руки его лежали на промокашке, он казался ещё тише. У него была такая дурацкая привычка — держать руки на промокашке, от которой я его никак не мог отучить.

— Гитлер капут, — шепнул я в его сторону.

Он, конечно, ничего не ответил, но хоть руки убрал с промокашки, и то стало легче.

Между тем Харламий Диогенович поздоровался с классом и уселся на стул. Он слегка задрнул рукава пиджака, медленно протёр нос и рот носовым платком, почему-то посмотрел после этого в платок и сунул его в карман. Потом он снял часы и начал листать журнал. Казалось, приготовления палача пошли быстрее.

Но вот он отметил отсутствующих и стал оглядывать класс, выбирая жертву. Я затаил дыхание.

— Кто дежурный? — вдруг спросил он.

Я вздохнул, благодарный ему за передышку.

Дежурного не оказалось, и Харламий Диогенович заставил самого старосту стирать с доски. Пока тот стирал, Харламий Диогенович внушал ему, что должен делать староста, когда нет дежурного. Я надеялся, что он расскажет по этому поводу какую-нибудь притчу из школьной жизни, или басню Эзопа, или что-нибудь из греческой мифологии. Но он ничего не стал рассказывать, потому что скрип сухой тряпки о доску был неприятен и он ждал, чтобы староста скорей кончил своё нудное протираание. Наконец староста сел.

Класс замер. Но в это мгновение раскрылась дверь, и в дверях появилась докторша с медсестрой.

— Извините, это пятый «А»? — спросила доктор.

— Нет, — сказал Харламий Диогенович с вежливой враждебностью, чувствуя, что какое-

то санитарное мероприятие может сорвать ему урок. Хотя наш класс был почти пятый «А», потому что он был пятый «Б», он так решительно сказал «нет», как будто между нами ничего общего не было и не могло быть.

— Извините, — сказала докторша ещё раз и, почему-то помешкав, закрыла дверь.

Я знал, что они собираются делать уколы против тифа. В некоторых классах уже делали. Об уколах заранее никогда не объявляли, чтобы никто не мог улизнуть или, притворившись больным, остаться дома.

Уколов я не боялся, потому что мне делали массу уколов от малярии, а это самые противные из всех существующих уколов. И вот внезапная надежда, своим белоснежным халатом озарившая наш класс, исчезла. Я этого не мог так оставить.

— Можно, я им покажу, где пятый «А»? — сказал я, обнаглев от страха.

Два обстоятельства в какой-то мере оправдывали мою дерзость. Я сидел против двери, и меня часто посылали в учительскую за мелом или ещё за чем-нибудь. А потом, пятый «А» был в одном из флигелей при школьном дворе, и докторша в самом деле могла запутаться, потому что она у нас бывала редко, постоянно она работала в первой школе.

— Покажите, — сказал Харламбий Диогенович и слегка приподнял брови.

Стараясь сдерживаться и не выдавать своей радости, я выскочил из класса.

Я догнал докторшу и медсестру ещё в коридоре нашего этажа и пошёл с ними.

— Я покажу вам, где пятый «А», — сказал я.

Докторша улыбнулась так, как будто она не уколы делала, а раздавала конфеты.

— А нам что, не будете делать? — спросил я.

— Вам на следующем уроке, — сказала докторша, всё так же улыбаясь.

— А мы уходим в музей на следующий урок, — сказал я несколько неожиданно даже для себя.

Вообще-то у нас шли разговоры о том, чтобы организованно пойти в краеведческий музей и осмотреть там следы стоянки первобытного человека, но учительница истории всё время откладывала наш поход, потому что директор боялся, что мы не сумеем пойти туда организованно.

Дело в том, что в прошлом году один пацан из нашей школы стащил оттуда кинжал абхазского феодала, чтобы сбежать с ним на фронт. По этому поводу был большой шум, и директор решил, что всё получилось так потому, что класс пошёл в музей не в шеренгу по два, а гурьбой.

На самом деле этот пацан всё заранее рассчитал. Он не сразу взял кинжал, а сначала сунул его в солому, которой была покрыта Хижина Дореволюционного Бедняка. А потом через несколько месяцев, когда всё успокоилось, он пришёл туда в пальто с прорезанной подкладкой и окончательно унёс кинжал.

— А мы вас не пустим, — сказала докторша шутливо.

— Что вы, — сказал я, начиная волноваться, — мы собираемся во дворе и организованно пойдём в музей.

— Значит, организованно?

— Да, организованно, — повторил я серьёзно, боясь, что она, как и директор, не поверит в нашу способность организованно сходить в музей.

— А что, Галочка, пойдём в пятый «Б», а то и в самом деле уйдут, — сказала доктор и остановилась.

Мне всегда нравились такие чистенькие докторши в беленьких чепчиках и в беленьких халатах.

— Но ведь нам сказали сначала в пятый «А», — заупрямилась эта Галочка и строго посмотрела на меня. Видно было, что она всеми силами корчит из себя взрослую.

Я даже не посмотрел в её сторону, показывая, что никто и не думает считать её взрослой.

— Какая разница, — сказала докторша и решительно повернулась.

— Мальчику не терпится испытать мужество, да?

— Я малярик, — сказал я, отстраняя личную заинтересованность, — мне уколы делали тыщу раз.

— Ну, малярик, веди нас, — сказала докторша.

Убедившись, что они не передумают, я побежал вперёд, чтобы устранить связь между собой и их приходом.

Когда я вошёл в класс, у доски стоял Шурик Авдеенко, и хотя решение задачи в трёх действиях было написано на доске его красивым почерком, объяснить решение он не мог. Вот он и стоял у доски с яростным и угрюмым лицом, как будто раньше знал, а теперь никак не может припомнить своей мысли.

«Не бойся, Шурик, — думал я, — ты ничего не знаешь, а я тебя уже спас». Хотелось быть ласковым и добрым.

— Молодец, Алик, — сказал я тихо Комарову, — такую трудную задачу решил.

Алик у нас считался способным троечником. Его редко ругали, зато ещё реже хвалили. Кончики ушей у него благодарно порозовели. Он опять наклонился над своей тетрадью и аккуратно положил руки на промокашку. Такая уж у него была привычка.

Но вот распахнулась дверь, и докторша вместе с этой Галочкой вошли в класс. Докторша

сказала, что так, мол, и так, надо ребятам делать **уколы**.

— Если это необходимо именно сейчас, — сказал Харламий Диогенович, мельком взглянув на меня, — я не могу возражать. Авдеенко, на место, — кивнул он Шурику.

Шурик положил мел и пошёл на место, продолжая делать вид, что вспоминает решение задачи.

Класс заволновался, но Харламий Диогенович приподнял брови, и все притихли. Он положил в карман свой блокнотик, закрыл журнал и уступил место докторше. Сам он присел рядом за парту. Он казался грустным и немного обиженным.

Доктор и девчонка раскрыли свои чемоданчики и стали раскладывать на столе баночки, бутылочки и враждебно сверкающие инструменты.

— Ну, кто из вас самый смелый? — сказала докторша, хищно высосав лекарство иглой и теперь держа эту иглу остриём кверху, чтобы лекарство не вылилось.

Она это сказала весело, но никто не улыбнулся, все смотрели на иглу.

— Будем вызывать по списку, — сказал Харламий Диогенович, — потому что здесь сплошные герои.

Он раскрыл журнал.

— Авдеенко, — сказал Харламий Диогенович и поднял голову.

Класс нервно засмеялся. Докторша тоже улыбнулась, хотя и не понимала, почему мы смеёмся.

Авдеенко подошёл к столу, длинный, нескладный, и по лицу его было видно, что он так и не решил, что лучше: получить двойку или идти первым на укол.

Он поднял рубаху и теперь стоял спиной к докторше, всё такой же нескладный и не решивший, что лучше. И потом, когда укол сделали, он не обрадовался, хотя теперь весь класс ему завидовал.

Алик Комаров всё больше и больше бледнел. Подходила его очередь. И хотя он продолжал держать свои руки на промокашке, видно, это ему не помогало.

Я старался как-нибудь его расхрабрить, но ничего не получалось. С каждой минутой он делался всё строже и бледней. Он не отрываясь смотрел на докторскую иглу.

— Отвернись и не смотри, — говорил я ему.

— Я не могу отвернуться, — отвечал он затравленным шёпотом.

— Сначала будет не так больно. Главная боль, когда будут впускать лекарство, — подготавливал я его.

— Я худой, — шептал он мне в ответ, едва шевеля белыми губами, — мне будет очень больно.

— Ничего, — отвечал я, — лишь бы в кость не попала иголка.

— У меня одни кости, — отчаянно шептал он, — обязательно попадут.

— А ты расслабься, — говорил я ему, похлопывая его по спине, — тогда не попадут.

Спина его от напряжения была твёрдая, как доска.

— Я и так слабый, — отвечал он, ничего не понимая, — я малокровный.

— Худые не бывают малокровными, — строго возразил я ему. — Малокровными бывают малярики, потому что малярия сосёт кровь.

У меня была хроническая малярия, и сколько доктора ни лечили, ничего не могли поделать с ней. Я немного гордился своей неизлечимой малярией.

К тому времени, как Алика вызвали, он был совсем готов. Я думаю, он даже не соображал, куда идёт и зачем.

Теперь он стоял спиной к докторше, бледный, с остекленевшими глазами, и когда ему сделали укол, он внезапно побелел как смерть, хотя, казалось, дальше бледнеть некуда. Он так побледнел, что на лице его выступили веснушки, как будто откуда-то выпрыгнули. Раньше никто и не думал, что он веснушчатый. На всякий случай я решил запомнить, что у него есть скрытые веснушки. Это могло пригодиться, хотя я и не знал пока, для чего.

После укола он чуть не свалился, но докторша его удержала и посадила на стул. Глаза у него закатились, мы все испугались, что он умирает.

— Скорую помощь! — закричал я. — Побегу позвоню!

Харлампий Диогенович гневно посмотрел на меня, а докторша ловко подсунула ему под нос флакончик. Конечно, не Харлампию Диогеновичу, а Алику.

Он сначала не открывал глаза, а потом вдруг вскочил и деловито пошёл на своё место, как будто не он только что умирал.

— ...Даже не почувствовал, — сказал я, когда мне сделали укол, хотя прекрасно всё почувствовал.

— Молодец маляр, — сказала докторша.

Помощница её быстро и небрежно протерла мне спину после укола. Видно было, что она всё ещё злится на меня за то, что я их не пустил в пятый «А».

— Ещё потрите, — сказал я, — надо, чтобы лекарство разошлось.

Она с ненавистью дотёрла мне спину. Холодное прикосновение проспиртованной ваты было

приятно, а то, что она злится на меня и всё-таки вынуждена протирать мне спину, было ещё приятней.

Наконец всё кончилось. Докторша со своей Галочкой собрали чемоданчики и ушли. После них в классе остался приятный запах спирта и неприятный — лекарства. Ученики сидели, поёживаясь, осторожно пробуя лопатками место укола и переговариваясь на правах пострадавших.

— Откройте окно, — сказал Харламий Диогенович, занимая своё место. Он хотел, чтобы с запахом лекарства из класса вышел дух больничной свободы.

Он вынул чётки и задумчиво перебирал жёлтые бусины. До конца урока оставалось немного времени. В такие промежутки он обычно рассказывал нам что-нибудь поучительное и древнегреческое.

— Как известно из древнегреческой мифологии, Геракл совершил двенадцать подвигов, — сказал он и остановился. Щёлк, щёлк, — перебрал он две бусины справа налево. — Один молодой человек хотел исправить греческую мифологию, — добавил он и опять остановился. Щёлк, щёлк!

«Смотри чего захотел!» — подумал я про этого молодого человека, понимая, что греческую мифологию исправлять никому не разрешается. Какую-нибудь другую завалящую мифологию, может быть, и можно подправить, но только не греческую, потому что там уже давно всё исправлено и никаких ошибок быть не может.

— Он хотел совершить тринадцатый подвиг Геракла, — продолжал Харламий Диогенович, — и это ему отчасти удалось.

Мы сразу по его голосу поняли, до чего это был фальшивый и никудышный подвиг, потому

что, если бы Гераклу понадобилось совершить тринадцать подвигов, он бы сам их совершил, а раз он остановился на двенадцати, значит, так оно и надо было и нечего было лезть со своими поправками.

— Геракл совершил свои подвиги, как храбрец. А этот молодой человек совершил свой подвиг из трусости... — Харламий Диогенович задумался и прибавил: — Мы сейчас узнаем, во имя чего он совершил свой подвиг...

Щёлк! На этот раз только одна бусина упала с правой стороны на левую. Он её резко подтолкнул пальцем. Она как-то нехорошо упала. Лучше бы упали две, как раньше, чем одна такая.

Я почувствовал, что в воздухе запахло какой-то опасностью. Как будто не бусина щёлкнула, а захлопнулся маленький капканчик в руках Харлампия Диогеновича.

— ...Мне кажется, я догадываюсь, — проговорил он и посмотрел на меня.

Я почувствовал, как от его взгляда сердце моё с размаху вlepилось в спину.

— Прошу вас, — сказал он и жестом пригласил меня к доске.

— Меня? — переспросил я, чувствуя, что голос мой подымается прямо из живота.

— Да, именно вас, бесстрашный малярик, — сказал он.

Я поплёлся к доске.

— Расскажите, как вы решили задачу, — спросил он спокойно, и — щёлк, щёлк! — две бусины перекатились с правой стороны на левую. Я был в его руках.

Класс смотрел на меня и ждал. Он ждал, что я буду проваливаться, и хотел, чтобы я проваливался как можно медленнее и интересней.

Я смотрел краем глаза на доску, пытаюсь по записанным действиям восстановить причину этих действий, но ничего сообразить не мог. Тогда я стал сердито стирать с доски, как будто написанное Шуриком путало меня и мешало сосредоточиться. Я ещё надеялся, что вот-вот прозвенит звонок — и казнь придётся отменить. Но звонок не звенел, а бесконечно стирать с доски было невозможно. Я положил тряпку, чтобы раньше времени не делаться смешным.

— Мы вас слушаем, — сказал Харламбий Диогенович, не глядя на меня.

— Артиллерийский снаряд... — сказал я бодро в ликующей тишине класса и замолк.

— Дальше, — проговорил Харламбий Диогенович, вежливо выждав.

— Артиллерийский снаряд, — повторил я упрямо, надеясь по инерции этих правильных слов пробиться к другим таким же правильным словам. Но что-то крепко держало меня на привязи, которая натягивалась, как только я произносил эти слова.

Я сосредоточился изо всех сил, пытаюсь представить ход задачи, и ещё раз рванулся, чтобы

оборвать эту невидимую привязь. — Артиллерийский **снаряд...** — повторил я, содрогаясь от ужаса и отвращения.

В классе раздалось сдержанные хихиканья. Я почувствовал, что наступил критический момент, и решил ни за что не делаться смешным, лучше просто получить двойку.

— Вы что, проглотили артиллерийский снаряд? — спросил Харламий Диогенович с доброжелательным любопытством.

Он спросил это так просто, как будто справлялся, не проглотил ли я сливовую косточку.

— Да, — быстро сказал я, почувствовав ловушку и решив неожиданным ответом спутать его расчёты.

— Тогда попросите военрука, чтобы он вас разминировал, — сказал Харламий Диогенович, но класс уже и так смеялся.

Смеялся Сахаров, стараясь во время смеха не переставать быть отличником. Смеялся даже Шурик Авдеенко, самый мрачный человек нашего класса, которого я же спас от неминуемой **двойки**. Смеялся Комаров, который хоть и зовётся теперь Аликом, а как был, так и остался **Адольфом**.

Глядя на него, я подумал, что, если бы у нас в классе не было настоящего рыжего, он сошёл бы за него, потому что волосы у него светлые, а веснушки, которые он скрывал так же, как своё настоящее имя, обнаружились во время укола. Но у нас был настоящий рыжий, и рыжеватость Комарова никто не замечал. И ещё я подумал, что, если бы мы на днях не содрали с наших дверей табличку с обозначением класса, может быть, докторша к нам не зашла бы и ничего бы не случилось. Я смутно начинал догадываться о связи, которая существует между вещами и **событиями**.

Звонок, как погребальный колокол, прорвался сквозь хохот класса. Харламий Диогенович поставил мне отметку в журнал и ещё что-то записал в свой блокнотик.

С тех пор я стал серьёзней относиться к домашним заданиям и с нерешёнными задачами никогда не совался к футболистам. Каждому своё.

Позже я заметил, что почти все люди боятся показаться смешными. Особенно боятся показаться смешными женщины и поэты. Пожалуй, они слишком боятся и поэтому иногда **выглядят** смешными. Зато никто не может так ловко выставить человека смешным, как хороший поэт или женщина.

Конечно, слишком бояться выглядеть смешным не очень умно, но куда хуже совсем не бояться **этого**.

Мне кажется, что Древний Рим погиб оттого, что его императоры в своей бронзовой спеси перестали замечать, что они смешны. Обзаведись они вовремя шутами (надо хотя бы от дурака слышать правду), может быть, им удалось бы продержаться ещё некоторое время. А так они надеялись, что в случае чего гуси спасут Рим. Но нагрянули варвары и уничтожили Древний Рим вместе с его императорами и гусями.

Я, понятно, об этом несколько не жалею, но мне хочется благодарно возвысить метод Харлампия Диогеновича. Смехом он, разумеется, закалял наши лукавые детские души и приучал нас относиться к собственной персоне с достаточным чувством юмора.

По-моему, это вполне здоровое чувство, и любую попытку ставить его под сомнение я отвергаю решительно и навсегда.

Вопросы и задания

7. Каким вы представляете рассказчика?
2. Расскажите о его товарищах.
3. Какое чувство оставил у вас учитель Харламий Диогенович? Случайно ли автор даёт ему такое отчество? Почему герой с благодарностью говорит о нём?
4. Как вы понимаете слова «СМЕХОМ он, разумеется, закалял наши лукавые детские души и приучал нас относиться к собственной персоне с достаточным чувством юмора»?
5. Как вы думаете, в чём состоит главная идея этого произведения? Постарайтесь в одном-двух предложениях сформулировать вашу мысль.
6. Какой, по-вашему, смысл вкладывал автор в название своего рассказа?
7. Найдите юмористические эпизоды и подумайте, как писателю удаётся вызвать смех.

Для самостоятельной работы

- I. Напишите сочинение о том, каким вы представляете рассказчика, по предлагаемому плану:
 1. Кто такой рассказчик?
 2. Как он относится к товарищам по классу?
 3. Почему Харламий Диогенович сравнил его с Герaclesом?
 4. Как сам герой оценивает свои поступки?
 5. Каково авторское отношение к нему?
- II. Вспомните смешной случай из вашей жизни. Расскажите о нём так, чтобы слушатели смеялись. Наиболее интересные рассказы запишите и поместите в классной стенгазете или рукописном журнале.

РОДНАЯ ПРИРОДА В СТИХОТВОРЕНИЯХ ПОЭТОВ XX ВЕКА

В XX веке русские поэты по-прежнему внимательны к природе, поднимают те же темы, что и поэты предыдущего столетия. Только поэтический язык заметно изменился: в нём появилось больше индивидуальных метафоров, эпитетов и сравнений.

Стихотворение А. А. Блока «Летний вечер» напоминает простую пейзажную зарисовку, в которой лирически передаётся смена дня вечером и приближение ночи. Но в стихотворении встречаются необычные эпитеты — «дремотой розовой», «красный диск луны». Они в большей степени касаются не зрительного восприятия поэта, а его душевных переживаний. Ведь «дремота» не имеет цвета. Эпитет «розовый» означает умиротворённость, спокойствие, мечтательность, возвышенный строй чувств. Сочетание «красный диск луны» — не столько обозначение цвета луны, сколько ощущение тревоги дня, отражённой в этом цвете. Значит, Блок пишет стихотворение о том, что день с его тревогой, беспокойством, суетой отошёл и уступил место высоким чувствам и мыслям, высокому спокойствию души, когда она может думать о вечном, нетленном. Здесь не остаётся места заботам, печалям, по-

вседневной, обыденной жизни. Всё это ушло, как исчезли все практические цели и интересы, которые одолевали человека днём. Вечером и особенно ночью он вольно отдаётся размышлениям и чувствам, высоким настроениям и переживаниям о великом и бесценном.

Впрочем, Блок знает и другую ночь («О, как безумно за **окном...»**), не щадящую бездомных, лишённых крова страдальцев, которых треплет бушующий ветер. Это не столько обычный, всем знакомый ветер, сколько ветер метафорический. Он заставляет страдать несчастных и сам же сочувствует им, изнывая в своих нескончаемых столах.

ЛЕТНИЙ ВЕЧЕР

Последние лучи заката
Лежат на поле сжатой ржи.
Дремотой розовой объята
Трава некошеной межи.

Ни ветерка, ни крика птицы,
Над рощей — красный диск луны,
И замирает песня жницы
Среди вечерней тишины.

Забудь заботы и печали,
Умчись без цели на коне
В туман и в луговые дали,
Навстречу ночи и луне!

* * *

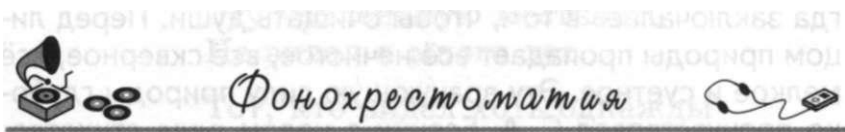
Вы, бедные, нагие несчастливцы.

*Лир*¹

О, как безумно за окном
Ревёт, бушует буря злая,

¹ А. Блоку эпиграфом к стихотворению послужила строка, взятая из трагедии У. Шекспира «Король Лир».

Несутся тучи, льют дождём,
И ветер воеет, замирая!
Ужасна ночь! В такую ночь
Мне жаль людей, лишённых крова,
И сожаленье гонит прочь
В объятья холода **сырого!..**
Бороться с мраком и дождём,
Страдальцев участь **разделяя...**
О, как безумно за окном
Бушует ветер, изнывая!

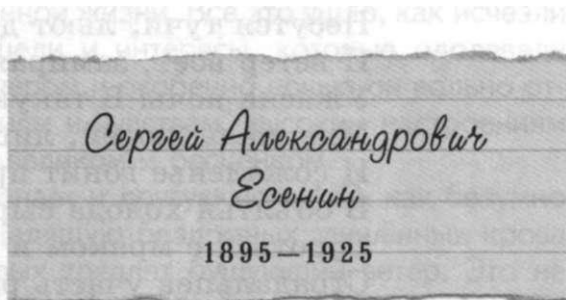
СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ

А. А. Блок. «Летний вечер»

7. Как вы думаете, почему, читая лирическую пейзажную зарисовку летнего вечера, актёр выделяет эпитет «красный» («над рощей **красный** диск луны»)?
- 2, Последняя строфа (четверостишие) стихотворения звучит на фоне музыки. Созвучна ли музыка настроению стихотворения? Помогает ли она воспринимать поэзию Блока? Почему?

А. А. Блок. «О, как безумно за окном...»

7. Какие художественные средства позволяют поэту создать выразительную картину бури, мрака, «холода сырого»?
- 2, Как актёр и автор музыки усиливают эмоциональное воздействие стихотворения на слушателя?
- 3, Подготовьте выразительное чтение стихотворения, стараясь передать настроение, вызванное бурной непогодой.

Роль природы в стихотворениях русских поэтов всегда заключалась в том, чтобы очищать души. Перед лицом природы пропадает всё нечистое, всё скверное, всё мелкое и суетное. Эту врачующую силу природы глубоко прочувствовал С. А. Есенин в целом ряде стихотворений, в том числе в стихотворениях «Мелколесье. Степь и дали...» и «Пороша».

В стихотворении «Мелколесье. Степь и дали...» Есенин в духе пушкинско-лермонтовской традиции пишет о неказистом, незатейливом, простом и даже «неприглядном» пейзаже, чуждом ярких красок, но вечно родном и любимом. С русской природой его роднит крестьянское происхождение — как всякий русский человек, он любит быструю езду зимой на санях, сделанных из **ОСИНЫ**, не стесняется признаться в любви каждой берёзке и всей «чахленькой местности». Его до слёз трогает веселье деревенской молодёжи. Во всём этом проявляется сила духа и нравственное здоровье народа. И сам поэт становится лучше и чище, забывая обо всём суетном и постороннем ему как человеку.

* * *

Мелколесье. Степь и дали.
Свет луны во все концы.
Вот опять вдруг зарыдали
Разливные бубенцы.

Неприглядная дорога,
Да любимая навек,
По которой ездил много
Всякий русский человек.

Эх вы, сани! Что за сани!
Звоны мёрзлые осин.
У меня отец — крестьянин,
Ну, а я — крестьянский сын.

Наплевать мне на известность
И на то, что я поэт.
Эту чахленькую местность
Не видал я много лет.

Тот, кто видел хоть однажды
Этот край и эту гладь,
Тот почти берёзке каждой
Ножку рад поцеловать.

Как же мне не прослезиться,
Если с **венкой**¹ в стынь и звень
Будет рядом веселиться
Юность русских деревень...

ПОРОША

Еду. Тихо. Слышны звоны
Под копытом на снегу,
Только серые вороны
Расшумелись на лугу.
Заколдован невидимкой,
Дремлет лес под сказку сна,
Словно белою косынкой
Подвязалася сосна.
Понагнулась, как старушка,
Оперлася на клюку,

А над самою макушкой
Долбит дятел на суку.
Скачет конь, простору много,
Валит снег и стелет шаль.
Бесконечная дорога
Убегает лентой вдаль.

Фонохрестоматия

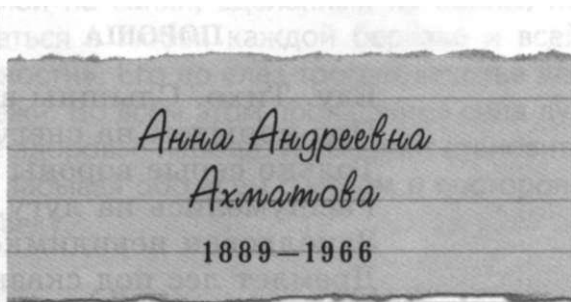
Фонохрестоматия

СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ

С. А. Есенин. «Мелколесье. Степь и дали...»

1. Чем объясняет поэт свою родственную, кровную связь с неяркой русской природой?
2. Есть ли в этом стихотворении есенинские слова, которые вы не читали и не слышали в произведениях других поэтов? Что они означают?
3. Какие черты характера лирического героя есенинского стихотворения раскрыл в своём чтении актёр?
4. Подготовьте выразительное чтение **СТИХОТВОРЕНИЯ**.

Об обновлении человека по-иному сказала в стихотворении «Перед весной бывают дни такие...» А. А. Ахматова. Наступает весна — и всё на свете меняется:

«Шумят деревья весело-сухие, и тёплый ветер нежен и упруг». То, что, казалось бы, каждый день перед глазами — дом, песня, — обновлено дыханием весны, мысли и чувства овеваны весенней свежестью, всё вокруг становится лёгким и неузнаваемым.

Перед весной бывают дни такие:
Под плотным снегом отдыхает луг,
Шумят деревья весело-сухие,
И тёплый ветер нежен и упруг.
И лёгкости своей дивится тело,
И дома своего не узнаёшь,
А песню ту, что прежде надоела,
Как новую, с волнением поёшь.

Фонохрестоматия

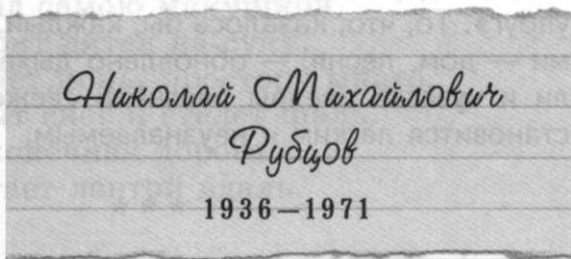

СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ

А. А. Ахматова.

«Перед весной бывают дни такие...»

- 1.** Какие точные и ёмкие слова находит поэт, чтобы выразить особое, предвесеннее состояние?
- 2.** Прислушайтесь к интонациям актрисы, к тому, как она сдержанно, но в то же время трепетно передаёт чувства поэта. При подготовке выразительного чтения постарайтесь вслед за актрисой передать торжественную сдержанность и тонкую лиричность поэзии Анны Андреевны Ахматовой.

В целительную силу и мощь поэзии верят все русские поэты. Многие из них признаются, что только природа придаёт им бодрость и мирит их с тревожной и тяжёлой жизнью. Н. М. Рубцов в стихотворении «Звезда полей» называет себя счастливым, пока для него и его соплеменников «горит звезда моих полей». Она с высоты небесной приветливо смотрит на людей, города, деревни и льёт духовный свет на всю жизнь, делая её осмысленной и желанной.

ЗВЕЗДА ПОЛЕЙ

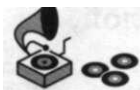
Звезда полей во мгле заледенелой,
Остановившись, смотрит в полынью.
Уж на часах двенадцать прозвенело,
И сон окутал родину **МОЮ...**

Звезда полей! В минуты потрясений
Я вспоминал, как тихо за холмом
Она горит под золотом осенним,
Она горит над зимним серебром...

Звезда полей горит, не угасая,
Для всех тревожных жителей земли,
Своим лучом приветливым касаясь
Всех городов, поднявшихся вдали.

Но только здесь, во мгле заледенелой,
Она восходит ярче и полней.
И счастлив я, пока на свете белом
Горит, горит звезда моих полей...

1. О чём рассказывается в стихотворении А. Блока «Летний вечер»? Как можно назвать настроение, которым оно пронизано: тишина, умиротворение, покой, вечерняя дремота? Может быть, у вас будет свой вариант названия этого настроения? Как вы понимаете выражения: «дремотой розовой объята», «и замирает песня ЖНИЦЫ»? Какие литературные приёмы помогают создать удивительное настроение летнего вечера?
2. Постарайтесь сами сформулировать вопросы к стихотворению «О, как безумно за ОКНОМ...», затем прокомментируйте, в чём смысл **СТИХОТВОРЕНИЯ**. Какое настроение передаёт нам автор?
3. Какой видит Есенин окружающую природу в стихотворении «Мелколесье. Степь и дали...»? Как поэт себя называет? Как вы понимаете строки: «Неприглядная дорога, да любимая НАВЕК...», «...ТОТ почти берёзке каждой ножку рад ПОЦЕЛОВАТЬ», «в стынь и звень»? Какие слова, словосочетания вы назвали бы истинно есенинскими?
4. Какое настроение передаётся поэтом в стихотворении «Пороша»? Какие картины помогают нарисовать русский пейзаж, неприхотливый, не роскошный (покажите это на примерах) и в то же время близкий и родной поэту. Подтвердите это примерами из **СТИХОТВОРЕНИЯ**.
5. В чём смысл стихотворения Ахматовой «Перед весной бывают дни ТАКИЕ...»? Почему так меняется весной взгляд на все привычные приметы окружающей нас природы?
6. Почему стихотворение Рубцова «Звезда ПОЛЕЙ» так названо? Что вдохновляет поэта?
7. Подготовьте вечер, **ПОСВЯЩЁННЫЙ** родной природе в стихотворениях русских поэтов XIX и XX веков. Составьте программу, выберите чтецов, «критиков», «литературоведов», которые расскажут о поэтах, произведения которых будут звучать на школьном вечере.

СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ

Н. М. Рубцов. «Звезда полей»

Помогает ли музыка композитора Георгия Свиридова восприятию стихотворения? Чем созвучны стихи, актёрское чтение и музыка?

УЧИМСЯ ЧИТАТЬ ВЫРАЗИТЕЛЬНО

Элементы интонации

Главнейшими элементами речевой интонации являются фразовые ударения, паузы и мелодика речи.

Ударения, выделяющие в потоке речи отдельные опорные слова, называются фразовыми ударениями. Место, количество и сила ударений зависят от многих причин: от содержания мысли, грамматического строения, положения слова во фразе или её отдельной части, различных психологических моментов.

Различаются паузы **логические**, которые расчленяют речь в соответствии со смысловыми и грамматическими связями между словами, и паузы **психологические**, мотивированные переживаниями говорящего.

Мелодике **речи** — повышениям и понижениям тона голоса — принадлежит едва ли не основная роль. В сочетании с ударениями и паузами мелодика фонетически оформляет смысловые отношения между частями фразы и объединяет их в выражения связной мысли или последовательности мыслей. Мелодика различает повествовательное и вопросительное значение фраз, в значительной мере является выразителем эмоционального состояния говорящего. Наконец, она во многих случаях служит средством образной выразительности речи.

Задания

1. Вы прочитали стихотворения А. Блока, С. Есенина, А. Ахматовой, Н. Рубцова. Эти стихотворения вы будете учиться читать выразительно вслух, а некоторые из них — наизусть. Обратите внимание на советы Г. В. Артоболевского.
 2. Подумайте, как правильно расставить фразовое ударения, определить место паузам, найти верную мелодику, интонацию для каждого стихотворения.
-

Из литературы народов России

Габдулла Тукай

1886—1913

Габдулла Тукай — выдающийся татарский поэт. Родился он в небольшой деревне, в Казанской губернии. В трёхлетнем возрасте Габдулла остался полным сиротой: сначала умер отец, а вскоре и мать. Мальчик рос в чужих семьях. Но, несмотря на трудности и невзгоды, поэт вспоминал своё деревенское детство с благодарностью, здесь он услышал татарские народные сказки и легенды, лирические песни, исторические предания. Вероятнее всего, тогда в деревне Кырлай ему рассказали легенду о Шуралё, лешем, который может защекотать человека до смерти. Впечатлительный мальчик запомнил образы и сюжеты страшных и весёлых сказок. Простые и трогательные слова народных песен навсегда остались в его памяти.

Когда Габдулле было девять лет, родственники, жившие в городе Уральске, взяли его к себе. Здесь мальчик поступил в медресе (мусульманское училище, готовившее учителей и священников), где он быстро научился читать и писать по-татарски. В этом медресе был и так называемый русский класс, в котором обучение шло на русском языке, изучали русскую литературу.

Будущий поэт поступил и в русский класс, где увлечённо читал произведения Пушкина, Лермонтова, Некрасова.

Закончив медресе, девятнадцатилетний юноша начал сотрудничать с татарскими журналами и газетами, на страницах которых появлялись его стихотворения и статьи. Там же, в Уральске, была опубликована поэма-сказка Габдуллы Тукая «Шурале». Эта сказка о молодом джигите, который благодаря своему уму и находчивости побеждает незадачливого лешего, пронизанная тонким юмором, написанная лёгким напевным стихом, стала любимым произведением татарского читателя. Поэма-сказка переведена на многие языки народов России и зарубежных стран. По мотивам этого произведения композитор Ф. Яруллин создал балет «Шурале», который с успехом идёт на сценах музыкальных театров. Сам поэт в примечаниях к своей поэме сказал: «Эту сказку я написал, пользуясь примером поэтов А. Пушкина и М. Лермонтова, обрабатывавших сюжеты народных сказок, рассказываемых народными сказителями в деревнях».

Поэзия Габдуллы Тукая вдохновлялась любовью к своей Родине. В стихах он размышляет о традициях, обычаях и культуре татарского народа, выражает надежду на его просвещённое, счастливое будущее.

РОДНАЯ ДЕРЕВНЯ

Стоит деревня наша на горке некрутой.
Родник с водой студёной от нас подать рукой.
Мне всё вокруг отрадно, мне вкус воды знаком,
Люблю душой и телом я всё в краю моём.

Здесь бог вдохнул мне душу, я свет увидел здесь,
Молитву из Корана впервые смог прочесть,
Впервые здесь услышал слова пророка я,
Судьбу его узнал я и путь тяжёлый весь.

Мне памятни навеки события детских лет,
Нет времени счастливей, забав беспечней нет.
Я помню, как, бывало, по чёрной борозде
Шагал со старшим братом я за сохою вслед.

Я многое увижу — ведь жизнь ещё длинна,
И ждёт меня, наверно, дорога не одна.
Но только, где б я ни был и что б ни делал я,
Ты в памяти и в сердце, родная сторона!

КНИГА

Когда душа измучена в борьбе,
Когда я ненавистен сам себе,
Когда я места в мире не найду
И, утомясь, проклятье шлю судьбе;

Когда за горем — горе у дверей
И ясный день ненастной тьмы темней;
Когда сквозь слёзы белый свет не мил,
Когда не станет сил в душе моей, —

Тогда я в книгу устремляю взгляд,
Нетленные страницы шелестят.
Я исцелён, я счастлив, я живу,
Я пью тебя, отрада из отрад.

И слово, мной прочтённое тогда,
Встаёт, как путеводная звезда,
Бесстрашно сердце, радостна душа,
И суета вседневная чужда.

И, вновь рождённый чистою мечтой,
«Спасибо» говорю я книге той.
И, распрямлённый верою в себя,
Я вдаль гляжу с надеждою святой.

Вопросы и задания

1. Прочитайте вслух стихотворение «Родная деревня», прислушайтесь к его интонациям. Что вы можете сказать о мелодии стиха? Какие чувства передаёт автор через звучание стихотворения?
2. Чем запомнилась родная деревня Габдулле Тукаю? Какие образы запечатлелись на всю жизнь? Как вы думаете, почему?
3. У кого из русских поэтов вы читали стихи о родной деревне? Сравните стихотворения разных поэтов об их малой родине. Что объединяет эти произведения?
4. Мировая поэзия знает множество стихотворений, восхваляющих, благодарящих книгу. Вспомните биографию поэта и подумайте, почему он так благодарен книге.
5. Перечитайте стихотворение «Книга», отмечая те обстоятельства, в которых книга помогает человеку, спасает его. Верите ли вы в спасительную силу книги? Подготовьте развёрнутый ответ на этот вопрос.

Кайсын Кулиев

1917—1985

Балкарский поэт Кайсын Шуваевич Кулиев родился в ауле Эл-тюбю, расположенном в верховьях живописного Чегемского ущелья, в семье скотовода и

охотника. Талантливый ребёнок с детства проявлял артистические и поэтические способности. Восемнадцатилетним юношей приезжает он в Москву и поступает в Институт театрального искусства (ГИТИС). Кулиев имел счастье слушать стихи в исполнении таких выдающихся артистов, как В. Качалов, Л. Леонидов, М. Тарханов, И. Москвин. Будучи студентом ГИТИСа, он перевёл на балкарский язык стихотворения М. Ю. Лермонтова, А. С. Пушкина, драмы французского драматурга XVII века Ж.-Б. Мольера.

Интерес к поэзии привёл Кулиева на вечернее отделение Литературного института. Первый его поэтический сборник под названием «Привет, утро» вышел в 1940 году. Героями стихов Кулиева стали труженики-горцы: чабаны, кузнецы, табунщики. Его стихи о природе отличаются сочетанием спокойных зарисовок родных пейзажей и описаний грозных стихий природы.

С первых дней войны Кулиев отправляется на фронт. Суровость войны не ожесточила душу поэта-лирика, чьи стихи печатались во фронтовой газете. В 1944 году Кулиев был демобилизован, но возвратиться на родную землю не мог, потому что его народ был выслан в Среднюю Азию. За годы работы в Союзе писателей Киргизии Кулиев создаёт цикл стихов о прошлом своей родины («Над старой книгой горских песен», «Трава растёт», «Жизнь»). В 1956 году поэт возвращается на балкарскую землю, и начинается самый плодотворный период его творчества. В своих книгах стихов — «В доме друзей», «Мои соседи», «Хлеб и роза» — поэт мечтает о совершенном мире, о торжестве света и добра. В «Чегемской поэме» (1980) поэт выразил своё отношение к мужественным землякам-труженикам, рассказал о местах, любимых им с детства.

Р. З. Хайруллин

Когда на меня навалилась беда
И шёл я по отчему краю,
«Отдай свою боль мне», — сказала вода,
По горному склону стекая.

Сказала мне высь: «Обернись к небесам,
И в сердце растает тревога».
«Спокойно иди, я тебя не предам!» —
Тихонько шуршала дорога.

«Взгляни на мои голубые снега», —
Чуть слышно гора мне шептала.
«Приляг на траву», — поманили луга.
Прилёг я, и легче мне стало.

И стало всё просто, и понял я вдруг —
Иного не надо мне рая,
А только б дорога, да речка, да луг,
Да небо родимого края.

Каким бы малым ни был мой народ,
Он всё равно меня переживёт,
И будет жив мой край, гнездо в котором
И белый голубь вьёт, и чёрный ворон.

Я верую, что будет жить, как жил,
Мой малый род, чьё мужество, бывало,
И мужество и силу возвращало
Мне, потерявшему остаток сил.

В долинах будет созревать пшеница,
Как прежде, будут пахари трудиться,
И будет в небесах всходить луна,
И зимними ночами будет сниться
Уставшим людям близкая весна.

И пусть потом иные песни сложат,
Но всё же люди, прошлое ценя,
Те песни тоже будут петь, быть может,
Что пели и при мне и до меня.

И что с тобой, народ мой, ни случится,
Я знаю, будет жив язык родной,
В звучании которого продлится
Моя судьба и век недлинный мой.

С тобою, мой народ, должник твой вечный,
Ни дня я в жизни не был одинок
И сотворил за век свой быстротечный
Хоть и небольшое, но всё, что мог.

Вопросы и задания

1. Стихотворение Кайсына Кулиева о родине начинается словами «Когда на меня навалилась беда...». Как вы думаете, почему у человека в особенно сложных, трудных ситуациях обостряется чувство Родины?
 2. Как Родина помогает герою стихотворения преодолеть беду?
 3. Какой художественный приём использует поэт, говоря: «тихонько шуршала дорога», «поманили луга», «сказала вода»?
Какие качества родного народа Кайсын Кулиев считает постоянными, переходящими из поколения в поколение?
 5. Почему поэт считает себя вечным должником своего народа?
 6. Как вы думаете, почему, размышляя о судьбе народа, поэт особо говорит о родном языке? Почему, пока жив язык, жив народ?
- Подготовьте развёрнутый ответ на этот вопрос.

Из зарубежной литературы

МИФЫ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ

Глубокое проникновение в культуру
прошлого и культуры других наро-
дов сближает времена и страны.

Д. С. Лихачёв

Что такое мифы? Это произведения, созданные фантазией народа, в которых рассказывалось о происхождении мира, явлениях природы, а также о деяниях древних богов и героев, которые воспринимались не вымышленными, а вполне реальными.

Само слово **миф** (mythos) — греческое и означает предание, сказание.

В древности мифы складывали не для развлечения, а для объяснения, осмысления того, что происходило в мире.

Мифы появились задолго до возникновения письменности, они передавались из поколения в поколение и создавались не одним человеком; их творцом был народ, который изменял их, поправлял и совершенствовал. С течением веков мифы стали сокровищницей великолепных образов, прекрасными произведениями искусства.

У всех древних народов была своя мифология¹. Но, сравнивая мифы разных народов, можно обнаружить в них много общего. Это говорит о том, что представления древних о мире сходны, они прошли общий путь

¹ *Мифология* — совокупность мифов.

мифологического объяснения мира: рождение мира из стихий, властителями которых были великаны (титаны); затем появляются боги, победившие титанов. Боги утвердили порядок и гармонию в мире. Более поздние мифы рассказывают о подвигах великих людей — героев. Они проявляют сверхчеловеческую силу, ум, находчивость, героизм в походах и войнах. В их жизнь, а также жизнь людей постоянно вмешиваются боги, покровительствуя одним, препятствуя другим, определяют их судьбу.

Прошли тысячелетия. Люди, **обогащённые** научными знаниями, по-другому смотрят на мир, но древние мифы продолжают жить, оказывая огромное влияние на искусство, вдохновляя художников, скульпторов,

ний.

В хрестоматии вы познакомитесь с некоторыми мифами Древней Греции.

Вопросы и задания

7. Перескажите статью о мифах. Что нового вы узнали из неё?
2. Какие мифы вам известны?
3. Как вы понимаете выражение: «Мифы... создавались не одним человеком; их творцом был народ, который изменял их, поправлял и совершенствовал»?
4. Что же такое миф? Дайте определение мифу, воспользовавшись статьёй учебника и словарём.

ПОДВИГИ ГЕРАКЛА *В переложении Н. Куна*

Геракл — в греческой мифологии — сын бога Зевса и смертной женщины Алкмены. Став взрослым, Геракл поселился в городе Тиринфе и стал слугой слабого,

трусливого царя Эврисфея. Эврисфей боялся могучего героя и не пускал его в Микены. Все приказания свои передавал он сыну Зевса в Тиринф через своего вестника Копрея. Выполняя эти приказания, Геракл совершил двенадцать знаменитых подвигов.

Скотный двор царя Авгия (шестой подвиг)

Вскоре Эврисфей дал новое поручение Гераклу. Он должен был очистить от навоза весь скотный двор Авгия, царя Элиды, сына лучезарного Гелиоса. Бог солнца дал своему сыну неисчислимые богатства. Особенно многочисленны были стада Авгия. Среди его стад было триста быков с белыми, как снег, ногами, двести быков были красные, как сидонский пурпур, двенадцать быков, **посвящённых** богу Гелиосу, были белые, как лебеди, а один бык, отличавшийся необыкновенной красотой, сиял подобно звезде. Геракл предложил Авгию очистить в один день весь его громадный скотный двор, если он согласится отдать ему десятую часть своих стад. Авгий согласился. Он считал, что невозможно выполнить такую работу в один день. Геракл сломал с двух противоположных сторон стену, окружавшую скотный двор, и отвёл в него воду двух рек, Алфея и Пенея. Вода этих рек в один день унесла весь навоз со скотного двора, а Геракл опять сложил стены. Пришёл Геракл к Авгию требовать награды, но царь не отдал ему обещанной десятой части стад, и пришлось ни с чем вернуться Гераклу в Тиринф.

Страшно отомстил Геракл царю Элиды. Через несколько лет, уже освободившись от службы у Эврисфея, Геракл вторгся с большим войском в Элиду, победил в кровопролитной битве Авгия и

Подвиги Геракла.

Верхний ряд: немейский лев, лернейская гидра, стимфалийские птицы. Второй ряд: критский бык, керинейская лань, пояс царицы Ипполиты. Третий ряд: эриманфский вепрь, кони Диомеда, великан Герион. Нижний ряд: золотые яблоки Гесперид, Кербер, очистка авгиевых конюшен.

убил его смертоносной стрелой. После победы собрал Геракл войско и всю богатую добычу у города Писы, принёс жертвы олимпийским богам и учредил Олимпийские **игры**¹, которые проводились с тех пор каждые четыре года на священной равнине, обсаженной самим Гераклом оливами, **посвящёнными** богине Афине Палладе.

Геракл отомстил и всем союзникам Авгия. Особенно же поплатился царь Пилоса Нелей. Геракл, придя с войском к Пилосу, взял город и убил Нелея и одиннадцать его сыновей. Не спасся и сын Нелея Периклимен, которому дал властитель моря Посейдон дар обращаться в льва, змею и пчелу. Геракл убил его, когда, обратившись в пчелу, Периклимен сел на одну из лошадей, запряжённых в колесницу Геракла. Один лишь сын Нелея — Нестор остался в живых. Впоследствии прославился Нестор среди греков своими подвигами и великой мудростью.

¹ *Олимпийские игры* — важнейшее из общегреческих празднеств, во время которого объявлялся во всей Греции мир. За несколько месяцев до Игр по всей Греции и греческим колониям рассылали послов, приглашавших на Игры в Олимпию. Игры проводились раз в четыре года. На них происходили состязания в беге, борьбе, кулачном бою, бросании диска и копья, а также состязания колесниц. Победители на Играх получали в награду оливковый венок и пользовались великим почётом. Греки вели летосчисление по Олимпийским играм, считая первыми Игры, происходившие в 776 году до н. э. Существовали Олимпийские игры до 393 года н. э., затем они были запрещены императором Феодосием как несовместимые с христианством. Через 30 лет император Феодосий II сжёг храм Зевса в Олимпии и все роскошные здания, украшавшие то место, где происходили Олимпийские игры. Они обратились в развалины и постепенно были занесены песком. Только раскопки XIX и XX веков дали возможность получить представление об Олимпийских играх того времени.

Яблоки Гесперид (двенадцатый подвиг)

Самым трудным подвигом Геракла на службе у Эврисфея был его последний, двенадцатый подвиг. Геракл должен был отправиться к великому титану Атласу, который держит на плечах небесный свод, и достать из его садов, за которыми смотрели дочери Атласа Геспериды, три золотых яблока. Яблоки эти росли на золотом дереве, выращенном богиней земли Геей в подарок Гере в день её свадьбы с Зевсом. Чтобы совершить этот подвиг, нужно было прежде всего узнать путь в сады Гесперид, охраняемые драконом, никогда не смыкавшим глаз.

Никто не знал пути к Гесперидам и Атласу. Долго блуждал Геракл по Азии и Европе, прошёл он все страны, которые проходил раньше по пути за коровами Гериона; всюду Геракл расспрашивал о пути в сады Гесперид. Пришёл Геракл на самый крайний север, к вечно катящей свои бурные, беспредельные воды реке Эридану. На берегах Эридана с почётом встретили сына Зевса прекрасные нимфы и дали ему совет, как узнать путь в сады Гесперид. Геракл должен был напасть врасплох на морского вещего старца Нерея, когда он выйдет на берег из морской пучины, и узнать у него путь к Гесперидам; кроме Нерея, никто не знал этого пути. Геракл долго искал Нерея. Наконец удалось ему найти старца на берегу моря. Геракл напал на морского бога. Трудна была борьба с ним. Чтобы освободиться от железных объятий Геракла, Нерей принимал всевозможные образы, но не выпускал его герой. Наконец он связал утомлённого Нерея, и морскому богу пришлось, чтобы получить свободу, открыть Гераклу тайну пути в са-

ды Гесперид. Узнав эту тайну, сын Зевса отпустил морского старца и отправился в далёкий путь.

Опять пришлось ему идти через Ливию. Здесь встретил он великана Антея, сына Посейдона, бога морей, и богини земли Геи. Антей заставлял всех путников бороться с ним и всех, кого побеждал в борьбе, немилосердно убивал. Великан потребовал, чтобы и Геракл боролся с ним. Нельзя было победить Антея в единоборстве, не зная тайны, откуда великан получал во время борьбы всё новые и новые силы. Тайна же была такова: когда Антей чувствовал, что начинает ослабевать, он прикасался к земле, своей матери, и обновлялись его силы; он черпал их у матери, великой богини земли. Но стоило только оторвать Антея от земли и поднять его на воздух, как исчезали его силы. Долго боролся Геракл с Антеем, несколько раз он валил его на землю, но только прибавлялось силы у Антея. Вдруг во время борьбы поднял могучий Геракл Антея высоко на воздух; иссякли силы сына Геи, и Геракл задушил его.

Дальше пошёл Геракл и пришёл в Египет. Там, утомлённый длинным путём, уснул он в тени небольшой рощи на берегу Нила. Увидал спящего Геракла царь Египта Бусирис, сын Посейдона и дочери Эпафа Лисианассы, и велел связать спящего героя. Он хотел принести Геракла в жертву отцу его Зевсу. Девять лет был неурожай в Египте. Пришедший с Кипра прорицатель Фрасий предсказал, что прекратится неурожай только в том случае, если будет Бусирис ежегодно приносить в жертву Зевсу чужеземца. Бусирис велел схватить прорицателя Фрасия и первым принёс его в жертву. С тех пор жесто-

кий царь приносил в жертву громовержцу всех чужеземцев, которые приходили в Египет. Привели к жертвеннику и Геракла, но разорвал великий герой верёвки, которыми был связан, и убил у жертвенника самого Бусириса и сына его Амфидаманта. Так был наказан жестокий царь Египта.

Много ещё пришлось встретить Гераклу на пути своём опасностей, пока достиг он края земли, где стоял великий титан Атлас. С изумлением смотрел герой на могучего титана, державшего на своих широких плечах весь небесный свод.

— О, великий титан Атлас! — обратился к нему Геракл. — Я — сын Зевса, Геракл. Меня прислал к тебе Эврисфей, царь богатых золотом Микен. Эврисфей повелел мне достать у тебя три золотых яблока с золотого дерева в садах Гесперид.

— Я дам тебе три яблока, сын Зевса, — ответил Атлас, — ты же, пока я буду ходить за ними, должен встать на моё место и держать на плечах своих небесный свод.

Геракл согласился. Он встал на место Атласа. Невероятная тяжесть опустилась на плечи сына Зевса. Он напряг все свои силы и удержал небесный свод. Страшно давила тяжесть на могучие плечи Геракла. Он согнулся под тяжестью неба, его мускулы вздулись, как горы, пот покрыл всё его тело от напряжения, но нечеловеческие силы и помощь богини Афины дали ему возможность держать небесный свод до тех пор, пока не вернулся Атлас с тремя золотыми яблоками.

Вернувшись, Атлас сказал герою:

— Вот три яблока, Геракл: если хочешь, я сам отнесу их в Микены, а ты поддержи до моего

возвращения небесный свод; потом я встану опять на своё место.

Геракл понял хитрость Атласа, понял, что хочет титан совсем освободиться от своего тяжёлого труда, и против хитрости применил хитрость.

— Хорошо, Атлас, я согласен! — ответил Геракл. — Только позволь мне прежде сделать себе подушку, я положу её на плечи, чтобы не давил их так ужасно небесный свод.

Атлас встал опять на своё место и взвалил на плечи тяжесть неба. Геракл же поднял лук и колчан со стрелами, взял палицу и золотые яблоки и сказал:

— Прощай, Атлас! Я держал свод неба, пока ты ходил за яблоками Гесперид, вечно же нести на плечах своих всю тяжесть неба я не хочу.

С этими словами Геракл ушёл от титана, и снова пришлось Атласу держать, как и прежде, на могучих плечах небесный свод. Геракл же вернулся к Эврисфею и отдал ему золотые яблоки. Эврисфей подарил их Гераклу, а он подарил яблоки своей покровительнице, дочери Зевса Афине **Пал ладе**. Афина вернула яблоки Гесперидам, чтобы вечно оставались они в их садах.

После своего двенадцатого подвига Геракл освободился от службы у Эврисфея. Теперь он мог вернуться в семивратные Фивы. Но недолго оставался там сын Зевса. Ждали его новые подвиги. Он отдал жену свою Мегару в жены своему другу Иолаю, а сам ушёл опять в Тиринф.

Но не одни победы ждали его, были у Геракла и тяжкие беды, так как по-прежнему преследовала его богиня Гера.

- I. Разберёмся в прочитанном**
- 1.** Объясните смысл и происхождение следующих выражений: «авгиевы конюшни», «прикоснуться к земле, как Антей».
- 2.** Когда и при каких обстоятельствах были учреждены Олимпийские игры? Как они проходили?
- 3.** Почему 12-й подвиг был самым трудным подвигом Геракла? Какие опасности пришлось преодолеть Гераклу, прежде чем он достиг края земли, где стоял великий титан Атлас? Что помогло Гераклу держать небесный свод до тех пор, пока не вернулся Атлас?
- II.** Прочитайте про остальные подвиги Геракла, а также другие легенды о его жизни, смерти и принятии в число олимпийских богов и ответьте на следующие вопросы:
 - 1.** Какой подвиг Геракла вы считаете самым значительным?
 - 2.** За что же почитали греки великого героя, почему он завоевал себе бессмертие?
 - 3.** Что означает имя Геракл?
 - 4.** Рассмотрите иллюстрацию «Подвиги Геракла», на которой изображены все 12 подвигов героя. Расскажите, какие эпизоды выбраны художником.
 - 5.** Напишите небольшое сочинение об одном из подвигов Геракла, объясняя свой выбор, делая самостоятельно выводы.
- III.** Часто в речи употребляются имена, названия, образные выражения, заимствованные из древнегреческой мифологии. Говорят о «титанической борьбе», «паническом страхе», «олимпийском спокойствии», «муках Тантала», «сизифовом труде». Прочитайте самостоятельно легенды и мифы «Борьба богов-олимпийцев с титанами», «Олимп», «Пан», «Мидас», «Пандора», «Сизиф», «Прометей», «Тантал», и вы поймёте значение этих и других образных выражений.
- IV.** Древнегреческая мифология питала творчество поэтов и художников многих народов мира. Русские писатели,

художники и композиторы тоже обращались к этому источнику. Выдающийся русский скульптор Ф. П. Толстой создал скульптуру «Сон Морфея», К. П. Брюллов написал некоторые картины на сюжеты античной мифологии («Встреча Аполлона и Дианы», «Сатурн и Нептун на Олимпе»), В. А. Серов написал картину «Похищение Европы».

7. Скульптурными группами и отдельными статуями на сюжеты древнегреческой мифологии украшены многие здания в Москве и Санкт-Петербурге: Большой театр в Москве; Адмиралтейство, Государственный Эрмитаж, аллея Летнего сада в Санкт-Петербурге; дворцы, дома и сады подмосковных дворянских усадеб XVIII века — Кусково, Останкино, Архангельское и другие.
 2. Вспомните, какие произведения на сюжеты древнегреческой мифологии вы видели. Чем они вам запомнились?
 3. Названия многих планет Солнечной системы, звёзд и созвездий взяты из античной мифологии, например: Юпитер, Сатурн, Марс. Вспомните другие названия.
-

Легенда

Что такое легенда? Легенда, как и миф, появилась в далёкой древности. Как и во все времена, о важных исторических событиях и выдающихся свершениях люди устно слагали рассказы, которые передавались из поколения в поколение. Эти рассказы со временем обрас­тали дополнительными подробностями, которые нередко приобретали фантастический характер. Так рождались легенды.

Легенда (*лат.* *legenda* — то, что должно быть прочитано) — это произведение, созданное на основе устного предания, в котором рассказ о реальных людях и подлинных событиях сочетается с элементами фантастики.

Прочитайте «Легенду об **Арионе**» и выполните предложенные задания.

ЛЕГЕНДА ОБ АРИОНЕ

Эту легенду записал древнегреческий историк Геродот, который в своих трудах широко использовал мифы и сказания.

...Периандр был **тираном**¹ Коринфа. С ним-то, как говорят коринфяне, приключилось в жизни величайшее диво. Арион из Мефимны был вынесен на дельфине из моря у Тенара. Это был несравненный **кифаред**² своего времени и, насколько я знаю, первым стал сочинять **дифирамб**³, дал ему имя и обучил хор для постановки в Коринфе.

Этот-то Арион большую часть времени своей жизни провёл у Периандра и затем решил отплыть в Италию и Сикелию. Там он нажил великое богатство, потом пожелал возвратиться назад в Коринф. Он отправился в путь из Таранта и, так как никому не доверял больше коринфян, нанял корабль у коринфских мореходов. А корабельщики задумали злое дело: в открытом море выбросить Ариона в море и завладеть его **сокровищами**. Арион же, догадавшись об их умысле, стал умолять сохранить ему жизнь, предлагая отдать все свои сокровища. Однако ему не удалось смягчить корабельщиков. Они велели Ариону либо самому лишиться себя жизни, чтобы быть погребённым в земле, либо сейчас же броситься в море. В таком

¹ *Тиран* — в Древней Греции и в средневековых городах-государствах Италии — единоличный правитель.

² *Кифаред* — тот, кто играет на кифаре, родственном лире музыкальном инструменте древних греков.

³ *Дифирамб* — преувеличенно восторженная похвала.

отчаянном положении Арион всё же упросил корабельщиков (раз уж таково их решение) по крайней мере позволить ему спеть в полном наряде певца, став на скамью гребцов. Он обещал, что, пропев свою песнь, сам лишит себя жизни. Тогда корабельщики перешли с кормы на середину корабля, радуясь, что им предстоит услышать лучшего певца на свете. Арион же, облачась в полный наряд певца, взял кифару и, стоя на корме, исполнил торжественную песнь. Затем он, как был во всём наряде, ринулся в море. Между тем корабельщики отплыли в Коринф, Ариона же, как рассказывают, подхватил на спину дельфин и вынес к Тенару. Арион вышел на берег и в своём наряде певца отправился в Коринф. По прибытии туда он рассказал всё, что с ним случилось. Периандр же не поверил рассказу и велел заключить Ариона под стражу и никуда не выпускать, а за корабельщиками внимательно следить. Когда же те прибыли в Коринф, Периандр призвал их к себе и спросил, что им известно об Арионе. Корабельщики отвечали, что Арион живёт и здравствует где-то в Италии и они-де оставили его в Таранте в полном благополучии. Тогда внезапно появился Арион в том самом одеянии, в каком он бросился в море. Поражённые корабельщики не могли уже отрицать своей вины, так как были уличены. Так рассказывают коринфяне и лесбосцы. А на Тенаре есть небольшая медная статуя — жертвенный дар Ариона, изображающая человека на дельфине.

Вопросы и задания

1. Когда и где происходит действие?
2. Составьте рассказ об Арионе (его прошлое, род занятий, поведение во время смертельной опасности, почему он

просит корабельщиков «позволить ему спеть в полном наряде певца»).

3. Какие ещё герои производят впечатление реально существовавших людей?
4. Почему это произведение называется легендой?
5. Подготовьте устную иллюстрацию к этому произведению.

Если вы уже прочитали «Легенды и мифы Древней Греции» в переложении Н. А. Куна, ответьте на вопрос: «Какие сказания в этой книге являются легендами, а какие — мифами?»

низкое, возвышенно-поэтическое и житейски прозаическое. И всё же главное в Одиссее — необъятные возможности и таланты, знания и умения мореплавателя, открывателя новых земель, путешественника, мудреца и воина.

Под стать главным героям и многочисленные античные боги-олимпийцы. В отличие от людей они бессмертны. Гомер идеализирует, приукрашивает их физическую красоту и мудрость, преклоняется перед их могуществом. Олимпийские боги проводят дни, забавляясь, пируя и вкушая нектар и амброзию (напитки богов). Им чуждо добро и законы человеческого общежития. Они находятся вне человеческих представлений. Троянская война, как и любое участие в человеческих делах, не более чем игра, причём часто игра жестокая, приносящая людям мучения, страдания и становящаяся причиной трагедий. Впрочем, и вся человеческая жизнь для богов — игра, а сами они — заинтересованные или незаинтересованные зрители.

Будучи красивыми, сильными и могучими, внутренне они, однако, часто ничтожны: между ними возникают ссоры из-за пустяков. Освещение жизни богов, как и героев, в эпосе Гомера двойственно: восхваление, поклонение и воспевание сочетаются с юмором, смехом, комическими картинками.

Значение поэм Гомера

Гомеровский эпос стал источником многих произведений искусства. Традиции Гомера ощутимы в творчестве Пушкина, Гоголя и Л. Толстого. К ним обращались и обращаются писатели всего мира.

Греческие дети учились читать по «Илиаде». В Греции всегда были люди, знавшие обе поэмы Гомера наизусть. Греческий **ритор**¹ конца I века н. э. Дион Хрисо-

¹ *Ритор* — в Древней Греции и Риме: оратор, а также учитель красноречия.

СТОМ нашёл таких людей в изобилии на краю тогдашнего цивилизованного мира — в греческой колонии Ольвии на берегу Чёрного моря, недалеко от нынешней Одессы.

Эпизоды из «Илиады» и «Одиссеи» становятся сюжетами для греческих художников. Гомеру приписывали разнообразнейшие познания во всех сторонах жизни — от военного искусства до земледелия, — искали в его произведениях советы на любой случай. Древние греки, восхищавшиеся Гомером и подражавшие ему, начали его изучать и комментировать. В 1488 году тексты «Илиады» и «Одиссеи» были впервые напечатаны во Флоренции. За этим изданием последовали многие другие.

Гомер — это начало начал всей литературы. Интерес к поэмам Гомера и их эмоциональное восприятие должны рассматриваться как надёжный признак здоровья всей человеческой культуры.

Несколько слов о содержании поэм Гомера «Илиада» и «Одиссея»

В первых строках «Илиады» Гомер объявляет своё намерение воспеть героя Ахилла, который отличился в Троянской войне, но вместе с тем принёс грекам много бедствий вследствие своей распри с вождём греков Агамемноном. А всё началось с того, что Агамемнон во время одного из набегов взял в плен дочь жреца Хриса из храма Аполлона. Хрис явился к грекам с богатыми дарами и слёзно просил отдать ему дочь, но Агамемнон ответил ему оскорбительным отказом. Тогда Хрис обратился с жалобой к богу Аполлону и молил его отомстить грекам. Аполлон наслал на греков мор, который свирепствовал девять дней. Когда Агамемнон собрал народное собрание, чтобы решить, что делать с войсками, находившимися под Троей, там спросили прорицателя Калханта о причине божьего гнева. Тот объявил,

что Аполлон карает греков за неуважение к Хрису и за отказ отдать ему дочь. Агамемнон не отверг воли Аполлона, но потребовал другой добычи взамен дочери Хриса. Ему возразил Ахилл, и тогда Агамемнон угрожал, что отберёт у него его пленницу Брисеиду. Спорящих разняла и утихомирила богиня Афина. Ахилл не стал защищать Брисеиду с оружием в руках, но в гневе отказался принимать участие в войне, пока грекам не будет угрожать поражение и они не обратятся к Ахиллу за выручкой, принеся Ахиллу богатые дары, чтобы искупить оскорбление. Поступок Ахилла не осуждается, он не объявляется ни предателем, ни дезертиром. Он защищает свою честь и своё достоинство. В конце концов случилось так, что Агамемнон был вынужден направить к Ахиллу послов с предложением о примирении. Но Ахилл непреклонен. Он лишь соглашается отправить на помощь грекам своего друга Патрокла, облачив его в собственные доспехи. Однако Патрокл гибнет от руки Гектора, которому помогает бог Аполлон. Лишь тогда разгневанный и опечаленный Ахилл решает мстить. По просьбе богини Фетиды бог Гефест изготавливает Ахиллу новые доспехи необыкновенной красоты. И здесь Ахилл является во всей своей мощи и во всём своём величии. Троянцы гибнут. Наконец Ахилл убивает их героя — Гектора. Горе отца и родных Гектора смягчает сердце Ахилла, и он выдаёт тело семье. Погребальным плачем над убитым Гектором кончается поэма.

Если в «Илиаде» воспевается один из эпизодов Троянской войны, то в «Одиссее» описывается множество приключений — от скитаний Одиссея до его возвращения на родину, в Итаку. Боги решают, что Одиссеей может вернуться к семейному очагу, о чём Гермес должен сообщить нимфе Калипсо, которая семь лет удерживала героя на своём волшебном острове. Но Гермес не спешил исполнить волю богов. И только когда сыну Одиссея Телемаху не удалось узнать об отце ничего определённого,

Гефест отправился к Калипсо. Так начинаются скитания Одиссея на плоте, который построила ему Калипсо, снарядив его в дорогу. Приключения Одиссея продолжают-ся до того дня, когда он прибывает в Итаку и когда ему удаётся перебить всех назойливых женихов его жены Пенелопы. Однако тревоги не исчезают: родственники же-нихов жаждут мщения. Распри прекращаются с помо-щью богини Афины, и на Итаке наступает мир.

Вопросы и задания

7. Что явилось истоком поэм Гомера «Илиада» и «Одис-сея»?
2. Кому принадлежат самые лучшие переводы поэм «Илиада» и «Одиссея»? Познакомьтесь самостоятельно с поэмами Гомера.
3. Какие события легли в основу этих поэм?
4. Расскажите о главных героях поэм — Ахилле и Одис-сее.
5. Чем отличаются античные боги-олимпийцы от людей в изображении Гомера?
6. Подготовьте выразительное чтение отрывка из поэмы (на выбор).

ИЛИАДА

Песнь восемнадцатая

Изготовление оружия

Отрывок из песни

Перевод с древнегреческого В. В. Вересаева

(Мать Ахилла, богиня Фетида, просит бога огня и куз-нечного ремесла Гефеста изготовить для сына оружие и доспехи. Гефест исполняет просьбу Фетиды.)

В первую очередь выковал щит он
огромный и крепкий,
Всюду его изукрасив; по краю же выковал
обод

«Илиада». Художник Д. Бисти

Множество граждан толпилось на площади
города. Тяжба
Там меж двоих из-за **пени**¹ была за
убитого мужа.
Клялся один пред народом, что всё уже
отдал другому,
500 Тот отрицал, чтоб хоть что получил
от убийцы в уплату.
Оба они обратились к судье за решением
дела.
Криками каждый кругом своему приходил
на поддержку.
Вестники их успокоить старались.
На тёсанных камнях

¹ **Пени** — штраф за убийство.

В круге священном сидели старейшины
рядом друг с другом.
505 В руку жезлы принимали от вестников
звонкоголосых,
Быстро вставали и суд свой один за другим
изрекали.
Два золотые пред ними **таланта**¹ лежали
в середине,
Чтобы тому передать их, кого они правым
признают.
Город второй с обеих сторон осаждали два
войска,
510 Ярко блистая оружием. В решение они
колебались:
Или весь город разрушить, иль, сколько
богатства хранится
В городе этом прелестном, на две
разделить половины.
Те не сдавались ещё и готовились к тайной
засаде.
Стену, стоя на ней, охраняли их милые

515 Дети, также мужчины, которыми старость
владела,
Сами ж пошли. Во главе их — **Арес**²
и Паллада **Афина**³,
Оба из золота и в золотые одеты одежды,
Оба в оружие, — большие, прекрасные;
истинно — боги!
Ясно заметные, люди вокруг были ниже
намного.

520 К месту пришли, где всего им удобней
казалась засада:

Талант — золотая монета.

² *Арёс* (Арей) — бог войны, сын Зевса и Геры.

³ *Афи́на Паллада* — одно из главных божеств Древней Греции. Богиня мудрости и справедливой войны.

На берегу у реки, где обычно скотину
 поили.
 Там они сели на землю, блестящей одетые
 медью.
 Двое лазутчиков спереди сели, отдельно от
 войска,
 И выжидали прихода овец и коров
 тяжконогих.
 525 Вскоре они показались; свирелью себя
 услаждая,
 Гнали спокойно их два пастуха,
 не предвидя коварства.
 Те же, едва увидав, устремились на них из
 засады
 И захватили коровьи стада и густые отары
 Сереброрунных овец, а их пастухов
 перебили.
 530 В стане, едва услышала смятение и шум
 возле стада
 Стража, стерёгшая площадь, тотчас
 на коней быstroногих
 Все повскакали, помчались и, берега
 быстро достигнув,
 К битве построились возле реки
 и в сражение вступили.
 Яро метали друг в друга блестящие медные
 копья.
 535 Там и Смятение, и Распри теснились,
 и грозная Кера¹;
 Раненых жадно хватала она, и не раненых
 также,
 За ноги трупы убитых из битвы свирепой
 тащила;
 Кровью людскою вокруг плеч одежда
 её обагралась.

¹ *Kéra* — демоническое существо, несущее смерть.

Воины в свалке, как будто живые,
теснились и бились,

Мягкую новь он представил ещё,
плодородную пашню,

Гнало парные плуги, ведя их туда
и обратно;

545 В руки немедля им кубок вина, веселящего
сердце.

Борозду дальше, чтоб снова к меже
подойти поскорее.

И походило на пашню, — такое он диво представил.

550 Далее царский участок представил
художник искусный.

Горсти колосьев одни — непрерывно там
падали наземь.

Трое вязальщиков возле стояли.
Им мальчишки сзади,

555 Спешно собирая колосья, охапками их
ПОДНОСИЛИ.

Царь молчаливо стоял с великою радостью
 в сердце.
 Вестники пищу поодадь под тенью
 готовили дуба;
 В жертву быка заколов, вокруг него
 суетились; а жёны
 560 Белое тесто месили к обеду работникам
 поля.
 И виноградник с тяжёлыми гроздьями там
 он представил,
 Весь золотой, лишь одни виноградные
 кисти чернелись.
 Из серебра были колья повсюду натканы
 густо;
 Чёрный ров по бокам; окружён оловянной
 оградой
 565 Сад; чрез средину одна пролегает
 тропинка, которой
 Ходят носильщики в пору, когда виноград
 собирают.
 Девы и юноши там в молодом, беззаботном
 веселье
 Сладостный плод уносили в прекрасно
 сплетённых корзинах.
 Мальчик, идя между ними,
 на звонкоголосой форминге,
 570 Всех восхищая, играл, воспевая
 прекрасного Лина¹
 Нежным голосом. Те же за мальчиком
 следом спешили,
 С присвистом, с пеньем и с топотом в лад,
 непрерывно танцуя.

¹ *Лин* — прекрасный юноша, рано погибший, олицетворение умирающей и воскресающей природы, растений (лин — по-гречески «лён»).

Сделал потом на щите он и стадо коров
пряморогих;
Были одни золотые, из олова были другие;
575 С громким мычаньем они из загона на луг
выходили
К берегу шумной реки, тростником
поросшему гибким.
Вместе с коровами этими шли пастухи
золотые,
Четверо; девять бежало собак резвоногих
за ними.
Спереди два вдруг ужаснейших льва
напали на стадо
580 И повалили быка; ревел и мычал он
ужасно,
Львами влекомый; собаки и юноши
мчались на помощь;
Оба льва, разорвав на огромном быке его
кожу,
Жадно потрох глотали и чёрную кровь.
Пастухи
Тщетно старались на львов собак
натравить резвоногих;
585 Слушаться их не хотели собаки и львов
не кусали;
Близко подскочут, залают и тотчас назад
убегают.
Пастбище сделал потом в прекрасной
долине художник,
Стадо большое овец белорунных
на пастбище этом,
Крытые там шалаши представил, загоны
и хлевы,
590 Также площадку для плясок представил
хромец обоногий,
Вроде такой, которую в Кносе пространном
когда-то

Для Ариадны ¹ прекрасноволосой Дедал ²
изготовил.

Юноши в хоре и девы, для многих
желанные в жёны,
За руки взявши друг друга, на этой
площадке плясали.
595 Девушки были одеты в легчайшие платья,
мужчины
В тканые прочно хитоны, блестящие
слабо от масла.
Девушки были в прекрасных венках,
а у юношей были
Из серебра ремни, на ремнях же ножи
золотые.
Быстро они на проворных ногах в хороводе
кружились
600 Так же легко, как в станке колесо под
рукою привычной,
Если горшечник захочет проверить, легко
ли вертится.
Или плясали рядами, одни на других
надвигаясь.
Много народу теснилось вокруг,
восхищаясь прелестным
Тем хороводом. Певец же божественный
пел под формингу,
605 Стоя в кругу хороводном; и только лишь
петь начинал он,
Два скомороха тотчас начинали вертеться
среди круга.

¹ *Ариадна* — дочь Критского царя Мйноса. Помогла герою мифов Тесёю выбраться из лабиринта, дав ему клубок нитей (ариаднина нить).

² *Дедал* — легендарный строитель и художник. Научил людей столярному ремеслу. Дедал дал Ариадне клубок нитей, который помог Тесею выбраться из лабиринта.

И, наконец, на щите этом прочном
по самому краю
Он великую силу реки Океана представил.
После того, как щит он сковал, огромный
и крепкий,
610 Выковал также и панцирь Гефест ему,
ярче, чем пламя;
Крепкий сковал ему шлем, на висках
прилегающий плотно, —
Пёстрый, прекрасный; а гребень на шлеме
из золота сделал.
После ему и поножи из гибкого олова
создал.
Кончив доспехи ковать, знаменитый
хромец обоногий
Взял и сложил их к ногам Ахиллесовой
матери наземь.
Словно сокол, она с многоснежных вершин
олимпийских
Кинулась, ярко блестящий доспех унося
от Гефеста.

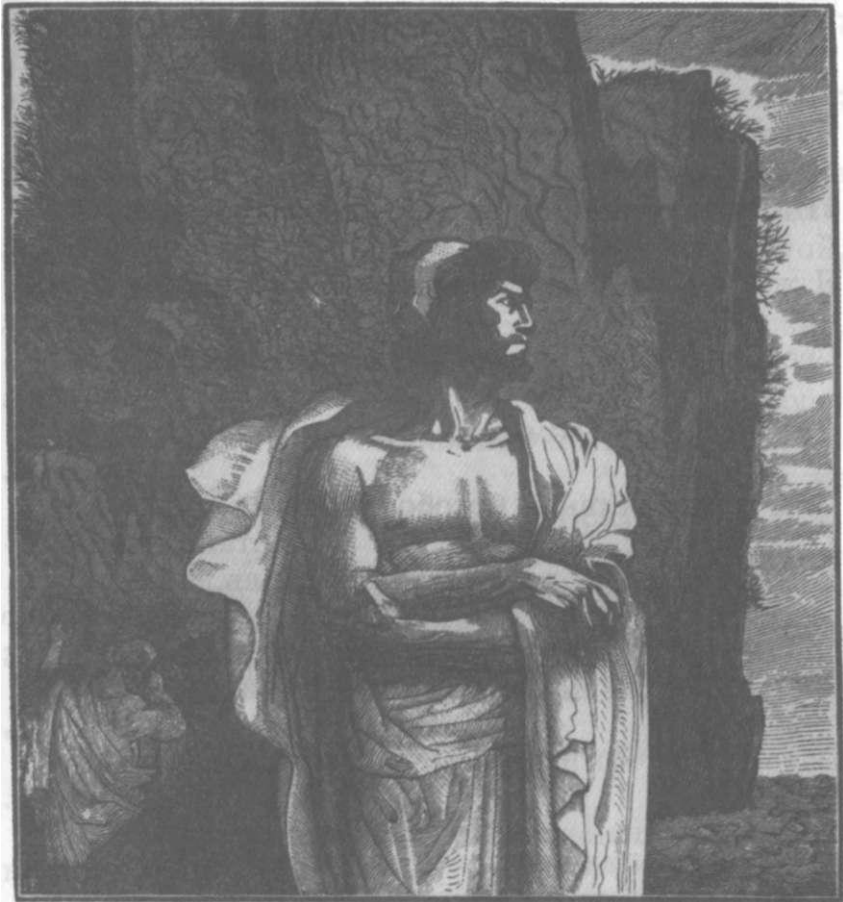
Вопросы и задания

7. В тексте поэмы Гефест, создающий щит для Ахиллеса, называется художником. Согласны ли вы с таким определением мастера?
2. Как представления древних греков о Вселенной отражены на щите Ахиллеса?
3. Сравните описания мирного города, осаждённого неприятелем. Каково отношение автора к картинам мирной жизни и сценам войны? При ответе используйте цитаты из текста поэмы.
Как вы думаете, почему на щите героя Гефест изображает сцены сельского труда и праздничного танца юношей и девушек?

ОДИССЕЯ

Перевод с древнегреческого В. А. Жуковского

Давно кончилась Троянская война, и все участники этого похода либо возвратились на родину, либо погибли в пути, а царь острова Итака Одиссей не может достигнуть родных мест, где он оставил жену — Пенелопу и маленького сына — Телемаха. Десять лет прошло с тех пор, как по совету хитроумного **Одиссея** была взята и разрушена неприступная «священная» Троя. Десять

«Одиссея». Одиссей. Художник Г. Епифанов

лет скитается Одиссей по бесконечным волнам бурного моря, преследуемый грозным богом морей Посейдоном.

Наконец Одиссею удаётся добраться до острова, где живут фиакийцы. Царь Алкиной обещает помочь ему, устраивает в честь гостя пир и просит рассказать о его злоключениях. Вот одно из них.

Одиссей на острове циклопов. Полифем
(в сокращении)

Далее поплыли мы, сокрушённые сердцем,
и в землю
Прибыли сильных, свирепых, не знающих
правды циклопов.
Верных товарищей я на совет пригласил
и сказал им:
«Все вы, товарищи верные, здесь без меня
оставайтесь;
Я же, с моим кораблём и моими людьми
удаляся,
Сведать о том попытаюсь, какой там народ
обитает,
Дикий ли, нравом свирепый, не знающий
правды,
Или приветливый, богобоязненный,
гостеприимный?»
Так я сказал и, вступив на корабль, повелел,
чтоб за мною
Люди мои на него все взошли и канат отвязали;
Люди взошли на корабль и, севши на лавку
у вёсел,
Разом могучими вёслами вспенили тёмные
воды.
К берегу близкому скоро пристав с кораблём,
мы открыли
В крайнем, у самого моря стоявшем утёсе
пещеру,

Густо одетую лавром, просторную, где
собирался
Мелкий во множестве скот; там высокой стеной
из огромных,
Грубо набросанных камней был двор обведён,
и **СТОЯЛИ**
Частым забором вокруг черноглавые дубы
и **СОСНЫ.**
Муж великанского роста в пещере той жил;
ОДИНОКО
Пас он баранов и коз и ни с кем из других не
водился;
Был нелюдим он, свиреп, никакого не ведал
закона;
Видом и ростом чудовищным в страх приводя,
он несходен
Был с человеком, вкушающим хлеб, и казался
лесистой,
Дикой вершиной горы, над другими
воздвигшейся грозно.
Спутникам верным моим повелел я остаться на
береге
Близ корабля и его сторожить неусыпно;
с собой
Взявши двенадцать надёжных и самых
отважных, пошёл я
С ними; и мы запаслися вина драгоценного
полным мехом.
Шагом поспешным к пещере приблизились мы,
но его в ней
Не было; коз и баранов он пас на лугу
недалёком.
Начали всё мы в пещере пространной
осматривать; много
Было сыров в тростниковых корзинах;
в отдельных закутах

Заперты были козлята, барашки, по возрастам
разным в порядке
Там размещённые: старшие с старшими,
средние подле
Средних и с младшими младшие; вёдра и чаши
Были до самых краёв налиты простоквашей
густою.
Спутники стали меня убеждать, чтоб,
запасшись сырами,
Боле я в страшной пещере не медлил, чтоб все
мы скорее,
Взявши в закутах отборных козлят и барашков,
с добычей
Нашей на быстрый корабль убежали и в море
пустились.
Я, на беду, отказался полезный совет их
исполнить;
Видеть его мне хотелось в надежде, что, нас
угостивши,
Даст нам подарок: но встретиться с ним
не на радость нам было.
Яркий огонь разложив, совершили мы жертву;
добывши
Сыру потом и насытив свой голод, остались
в пещере
Ждать, чтоб со стадом в неё возвратился
хозяин. И скоро
С ношею дров, для варенья вечерняя пищи,
явился
Он и со стуком на землю дрова перед входом
пещеры
Бросил; объятые страхом, мы спрятались
в угол; пригнавши
Стадо откормленных коз и волнистых баранов
к пещере,
Маток в неё он впустил, а самцов, и козлов
и баранов,

Прежде от них отделив, на дворе перед входом
оставил.
Кончив, чтоб вход заградить, несказанно
великий с земли он
Камень, который и двадцать два воза
четыреколёсных
С места б не сдвинули, поднял: подобен скале
необъятной
Был он; его подхвативши и вход им пещеры
задвинув,
Сел он и маток доить принялся надлежащим
порядком,
Коз и овец; подоив же, под каждую матку её он
Клал сосуна. Половину отлив молока
в плетеницы,
В них он оставил его, чтоб оно огустело для
сыра;
Всё ж молоко остальное разлил по сосудам,
чтоб после
Пить по утрам иль за ужином, с пажити стадо
пригнавши.
Кончив с заботливым спехом работу свою,
наконец он
Яркий огонь разложил, нас увидел и грубо
сказал нам:
«Странники, кто вы? Откуда пришли водяною
дорогой?
Дело ль какое у вас? Иль без дела скитаетесь
всюду,
Взад и вперёд по морям, как добычники
вольные, мчась,
Жизнью играя своей и беды приключая
народам?»
Так он сказал нам; у каждого замерло милое
сердце:
Голос гремющий и образ чудовища в трепет
привёл нас.

Но, ободрясь, напоследок отвечал так я
циклопу:
«Все мы ахейцы; плывём от далёкия Трои;
сюда же
Бурею нас принесло по волнам беспредельного
моря.
В милую землю отцов возвращаясь, с прямого
пути **МЫ**
Сбились; так было, конечно, угодно могучему
Зевсу.
Служим мы в войске Атрида, царя Агамемнона;
он же
Всех земнородных людей превзошёл
несказанною славой,
Город великий разрушив и много врагов
истребивши.
Ныне к коленам припавши твоим, мы тебя
умоляем
Нас, бесприютных, к себе дружелюбно принять
и подарок
Дать нам, каким завсегда на прощанье гостей
наделяют.
Ты же убойся богов; мы пришельцы, мы ищем
покрова;
Мстит за пришельцев отверженных строго
небесный Кронион,
Бог-гостелюбец, священного странника вождь
и **заступник»**.
Так я сказал; с неописанной злостью циклоп
отвечал мне:
«Видно, что ты издалёка иль вовсе безумен,
пришелец,
Если мог вздумать, что я побоюсь иль уважу
бессмертных.
Нам, циклопам, нет нужды ни в божестве Зевесе,
ни в прочих

Ваших блаженных богах, мы породой их всех
знаменителей;
Страх Громовержца Зевеса разгневать меня
не принудит
Вас пощадить; поступлю я, как мне самому то
удобно.
Ты же теперь мне скажи, где корабль,
на котором пришли вы
К нам? Далёко ли иль близко отсюда стоит он?
То ведать
Должен я». Так, искушая, он хитро спросил.
Остерёгшись,
Хитрыми сам я словами отвечал злому
циклопу:
«Бог Посейдон, колебатель земли, мой корабль
уничтожил,
Бросив его недалёко от здешнего берега
на камни
Мыса крутого, и бурное море обломки умчало.
Мне ж и со мною немногим от смерти спастись
удалось». .
Так я сказал и, ответа не дав никакого, он
быстро
Прянул, как бешеный зверь, и, огромные
вытянув руки,
Разом меж нами двоих, как щенят, подхватил
и ударил
Оземь; их череп разбился; обрызгало мозгом
пещеру.
Он же, обоих рассекши на части, из них свой
ужасный
Ужин состряпал и жадно, как лев,
разъяряемый голодом,
Съел их, ни кости, ни мяса куска, ни утроб
не оставив.
Мы, святотатного дела свидетели, руки
со стоном

К **Дию**¹ отцу подымали; наш ум помутился
от скорби.
Чрево наполнив своё человеческим мясом
и свежим
Страшную пищу запив молоком, людоед
беззаботно
Между козлов и баранов на голой земле
растянулся.
Тут подошёл я к нему с дерзновенным
намереньем сердца,
Острый свой меч обнаживши, чудовищу
мстящею медью
Тело в том месте пронзить, где под грудью
находится печень.
Меч мой уж был занесён; но иное на мысли
пришло мне:
С ним неизбежно и нас бы постигнула верная
гибель:
Все совокупно мы были б не в силах от входа
пещеры
Слабою нашей рукою тяжёлой скалы
отодвинуть.
С трепетом сердца мы ждали явления
божественной **Эос**²:
Вышла из мрака молодая с перстами
пурпурными **Эос**.
Встал он, огонь разложил и доить принялся
по порядку
Коз и овец; подоив же, под каждую матку
её он
Клад сосуна; окончивши с заботливым спехом
работу,
Снова из нас он похитил двоих на ужасную
пищу.

¹ **Дий** — одно из имён Зевса.

² **Эос** — богиня утренней зари.

Съев их, он выгнал шумящее стадо из тёмной
пещеры.
Мощной рукой оттолкнувши утёс приворотный,
им двери
Снова он запер, как лёгкою кровлей колчан
запирают.
С свистом погнал он на горное пастбище тучное
стадо.
Я ж, в заключение оставленный, начал
выдумывать средство,
Как бы врагу отомстить, и молил о защите
Палладу.
Вот что, размыслив, нашёл наконец я удобным
и верным:
В козьей закуте стояла дубина циклопова,
свежий
Ствол им обрубленной маслины дикой; его он,
очистив,
Сохнуть поставил в закуту, чтоб после гулять
с ним; подобен
Нам показался он мачте, какая
на многовёсельном,
С грузом товаров моря обтекающем судне
бывает;
Был он, конечно, как мачта длиной, толщиной
и весом.
Взявши тот ствол и мечом от него отрубивши
три локтя,
Выгладить чисто отрубок велел я товарищам;
скоро
Выглажен был он; своею рукою его
заострил я;
После, обжёгши на углях острый конец, мы
поспешно
Кол, приготовленный к делу, зарыли в навозе,
который

Кучей огромной набросан был в смрадной
пещере циклопа.
Кончив, своих пригласил я спутников жеребий
кинуть,
Кто между ними колом обожжённым поможет
пронзить мне
Глаз людоеду, как скоро глубокому сну он
предастся.
Жеребий дал четырёх мне, и самых надёжных,
которых
Сам бы я выбрал, и к ним я пристал
не по жеребью пятый.
Вечером, жирное стадо гоня, людоед
возвратился;
Но, отворивши пещеру, в неё он уж полное
стадо
Ввёл, не оставив на внешнем дворе ни козла,
ни барана
(Было ли в нём подозрение, иль демон его
надоумил).
Снова пещеру задвинул скалой необъятно
тяжёлой,
Сел он и маток доить принялся надлежащим
порядком,
Коз и овец; подоив же, под каждую матку
её он
Клал сосуна. И, окончив работу, рукой
беспощадной
Снова двоих он из нас подхватил
и по-прежнему съел их.
Тут подошёл я отважно и речь обратил
к людоеду,
Полную чашу вина золотого ему предлагая:
«Выпей, циклоп, золотого вина, человечьим
насытись
Мясом; узнаешь, какой драгоценный напиток
на нашем

Одиссей на острове циклопов. Полифем. Художник И. Пчелко

Был корабле; для тебя я его сохранил, уповая
Милость в тебе **обрести:** но свирепствуешь ты
нестерпимо.
Кто же вперёд, беспощадный, тебя посетит
из живущих
Многих людей, о твоих беззаконных поступках
услышав?»
Так говорил я; взяв чашу, её осушил он,
и вкусным
Крепкий напиток ему показался; другой
попросил он
Чаши. «**Налей** мне, — сказал он, — ещё и своё
назови мне

Имя, чтоб мог приготовить тебе я приличный
подарок.
Есть и у нас, у циклопов, роскошных кистей
винограда
Полные лозы, и сам их Кронион дождём
оплождает;
Твой же напиток — амброзия чистая
с нектаром **сладким**».
Так он сказал, и другую я чашу вином
искромётным
Налил. Ещё попросил он, и третью безумцу я
подал.
Стало шуметь огневое вино в голове людоеда.
Я обратился к нему с обольстительно-сладкою
речью:
«Славное имя моё ты, циклоп, любопытствуешь
сведать,
С тем, чтоб, меня угостив, и обычный мне
сделать подарок?
Я называюсь *Никто*; мне такое название дали
Мать и отец, и товарищи так все меня
величают».
С злобной насмешкою мне отвечал людоед
зверонравный:
«Знай же, Никто, мой любезный, что будешь
ты самый последний
Съеден, когда я разделаюсь с прочими; вот мой
подарок».
Тут повалился он навзничь, совсем опьянелый;
и набок
Свисла могучая шея, и всепобеждающей силой
сон овладел им.
Кол свой достав, мы его остриём на огонь
положили;
Тотчас зардел он; тогда я, товарищей
выбранных кликнув,

Их ободрил, чтоб со мною решительны были
в опасном
Деле. Уже начинал **положённый** на уголья
кол наш
Пламя давать, разгоревшись, хотя и сырой был;
поспешно
Вынул его из огня я; товарищи смело с обоих
Стали боков — божество в них, конечно,
вложило отважность;
Кол обхватили они и его остриём
раскалённым
Втиснули спящему в глаз; и, с конца
приподнявши, его я
Начал вертеть, как вертит буравом
корабельный строитель,
Толстую доску пронзая: другие ж ему
помогают, ремнями
Острый бурав обращая, и, в доску вгрызаясь,
ВИЗЖИТ ОН.
Так мы, его с двух боков обхвативши руками,
проворно
Кол свой вертели в пронзённом глазу: облился
он горячей
Кровью; истлели ресницы, шершавые
вспыхнули брови;
Яблоко лопнуло; выбрызгнул глаз, на огне
зашипевши.
Так расторопный ковач, изготовив топор
иль секиру,
В воду металл (на огне раскаливши его, чтоб
двойную
Крепость имел) погружает, и звонко шипит он
в **ХОЛОДНОЙ**
Влаге: так глаз зашипел, остриём раскалённым
пронзённый.
Дико завыл людоед — застонала от воя пещера.

В страхе мы кинулись прочь; с несказанной
 свирепостью вырвав
 Кол из пронзённого глаза, облитый кипучею
 кровью,
 Сильной рукой от себя он его отшвырнул;
 в иступленье
 Начал он криком циклопов сзывать, обитавших
 в глубоких
 Гротах окрест и на горных, лобзаемых ветром,
 вершинах.
 Громкие вопли услышав, отовсюду сбежались
 циклопы;
 Вход обступили пещеры они и спросили:
 «**Зачем** ты
 Созвал нас всех, Полифем? Что случилось? На
что ты
 Сладкий наш сон и спокойствие ночи
 божественной прервал?
 Коз ли твоих и баранов кто дерзко похитил?
 Иль сам ты
 Гибнешь? Но кто же тебя здесь обманом
 иль силою губит?»
 Им отвечал он из тёмной пещеры отчаянно
диким
 Рёвом: «*Никто!* Но своей я оплошностью
 гибну; *Никто* бы
 Силой не мог повредить **мне**». В сердцах
 закричали циклопы:
 «Если никто, для чего же один так ревёшь ты?
 Но если
 Болен, то воля на это Зевеса,
 её не избежнешь.
 В помощь отца своего призови, Посейдона
владыку».

Так говорили они, удаляясь. Во мне же смеялось
 Сердце, что вымыслом имени всех мне спасти
 удалось.

Охая тяжко, с кряхтеньем и стоном ошарив
руками
Стены, циклоп отодвинул от входа скалу,
перед нею
Сел и огромные вытянул руки, надеясь, что
в стаде,
Мимо его проходящем, нас всех переловит;
конечно,
Думал свирепый глупец, что и я был, как он,
без рассудка.
Я ж осторожным умом вымышлял и обдумывал
средство,
Как бы себя и товарищей бодрых избавить
от верной
Гибели; многие хитрости, разные способы
тщетно
Мыслям моим представлялись, а бедствие было
уж близко.
Вот что, по думанье долгом, удобнейшим мне
показалось:
Были бараны большие, покрытые длинною
шерстью,
Жирные, мощные, в стаде; руно их, как шёлк,
волновалось.
Я потихоньку сплетёнными крепкими лыками,
вырвав
Их из рогожи, служившей постелею злому
циклопу,
По три барана связал; человек был подвязан
под каждым
Средним, другими двумя по бокам
защищённый; на каждых
Трёх был один из товарищей наших; а сам я?..
Дебелый,
Рослый, с роскошною шерстью был в стаде
баран; обхвативши

Мягкую спину его, я повис на руках
 под шершавым
Брюхом; а руки (в руно несказанно густое
 впустив их)
Длинною шерстью обвил и на ней терпеливо
 держался.
С трепетом сердца мы ждали явления
 божественной Эос.
Встала из мрака молодая с перстами
 пурпурными Эос:
К выходу все побежали самцы, и козлы
 и бараны;
Матки ж, ещё не доенные, жалко блеяли
 в закутах,
Брызжа из длинных сосцов молоком; господин
 их, от боли
Охая, щупал руками у всех, пробегающих мимо,
Пышные спины; но, глупый, он был угадать
 не способен,
Что у иных под волнистой скрывалось грудью;
 последний
Шёл мой баран; и медлительным шагом он
 шёл, отягчённый
Длинною шерстью и мной, размышлявшим в то
 время о многом.
Спину ощутив его, с ним циклоп разговаривать
 начал:
«Ты ль, мой прекрасный любимец? Зачем же
 пещеру последний
Ныне покинул? Ты прежде ленив и медлителен
 не был.
Первый всегда, величаво ступая, на луг
 выходил ты
Сладкоцветущей травой питаться; ты в полдень
 к потоку
Первый бежал; и у всех впереди возвращался
 в пещеру

Вечером. Ныне ж идёшь ты последний; знать,
чувствуешь сам ты,
Бедный, что око моё за тобой уж не смотрит;
лишён я
Светлого зренья гнусным бродягою; здесь он
вином мне
Ум отуманил; его называют *Никто*; но ещё он
Власти моей не избегнул! Когда бы, мой друг,
говорить **ТЫ**
Мог, ты сказал бы, где спрятался враг
ненавистный; я череп
Вмиг раздробил бы ему и разбрызгал бы мозг
по пещере,
Оземь ударив его и на части раздёрнув;
ОТМСТИЛ бы
Я за обиду, какую *Никто*, злоковарный
разбойник,
Здесь мне нанёс». Так сказав, он барана пустил
на свободу.
Я ж, недалёко от входа пещеры и внешней
ограды
Первый став на ноги, путников всех отвязал
и немедленно
С ними всё стадо козлов тонконогих и жирных
баранов
Собрал; обходами многими их мы погнали
на взморье
К нашему судну. И сладко товарищам было нас
встретить,
Гибели верной избегших; хотели о милых
погибших
Плакать они; но, мигнув им глазами, чтоб плач
удержали,
Стадо козлов и баранов взвести на корабль наш
немедля
Я повелел: отойти мне от берега в море
хотелось.

Одиссей на острове циклопов. Полифем. Художник И. Пчелко

Люди мои собралися и, севши на лавках
у вёсел,
Разом могучими вёслами вспенили тёмные
воды;
Но, на такое отплыв расстояние, в каком
человечий
Явственно голос доходит до нас, закричал я
циклопу:
«Слушай, циклоп беспощадный, вперёд
беззащитных гостей ты
В гроте глубоком своём не губи и не ешь;
святотатным

Делом всегда на себя навлекаем мы верную
гибель;
Ты, злочестивец, дерзнул иноземцев, твой дом
посетивших,
Зверски сожрать — наказали тебя и Зевес,
и другие
Боги **блаженные**». Так я сказал; он, ужасно
взбешённый,
Тяжкий утёс от вершины горы отломил
и с размаха
На голос кинул; утёс, пролетевши над судном,
в пучину
Рухнул так близко к нему, что его черноострого
носа
Чуть не расшиб; **всколыхал** ося море от падшей
громады;
Хлынув, большая волна побежала стремительно
к берегу;
Схваченный ею, обратно к земле и корабль наш
помчался.

Вопросы и задания

1. Что насторожило Одиссея, когда он увидел пещеру циклопа Полифема? Какие чувства он испытал?
2. Почему Одиссей остался на острове и ждал циклопа? Ведь в этом не было особой нужды?
3. Каким предстал циклоп Полифем перед Одиссеем и его спутниками? Найдите эпитеты и сравнения, характеризующие его.
4. Как встретил циклоп гостей? Какое впечатление произвёл? Прочитайте соответствующие строки.
5. Гомер называет Одиссея «хитроумным», «многострадальным», «постоянным в бедах», «богоравным». Как Одиссей оправдывает это в эпизоде с циклопом Полифемом?
6. Каким предстаёт Одиссей в этом повествовании? Какие его качества особенно подчёркиваются?

7. Что общего у Одиссея с Гераклом и чем эти герои отличаются друг от друга?
 8. Каково отношение автора к своему герою?
 9. Обратите внимание на некоторые повторения, которые встречаются в тексте поэмы, например: «С трепетом сердца мы ждали явления божественной Эос: Вышла из мрака молодая с перстами пурпурными Эос». Найдите другие примеры повторений и постарайтесь объяснить их роль.
 10. Мифом или легендой можно назвать рассказ о приключениях Одиссея?
 11. Выберите отрывок и подготовьте его для выразительного чтения.
-

Литература и другие виды искусства

7. Подготовьте устный рассказ по одной из иллюстраций к эпизоду «Одиссей у циклопа Полифема». Обратите особое внимание на внутреннее напряжение героев, их чувства и переживания.
 2. Какие кинофильмы, телефильмы, мультфильмы на тему поэмы Гомера «Одиссея» вам известны? Какие из них произвели на вас впечатление?
-

Мигель де Сервантес
Сааведра

1547-1616

Мигель де Сервантес Сааведра — великий писатель-гуманист эпохи Возрождения.

Сервантес родился в семье лекаря из обедневшего дворянского рода. Нужда и заботы преследовали будущего писателя с детства. Постоянная бедность заставляла Сервантеса странствовать, чтобы добыть средства к существованию. Несмотря на бродяжническую жизнь, Сервантес сумел закончить иезуитскую школу в Вальядолиде, а завершил своё образование в Мадриде. Едва закончив учение, он был завербован в солдаты и участвовал в войне против турок. Сражение у бухты Лепандо навсегда осталось в памяти Сервантеса: многочисленные раны и простреленная левая рука, которая перестала действовать, сделали Сервантеса инвалидом, в армии ему больше не было места. В то время будущему писателю было всего 24 года. Вместе со своим братом Родриго он вынужден был возвратиться на родину, но в Средиземном море братья были захвачены морскими разбойниками-корсарами и увезены в Алжир. Несколько раз Сервантес пытался бежать, но эти попытки закончились неудачей. Жесток и беспощаден был правитель Алжира Гасан-Паша, но сухорукий пленник внушал ему невольное уважение: безрассудная храбрость и дерзость пленного солдата говорили о его несокрушимой воле.

Пять лет провёл в рабстве Сервантес, пока его семья каждодневными стараниями и унижениями не ско-

пила сумму, необходимую для его выкупа. В 1580 году Сервантес возвратился в Испанию. Чтобы как-то вырваться из нужды, он пробует свои силы в литературном творчестве и по возвращении из плена пишет пасторальный роман «Галатея» (1585). Однако этот роман не принёс Сервантесу ни большой литературной славы, ни денег, и он был вынужден занять государственную должность сборщика налогов. Работа приносила одни неприятности, и в конце концов по чужой вине Сервантес попадает в тюрьму. Здесь он начал работу над романом «Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский» (1605—1615), который сделал его имя бессмертным.

«Дон Кихот» — это пародия на рыцарский роман, своеобразная энциклопедия испанской жизни XVII века. Произведение рассказывает о необыкновенных, но зачастую печальных приключениях разорившегося дворянина Алонсо Кихано, который, начитавшись рыцарских романов, вообразил себя защитником униженных и обездоленных — благородным странствующим рыцарем. Книжный мир рыцарских романов сливается для Дон Кихота с действительностью, которую он абсолютно не может понять. И невольно задаёшься вопросом: «Кто же безумен? Дон Кихот или мир, его окружающий?» В странных, порой нелепых поступках Дон Кихота проявляется гораздо больше человечности, гуманности и благородства, чем в поступках многих других «разумных» персонажей романа.

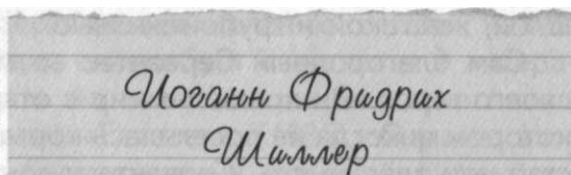
Воображение Дон Кихота претворяло всё, что он видел, в фантастическое рыцарское царство волшебников и принцесс: ветряные мельницы ему представляются злыми великанами, постоялый двор — величественным замком, а служанки — принцессами. Порой Дон Кихот кажется смешным и жалким в своей наивности и беззащитности. Но только человек без сердца может посмеяться или не понять этого милого пожилого господина, вся трагедия которого заключалась в том, что книжные

идеалы справедливости не имели ничего общего с прошлой, жестокой и грубой жизнью.

Сам благородный Сервантес во многом напоминал своего героя. Он пришёл в мир с открытым сердцем, в котором никогда не поселялась корысть, недоброе чувство или злая мысль. Сервантесу понадобились долгие годы, тягчайшие испытания, мучительные крушения надежд, чтобы увидеть подлинную Испанию. Но когда в апреле 1616 года в Мадриде, на улице Леон, в возрасте 69 лет умирал этот удивительный человек, немногие из его друзей, пришедших проститься с великим писателем, с горечью говорили, что умирает последний рыцарь и совесть Испании. Пусть современники и не понимали глубокого социального и философского содержания романа — им было просто смешно, но до сих пор нас глубоко трогает и восхищает бескорыстный энтузиазм донкихотства.

Вопросы и задания

1. Вам необходимо прочитать роман «Дон Кихот» целиком и подумать над тем, почему перед смертью Сервантеса о нём говорили, что умирает последний рыцарь и совесть Испании.
2. О чём этот роман? Кто его главный герой и что в его поступках так восхищает читателей (бескорыстие, доброта, сострадание и т. д.)?
3. Расскажите о злоключениях рыцаря. Каким он предстаёт в различных ситуациях и какими оказываются люди, с которыми он встречается в пути?
4. Как помогает особый мир души героя разглядеть отрицательные черты окружающей его действительности и невидимую другим людям красоту?

Иоганн Фри
1759 - 1805

Шиллер родился в семье полкового лекаря. В детстве его отдали в закрытое учебное заведение — Военную академию, основанную герцогом Вюртембергским. Целью Академии было воспитание покорных слугителей трону. Много лет провёл Шиллер на этой «плантации рабов». Отсюда он вынес жгучую ненависть к деспотизму и любовь к свободе. По окончании Академии, где он изучал медицину, Шиллер вынужден был принять должность врача в военном гарнизоне, но не оставлял мечты посвятить себя литературе. Написанную ещё в Академии пьесу «Разбойники» в 1782 году приняли для постановки в известном в то время Мангеймском театре. Шиллеру очень хотелось побывать на премьере своей пьесы, но он заранее знал, что в отпуске ему откажут, и поэтому тайно отправился в Мангейм, который был неподвластен герцогу Вюртембергскому. За нарушение устава гарнизонной службы Шиллер отсидел две недели в заключении. Здесь он принял окончательное решение в отношении своей дальнейшей судьбы. В осеннюю ночь 1782 года он тайно покидает герцогство, чтобы никогда туда более не возвращаться. С этого времени начинаются годы скитаний, лишений, нужды, но в то же время годы, наполненные упорным литературным трудом. В ранний период своего творчества Шиллер создаёт произведения, наполненные протестом против произвола и тирании.

Летом 1799 года странствия писателя заканчиваются: он переезжает на постоянное жительство в Веймар, ставший крупнейшим культурным центром Германии. В Веймаре Шиллер усиленно занимается историей, философией, эстетикой, пополняя знания, которых, как он чувствовал, ему не хватало. Со временем Шиллер становится одним из образованнейших людей своей эпохи и в течение долгого времени даже преподаёт историю в одном из крупнейших немецких университетов.

Шиллер оставил богатое творческое наследие. Это и лирические, и философские стихотворения, и баллады, которые особенно высоко ценили Пушкин и Лермонтов. Но, безусловно, самое главное дело его жизни — это драматургия. Ранние драмы «Разбойники» и «Коварство и любовь» (1784) сразу завоевали любовь зрителей. А исторические драмы «Дон Карлос» (1787), «Мария Стюарт» (1801), «Орлеанская дева» (1801), «Вильгельм Телль» (1804) принесли ему европейскую славу.

Балладу «Перчатка» Шиллер назвал рассказом, потому что он написан не в балладной форме, а в форме повествования. Жуковский включил его в число повестей, критик В. Г. Белинский считал его балладой.

«Перчатка» была переведена Лермонтовым в 1829 году, напечатана в 1860 году, Жуковским — в 1831 году.

ПЕРЧАТКА

Вельможи толпою стояли
И молча зрелища ждали;
Меж них сидел
Король величаво на троне:
Кругом на высоком балконе
Хор дам прекрасный блестел.

Вот царскому знаку внимают.
Скрипучую дверь отворяют,

И лев выходит степной
Тяжёлой стопой.
И молча вдруг
Глядит вокруг.
Зевая лениво,
Трясёт жёлтой гривой
И, всех обозрев,
Ложится лев.
И царь махнул снова,
И тигр суровый
С диким прыжком
Взлетел опасный,
И, встретясь с львом,
Завыл ужасно;
Он бьёт хвостом,
Потом
Тихо владельца обходит,
Глаз кровавых не **сводит...**
Но раб пред владыкой своим
Тщетно ворчит и злится

И невольно ложится
Он рядом с **НИМ**.
Сверху тогда упади
Перчатка с прекрасной руки
Судьбы случайной игрою
Между враждебной четою.

И к рыцарю вдруг своему обратясь,
Кунигунда сказала, лукаво смеясь:
«Рыцарь, пытаться я сердца люблю.
Если сильна так любовь у вас,
Как вы твердите мне каждый час,
То подымите перчатку мою!»

И рыцарь с балкона в минуту бежит
И дерзко в круг он вступает,

На перчатку меж диких зверей он глядит
И смелой рукой подымает.

И зрители в робком вокруг ожиданье,
Трепеща, на юношу смотрят в молчанье.
Но вот он перчатку приносит назад,
Отовсюду хвала вылетает,
И нежный, пылающий взгляд —
— Недального счастья заклад —
С рукой девицы героя встречает.
Но досадой жестокой пылая в огне,
Перчатку в лицо он ей кинул:
«Благодарности вашей не надобно **мне!**» —
И гордую тотчас покинул.

Перевод М. Ю. Лермонтова

ПЕРЧАТКА

Перед своим зверинцем,
С баронами, с наследным принцем,
Король Франциск сидел;
С высокого балкона он глядел
На поприще, сраженья ожидая;
За королём, обворожая
Цветущей прелестию взгляд,
Придворных дам являлся пышный ряд.
Король дал знак рукою —
Со стуком растворилась дверь:
И грозный зверь
С огромной **ГОЛОВОЮ**,
Косматый лев
Выходит,
Кругом глаза угрюмо водит;
И вот, всё оглядев,
Наморщил лоб с осанкой горделивой,
Пошевелил густою гривой,

«Перчатка». *Художник Б.Дехтерёв*

И потянулся, и зевнул,
И лёг. Король опять рукой махнул —
Затвор железной двери грянул,
И смелый тигр из-за решётки прятнул;
Но видит льва, робеет и ревёт,
Себя хвостом по рёбрам бьёт,
И крадется, косясь взглядом,
И лижет морду языком.
И, обошедши льва кругом,

Рычит и с ним ложится рядом.
И в третий раз король махнул рукой —
Два барса дружною четой
В один прыжок над тигром очутились;
Но он удар им тяжелой лапой дал,
А лев с рыканьем встал...
Они смирились,
Оскалив зубы, отошли,
И зарычали, и легли.

И гости ждут, чтоб битва началась.
Вдруг женская с балкона сорвалась
Перчатка... все глядят за ней...
Она упала меж зверей.
Тогда на рыцаря Делоржа с лицемерной
И колкою улыбкою **глядит**
Его красавица и говорит:
«Когда меня, мой рыцарь верной,
Ты любишь так, как говоришь,
Ты мне перчатку **возвратишь**».

Делорж, не отвечав ни слова,
К зверям идёт,
Перчатку смело он берёт
И возвращается к собранью снова,
У рыцарей и дам при дерзости такой
От страха сердце помутилось;
А витьязь молодой,
Как будто ничего с ним не случилось,
Спокойно всходит на балкон;
Рукоплесканьем встречен он;
Его приветствуют красавицыны взгляды...
Но, холодно приняв привет её очей,
В лицо перчатку ей
Он бросил и сказал: «Не требую награды».

Перевод В. А. Жуковского

Вопросы и задания

1. Итак, перед вами баллада Шиллера «Перчатка». Мы предлагаем вам прочитать и сравнить два перевода, сделанные В. Жуковским и М. Лермонтовым. Какой из переводов легче читается? В каком из них ярче выражена мысль игры жизнью человека и более резко и выразительно прозвучал ответ рыцаря?
 2. Чего хотела красавица? Почему так оскорблён ею рыцарь?
 3. Как видим, по-разному определялся жанр этого произведения. Как бы вы назвали «Перчатку» — балладой, повестью, рассказом? Повторите определения этих жанров по словарю литературоведческих терминов.
 4. Подготовьте выразительное чтение переводов Жуковского и Лермонтова.
-

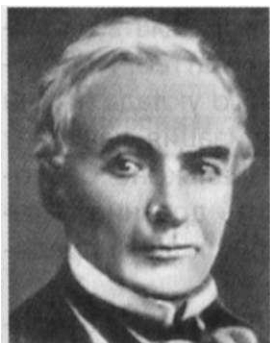
Фонохрестоматия

СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ

И. Ф. Шиллер. «Перчатка»

1. На восприятие каких событий настраивает музыкальное вступление?
 2. Почему актёр так старательно воспроизводит характер поведения косматого льва, смелого тигра, двух барсов?
 3. Какие черты характера передал актёр, читая слова героини, обращённые к рыцарю?
Подготовьте выразительное чтение баллады. Постарайтесь в своём чтении воспроизвести картину пышности и величия королевского дворца, внешний вид, характер, поведение диких зверей, характеры красавицы и рыцаря.
-

Проспер Мери́ме — выдающийся французский писатель-реалист, мастер новеллы — родился в Париже, в семье художника Жана Франсуа Леонора. Писатель получил прекрасное и разностороннее образование; ещё в период ученичества он стал заниматься литературным трудом, много писал и переводил. Первое известное сочинение Мери́ме — сборник пьес «Театр Клары Гасуль». Изображая в пьесах испанские нравы, Мери́ме критиковал современную действительность.

В 20-е годы во Франции большую популярность получает исторический жанр. Великие события, пережитые страной, пробудили интерес к прошлому, стремление извлечь из него полезные уроки для настоящего. Среди исторических произведений этого времени особенно выделяется драма «Жакерия» и роман «Хроника царствования Карла IX».

В конце 20-х годов Мери́ме обращается к жанру новеллы, ставшему самым популярным в его творчестве. Именно эти небольшие и изящные произведения принесли Мери́ме наивысшую славу и популярность.

В новеллах писатель, как правило, рисует какой-либо яркий эпизод, раскрывающий необычный, сильный характер героя. Такова цыганка Кармен, предпочитающая смерть потере личной независимости, таков вождь африканского племени Таманго, таков и корсиканец Маттео Фальконе из одноимённой новеллы. Герой новеллы убивает собственного сына за подлую корысть, которая по-

будила мальчика нарушить обычаи гостеприимства и выдать полиции бандита, скрывающегося у Маттео. Простота и человечность патриархально-родового уклада жизни несовместимы с предательством. Цивилизация начинает разрушать вековые устои, и суровый Фальконе беспощадно казнит сына, посмевшего нарушить древние законы и традиции. Его сын был первым и последним предателем в их роде.

После революции во Франции в 1848 году литературная активность Мериме пошла на убыль.

Мериме был назначен сенатором и награждён орденом. Но писатель так и не нашёл покоя и удовлетворения, его мечтам не суждено было сбыться. Последние двадцать лет жизни он почти не писал. Стареющий, больной Мериме видел, что дело идёт к новой социальной катастрофе. После падения империи Мериме бежал из восставшего Парижа в Канн, где вскоре и умер.

Мериме знал русский язык, русскую литературу, занимался переводами Пушкина, Гоголя, Тургенева, писал статьи о творчестве русских писателей.

Мериме написал множество новелл. Самые знаменитые из них «Маттео Фальконе», «Венера Илльская», «Коломбо», «Арсена Гийо», «Кармен», «Голубая комната», «Локис». На сюжет новеллы «Кармен» французский композитор Жорж Бизе написал гениальную оперу, обошедшую сцены крупнейших театров мира, в том числе и Большого театра в Москве, и до сих пор входящую в оперный репертуар.

Новеллы Мериме давно стали достоянием мировой культуры. Они принадлежат к её лучшим и вечно живым образцам.

Вопросы и задания

7. Какие произведения Мериме вы читали? Слушали ли вы оперу Бизе «Кармен»? Какое впечатление она на вас произвела?

2. Прочитайте новеллу Мериме «Маттео Фальконе». Расскажите о нравах корсиканцев. Какой общественно-бытовой уклад изобразил Мериме? Какова сила традиций в корсиканской среде?
-

МАТТЕО ФАЛЬКОНЕ

Если пойти на северо-запад от Порто-Веккьо ¹ в глубь острова, то местность начнёт довольно круто подниматься, и после трёхчасовой ходьбы по извилистым тропкам, загромождённым большими обломками скал и кое-где пересечённым оврагами, выйдешь к обширным зарослям *маки*. *Маки́*— родина корсиканских пастухов и всех, кто не в ладах с правосудием. Надо сказать, что корсиканский земледелец, не желая брать на себя труд унавоживать своё поле, выжигает часть леса: не его забота, если огонь распространится дальше, чем это нужно; что бы там ни было, он уверен, что получит хороший урожай на земле, удобренной золой сожжённых деревьев. После того как колосья собраны (солому оставляют, так как её трудно убирать), корни деревьев, оставшиеся в земле нетронутыми, пускают на следующую весну частые побеги; через несколько лет они достигают высоты в семь-восемь футов. Вот эта-то густая поросль и называется *маки*. Она состоит из самых разнообразных деревьев и кустарников, перепутанных как попало. Только с топором в руке человек может проложить в них путь; а бывают *маки* такие густые и непроходимые, что даже *муфлоны* ² не могут пробраться **СКВОЗЬ НИХ**.

¹ *Порто-Веккьо* — город и порт на юго-восточном побережье Корсики.

² *Муфлоны* — порода диких баранов.

Если вы убили человека, бегите в *маки* Порто-Веккьо, и вы проживёте там в безопасности, имея при себе доброе ружьё, порох и пули; не забудьте прихватить с собой коричневый плащ с капюшоном — он заменит вам и одеяло и подстилку. Пастухи дадут вам молока, сыра и каштанов, и вам нечего бояться правосудия или родственников убитого, если только не появится необходимость спуститься в город, чтобы пополнить запасы пороха.

Когда в 18.. году я посетил Корсику, дом Маттео Фальконе находился в полумиле от этого *маки*. Маттео Фальконе был довольно богатый человек по тамошним местам; он жил честно, то есть ничего не делая, на доходы от своих многочисленных стад, которые пастухи-кочевники пасли в горах, перегоняя с места на место. Когда я увидел его два года спустя после того происшествия, о котором я намереваюсь рассказать, ему нельзя было дать более пятидесяти лет. Представьте себе человека небольшого роста, но крепкого, с вьющимися чёрными как смоль волосами, орлиным носом, тонкими губами, большими живыми глазами и лицом цвета невыделанной кожи. Меткость, с которой он стрелял из ружья, была необычной даже для этого края, где столько хороших стрелков. Маттео, например, никогда не стрелял в муфлона дробью, но на расстоянии ста двадцати шагов убивал его наповал выстрелом в голову или в лопатку — по своему выбору. Ночью он владел оружием так же свободно, как и днём. Мне рассказывали о таком примере его ловкости, который мог бы показаться неправдоподобным тому, кто не бывал на Корсике. В восьмидесяти шагах от него ставили зажжённую свечу за листом прозрачной бумаги величиной с тарелку. Он прицеливался, затем

свечу тушили, и спустя минуту в полной темноте он стрелял и три раза из четырёх пробивал бумагу.

Такое необыкновенно высокое искусство доставило Маттео Фальконе большую известность. Его считали таким же хорошим другом, как и опасным врагом; впрочем, услужливый для друзей и щедрый к бедным, он жил в мире со всеми в округе Порто-Веккьо. Но о нём рассказывали, что в Корте откуда он взял себе жену, он жестоко расправился с соперником, который слыл за человека опасного, как на войне, так и в любви; по крайней мере, Маттео приписывали выстрел из ружья, который настиг соперника в ту минуту, когда тот брился перед зеркальцем, висевшим у окна. Когда эту историю замяли, Маттео женился. Его Джузеппа родила ему сначала трёх дочерей (что приводило его в ярость) и наконец сына, которому он дал имя **Фортуна-то**², — надежду семьи и продолжателя рода. Дочери были удачно выданы замуж: в случае чего отец мог рассчитывать на кинжалы и карабины зятьёв. Сыну исполнилось только десять лет, но он подавал уже большие надежды.

Однажды ранним осенним утром Маттео с женой отправились в *маки* поглядеть на свои стада, которые паслись на прогалине. Маленький **Фортунато** хотел идти с ними, но пастбище было слишком далеко, кому-нибудь надо было остаться стеречь дом, и отец не взял его с собой. Из дальнейшего будет видно, как ему пришлось в том раскаяться.

Прошло уже несколько часов, как они ушли; маленький **Фортунато** спокойно лежал на самом

¹ *Корте* — город в центре Корсики.

² *Фортунато* — счастливчик.

солнцепёке и, глядя на голубые горы, думал, что в будущее воскресенье он пойдёт обедать в город к своему дяде *caporale*¹, как вдруг его размышления были прерваны ружейным выстрелом. Он вскочил и повернулся в сторону равнины, откуда донёсся этот звук. Снова через неравные промежутки времени слышались выстрелы, всё ближе и ближе; наконец на тропинке, ведущей от равнины к дому Маттео, показался человек, покрытый лохмотьями, обросший бородой, в остроконечной шапке, какие носят горцы. Он с трудом передвигал ноги, опираясь на ружьё. Его только что ранили в бедро.

Это был бандит², который, отправившись ночью в город за порохом, попал в засаду корсиканских вольтижёров³. Он яростно отстреливался и в конце концов сумел спастись от погони, прячась за уступы скал. Но он не намного опередил солдат: рана не позволила ему добежать до маки.

Он подошёл к Фортунато и спросил:

— Ты сын Маттео Фальконе?

— Да.

— Я Джаннетто Санпьери. За мной гонятся жёлтые воротники⁴. Спрячь меня, я не могу больше идти.

ИЗДАТЕЛЬСТВО

¹ *Caporale* — капрал. Капралами прежде назывались предводители, которых выбирали корсиканские коммуны, восставшие против феодальных сеньоров. В настоящее время так иногда называют человека, который благодаря своим владениям, связям и обширной клиентуре пользуется влиянием и обладает своего рода судебной властью в кантоне.

² *Бандит* — здесь: скрывающийся преступник.

³ *Вольтижёры* — отряды стрелков, в те времена набираемые правительством для того, чтобы они заодно с жандармами помогали полиции.

⁴ *Жёлтые воротники* — в то время вольтижёры носили коричневые мундиры с жёлтыми воротниками.

— А что скажет отец, если я спрячу тебя без его разрешения?

— Он скажет, что ты хорошо сделал.

— Как знать!

— Спрячь меня скорее, они идут сюда!

— Подожди, пока вернётся отец.

— Ждать? Проклятье! Да они будут здесь через пять минут. Ну же, спрячь меня скорее, а не то я убью тебя!

Фортунато ответил ему с полным хладнокровием:

— Ружьё твоё разряжено, а в твоей *carchera*¹ нет больше патронов.

— При мне кинжал.

— Где тебе угнаться за мной!

Одним прыжком он очутился вне опасности.

— Нет, ты не сын Маттео Фальконе! Неужели ты позволишь, чтобы меня схватили возле твоего дома?

Это, видимо, подействовало на мальчика.

— А что ты мне дашь, если я спрячу тебя? — спросил он, приближаясь.

Бандит пошарил в кожаной сумке, висевшей у него на поясе, и вынул оттуда пятифранковую монету, которую он, вероятно, припрятал, чтобы купить пороху. Фортунато улыбнулся при виде серебряной монеты; он схватил её и сказал Джаннетто:

— Не бойся ничего.

Тотчас же он сделал большое углубление в копне сена, стоявшей возле дома. Джаннетто свернулся в нём клубком, и мальчик прикрыл его сеном так, чтобы воздух проникал туда и ему было чем дышать. Никому бы и в голову не при-

¹ *Carchera* — кожаный пояс, заменяющий патронташ и сумку.

шло, что в копне кто-то спрятан. Кроме того, с хитростью дикаря он придумал ещё одну уловку. Он притащил кошку с котятами и положил её на сено, чтобы казалось, будто его давно уже не ворошили. Потом, заметив следы крови на тропинке у дома, он тщательно засыпал их землёй и снова как ни в чём не бывало растянулся на солнцепёке.

Несколько минут спустя шестеро стрелков в коричневой форме с жёлтыми воротниками под командой сержанта уже стояли перед домом **Маттео**. Этот сержант приходился дальним родственником Фальконе. (Известно, что на Корсике более чем где-либо считаются с **родством**.) Его звали Теодоро Гамба. Это был очень деятельный человек, гроза бандитов, которых он переловил немало.

— Здорово, племянничек! — сказал он, подходя к **Фортуна**то. — Как ты вырос! Не проходил ли тут кто-нибудь сейчас?

— Ну, дядя, я ещё не такой большой, как вы! — ответил мальчик с простодушным видом.

— Подрастёшь! Ну, говори же: тут никто не проходил?

— Проходил ли здесь кто-нибудь?

— Да, человек в остроконечной бархатной шапке и в куртке, расшитой красным и жёлтым.

— Человек в остроконечной бархатной шапке и куртке, расшитой красным и жёлтым?

— Да. Отвечай скорее и не повторяй моих вопросов.

— Сегодня утром мимо нас проехал священник на своей лошади **Пьеро**. Он спросил, какживает отец, и я ответил ему...

— Ах, шельмец! Ты хитришь! Отвечай скорее, куда девался **Джаннетто**, мы его ищем. Он прошёл по этой тропинке, я в этом уверен.

— Почём я знаю?

— Почём ты знаешь? А я вот знаю, что ты его видел.

— Разве видишь прохожих, когда спишь?

— Ты не спал, плут! Выстрелы разбудили тебя.

— Вы думаете, дядюшка, что ваши ружья так громко стреляют? Отцовский карабин стреляет куда громче.

— Чёрт бы тебя побрал, проклятое отродье! Я уверен, что ты видел Джаннетто. Может быть, даже спрятал его. Ребята! Входите в дом, поищите там нашего беглеца. Он ковылял на одной лапе, а у этого мерзавца слишком много здравого смысла, чтобы попытаться дойти до *маки* хромая. Да и следы крови кончаются здесь.

— А что скажет отец? — спросил Фортунато насмешливо. — Что он скажет, когда узнает, что без него входили в наш дом?

— Мошенник! — сказал Гамба, хватая его за ухо. — Стоит мне только захотеть, и ты запоёшь по-иному! Следует, пожалуй, дать тебе десятка два ударов саблей плашмя, чтобы ты наконец заговорил.

А Фортунато продолжал посмеиваться.

— Мой отец — Маттео Фальконе! — сказал он значительно.

— Знаешь ли ты, плутишка, что я могу увезти тебя в Корте или в **Бастию**¹, бросить в тюрьму на солому, заковать в кандалы и отрубить голову, если ты не скажешь, где Джаннетто Санпьери?

Мальчик расхохотался, услышав такую смешную угрозу. Он повторил:

— Мой отец — Маттео Фальконе.

— Сержант! — тихо сказал один из вольтижёров. — Не надо ссориться с Маттео.

Ба́стия — город и порт на северо-восточном побережье Корсики.

Гамба был явно в затруднении. Он вполголоса переговаривался с солдатами, которые успели уже осмотреть весь дом. Это заняло не так много времени, потому что жилище корсиканца состоит из одной квадратной комнаты. Стол, скамейки, сундуки, домашняя утварь и охотничьи принадлежности — вот и вся его обстановка. Маленький Фортунато гладил тем временем кошку и, казалось, ехидствовал над замешательством вольтижёров и дядюшки.

Один из солдат подошёл к копне сена. Он увидел кошку и, небрежно ткнув штыком в сено, пожал плечами, как бы сознавая, что такая предосторожность нелепа. Ничто не пошевелилось, лицо мальчика не выразило ни малейшего волнения.

Сержант и его отряд теряли терпение; они уже поглядывали на равнину, как бы собираясь вернуться туда, откуда пришли, но тут их начальник, убедившись, что угрозы не производят никакого впечатления на сына Фальконе, решил сделать последнюю попытку и испытать силу ласки и подкупа.

— Племянник! — проговорил он. — Ты, кажется, славный мальчик. Ты пойдёшь далеко. Но, чёрт побери, ты ведёшь со мной дурную игру, и, если б не боязнь огорчить моего брата Маттео, я увёл бы тебя с собой.

— Ещё чего!

— Но когда Маттео вернётся, я расскажу ему всё, как было, и за твою ложь он хорошенько выпорот тебя.

— Посмотрим!

— Вот увидишь... Но слушай: будь умником, и я тебе что-то дам.

— А я, дядюшка, дам вам совет: если вы будете медлить, Джаннетто уйдёт в *маки*, и тогда по-

требуется ещё несколько таких молодчиков, как вы, чтобы его догнать.

Сержант вытащил из кармана серебряные часы, которые стоили добрых десять экю, и, заметив, что глаза маленького Фортунато загорелись при виде их, сказал ему, держа часы на весу за конец стальной цепочки:

— Плутиска! Тебе бы, наверно, хотелось носить на груди такие часы, ты прогуливался бы по улицам Порто-Веккьо гордо, как павлин, и когда прохожие спрашивали бы у тебя: «**Который час?**» — ты отвечал бы: «**Поглядите на мои часы**».

— Когда я вырасту, мой дядя капрал подарит мне часы.

— Да, но у сына твоего дяди уже есть часы... правда, не такие красивые, как эти... а ведь он моложе тебя.

Мальчик вздохнул.

— Ну что ж, хочешь ты получить эти часы, племянничек?

Фортунато, искоса поглядывавший на часы, походил на кота, которому подносят целого цыплёнка. Чувствуя, что его дразнят, он не решается запустить в него когти, время от времени отводит глаза, чтобы устоять против соблазна, поминутно облизывается и всем своим видом словно говорит хозяину: «Как жестока ваша шутка!»

Однако сержант Гамба, казалось, и впрямь решил подарить ему часы. Фортунато не протянул руки за **ними**, но сказал ему с горькой усмешкой:

— Зачем вы смеётесь надо мной?

— Ей-богу, не смеюсь. Скажи только, где Джаннетто, и часы твои.

Фортунато недоверчиво улыбнулся, его чёрные глаза впились в глаза сержанта, он старался прочесть в них, насколько можно верить его словам.

— Пусть с меня снимут эполеты, — вскричал сержант, — если ты не получишь за это часы! Солдаты будут свидетелями, что я не откажусь **от своих слов.**

Говоря так, он всё ближе и ближе подносил часы к Фортунато, почти касаясь ими бледной щеки мальчика. Лицо Фортунато явно отражало вспыхнувшую в его душе борьбу между страстным желанием получить часы и долгом гостеприимства. Его голая грудь тяжело вздымалась — казалось, он сейчас задохнётся. А часы покачивались перед ним, вертелись, то и дело задевая кончик его носа. Наконец Фортунато нерешительно потянулся к часам, пальцы правой руки коснулись их, часы легли на его ладонь, хотя сержант всё ещё не выпускал из рук цепочку... Голубой циферблат... Ярко начищенная крышка... Она огнём горит на солнце... Искушение было слишком велико.

Фортунато поднял левую руку и указал большим пальцем через плечо на копну сена, к которой он прислонился. Сержант сразу понял его. Он отпустил конец цепочки, и Фортунато почувствовал себя единственным обладателем часов. Он вскочил стремительнее лани и отбежал на десять шагов от копны, которую вольтижёры принялись тотчас же раскидывать.

Сено зашевелилось, и окровавленный человек с кинжалом в руке вылез из копны; он попытался стать на **ноги**, но запёкшаяся рана не позволила ему этого. Он упал. Сержант бросился на него и вырвал кинжал. Его сейчас же связали по рукам и ногам, несмотря на сопротивление.

Лёжа на земле, скрученный, как вязанка хвоста, Джаннетто повернул голову к Фортунато, который подошёл к нему.

— ...сын! — сказал он скорее презрительно, чем гневно.

Мальчик бросил ему серебряную монету, которую получил от него, — он сознавал, что уже не имеет на неё права, — но преступник, казалось, не обратил на это никакого внимания. С полным хладнокровием он сказал сержанту:

— Дорогой Гамба! Я не могу идти; вам придётся нести меня до города.

— Ты только что бежал быстрее козы, — возразил жестокий победитель. — Но будь спокоен: от радости, что ты наконец попался мне в руки, я бы пронёс тебя на собственной спине целую милю, не чувствуя усталости. Впрочем, приятель, мы сделаем для тебя носилки из веток и твоего плаща, а на ферме Кресполи найдём лошадей.

— Ладно, — молвил пленник, — прибавьте только немного соломы на носилки, чтобы мне было удобнее.

Пока вольтижёры были заняты — кто приготовлением носилок из ветвей каштана, кто перевязкой раны Джаннетто, — на повороте тропинки, ведущей в *маки*, вдруг появились Маттео Фальконе и его жена. Женщина с трудом шла, согнувшись под тяжестью огромного мешка с каштанами, в то время как муж шагал налегке с одним ружьём в руках, а другим — за спиной, ибо никакая ноша, кроме оружия, недостойна мужчины.

При виде солдат Маттео прежде всего подумал, что они пришли его арестовать. Откуда такая мысль? Разве у Маттео были какие-нибудь нелады с властями? Нет, имя его пользовалось доброй славой. Он был, что называется, благонамеренным обывателем, но в то же время корсиканцем и горцем, а кто из корсиканцев-горцев, хорошенько порывшись в памяти, не найдёт у себя в прошлом какого-нибудь грешка: ружейного выстрела, удара кинжалом или тому подобного

пустячка? Совесть Маттео была чище, чем у кого-либо, ибо вот уже десять лет, как он не направлял дула своего ружья на человека, но всё же он был настороже и приготовился стойко защищаться, если это понадобится.

— Жена! — сказал он Джузеппе. — Положи мешок и будь наготове.

Она тотчас же повиновалась. Он передал ей ружьё, которое висело у него за спиной и могло ему помешать. Второе ружьё он взял на прицел и стал медленно приближаться к дому, держась ближе к деревьям, окаймлявшим дорогу, готовый при малейшем враждебном действии укрыться за самый толстый ствол, откуда он мог бы стрелять из-за прикрытия. Джузеппа шла за ним следом, держа второе ружьё и патронташ. Долг хорошей жены — во время боя заряжать ружьё для своего мужа.

Сержанту тоже стало как-то не по себе, когда он увидел медленно приближавшегося Маттео с ружьём наготове и пальцем на курке.

«А что, — подумал он, — если Маттео — родственник или друг Джаннетто и захочет его защищать? Тогда двое из нас наверняка получат пули двух его ружей, как письма с почты. Ну а если он прицелится в меня, несмотря на наше родство?..»

Наконец он принял смелое решение — пойти навстречу Маттео и, как старому знакомому, рассказать ему обо всём случившемся. Однако короткое расстояние, отделявшее его от Маттео, показалось ему ужасно длинным.

— Эй, приятель! — закричал он. — Как поживаешь, дружище? Это я, Гамба, твой родственник!

Маттео, не говоря ни слова, остановился; пока сержант говорил, он медленно поднимал дуло ружья так, что оно оказалось направленным в небо в тот момент, когда сержант приблизился.

— Добрый день, брат! — сказал сержант, протягивая ему руку. — Давненько мы не виделись.

— Добрый день, брат!

— Я зашёл мимоходом поздороваться с тобой и сестрицей Пеппой. Сегодня мы сделали изрядный конец, но у нас слишком знатная добыча, и мы не можем жаловаться на усталость. Мы только что накрыли Джаннетто Санпьеро.

— Слава Богу! — вскричала Джузеппа. — На прошлой неделе он увёл у нас дойную козу.

Эти слова обрадовали Гамбу.

— Бедняга! — отозвался Маттео. — Он был голоден!

— Этот негодяй защищался как лев, — продолжал сержант, слегка раздосадованный. — Он убил одного моего стрелка и раздробил руку капралу Шардону; ну, да это беда невелика: ведь Шардон — француз... А потом он так хорошо спрятался, что сам дьявол не сыскал бы его. Если бы не мой племянник Фортунато, я никогда бы его не нашёл.

— Фортунато? — вскричал Маттео.

— Фортунато? — повторила Джузеппа.

— Да! Джаннетто спрятался вон в той копне сена, но племянник раскрыл его хитрость. Я расскажу об этом его дяде капралу, и тот пришлёт ему в награду хороший подарок. А я упомяну и его и тебя в донесении на имя прокурора.

— Проклятье! — чуть слышно произнёс Маттео.

Они подошли к отряду. Джаннетто лежал на носилках, его собирались унести. Увидев Маттео рядом с Гамбой, он как-то странно усмехнулся, а потом, повернувшись лицом к дому, плюнул на порог и сказал:

— Дом предателя!

Только человек, обречённый на смерть, мог осмелиться назвать Фальконе предателем. Удар

кинжала немедленно отплатил бы за оскорбление, и такой удар не пришлось бы повторять.

Однако Маттео поднёс только руку ко лбу, как человек, убитый горем.

Фортунато, увидев отца, ушёл в дом. Вскоре он снова появился с миской молока в руках и, опустив глаза, протянул её Джаннетто.

— Прочь от меня! — громовым голосом закричал **арестованный**.

Затем, обернувшись к одному из вольтижёров, он промолвил:

— Товарищ! Дай мне напиться.

Солдат подал ему флягу, и бандит отпил воду, поднесённую рукой человека, с которым он только что обменялся выстрелами. Потом он попросил не скручивать ему руки за спиной, а связать их крестом на груди.

— Я люблю лежать удобно, — сказал он.

Его просьбу с готовностью исполнили; затем сержант подал знак к выступлению, простился с Маттео и, не получив ответа, быстрым шагом двинулся к равнине.

Прошло около десяти минут, а Маттео всё молчал. Мальчик тревожно поглядывал то на мать, то на отца, который, опираясь на ружьё, смотрел на сына с выражением сдержанного гнева.

— Хорошо начинаешь! — сказал наконец Маттео голосом спокойным, но страшным для тех, кто знал этого человека.

— Отец! — вскричал мальчик; глаза его наполнились слезами, он сделал шаг вперёд, как бы собираясь упасть перед ним на колени.

Но Маттео закричал:

— Прочь!

И мальчик, рыдая, остановился неподвижно в нескольких шагах от отца.

Подошла Джузеппа. Ей бросилась в глаза цепочка от часов, конец которой торчал из-под рубашки Фортунато.

— Кто дал тебе эти часы? — спросила она строго.

— Дядя сержант.

Фальконе выхватил часы и, с силой швырнув о камень, разбил их вдребезги.

— Жена! — сказал он. — Мой ли это ребёнок?

Смуглые щёки Джузеппы стали краснее кирпича.

— Опомнись, Маттео! Подумай, кому ты это говоришь!

— Значит, этот ребёнок первый в нашем роду стал предателем.

Рыдания и всхлипывания Фортунато усилились, а Фальконе по-прежнему не сводил с него своих рысьих глаз. Наконец он стукнул прикладом о землю и, вскинув ружьё на плечо, пошёл по дороге в *маки*, приказав Фортунато следовать за ним. Мальчик повиновался.

Джузеппа бросилась к Маттео и схватила его за руку.

— Ведь это твой сын! — вскрикнула она дрожащим голосом, впиваясь чёрными глазами в глаза мужа и словно пытаясь прочесть то, что творилось в его душе.

— Оставь меня, — сказал Маттео. — Я его отец!

Джузеппа поцеловала сына и, плача, вернулась в дом. Она бросилась на колени перед образом Богородицы и стала горячо молиться. Между тем Фальконе, пройдя шагов двести по тропинке, спустился в небольшой овраг. Попробовав землю прикладом, он убедился, что земля рыхлая и что копать её будет легко. Место показалось ему пригодным для исполнения его замысла.

— Фортунато! Стань у того большого камня.

«Маттео Фальконе». Художник *И. Пчелко*

Исполнив его приказание, Фортунато упал на колени.

— Молись!

— Отец! Отец! Не убивай меня!

— Молись! — повторил Маттео грозно.

Запинаясь и плача, мальчик прочитал «Отче наш» и «Верую». Отец в конце каждой молитвы твёрдо произносил «аминь».

— Больше ты не знаешь молитв?

— Отец! Я знаю ещё «Богородицу» и литанию, которой научила меня тётя.

— Она очень длинная... Ну всё равно, читай.

Литанию мальчик договорил совсем беззвучно.

— Ты **кончил**?

— Отец, пощади! Прости меня! Я никогда больше не буду! Я попрошу дядю капрала, чтобы Джаннетто помиловали!

Он лепетал ещё что-то; Маттео вскинул ружьё и, прицелившись, сказал:

— Да простит тебя Бог!

Фортунато сделал отчаянное усилие, чтобы встать и припасть к ногам отца, но не успел. Маттео выстрелил, и мальчик упал мёртвый.

Даже не взглянув на труп, Маттео пошёл по тропинке к дому за лопатой, чтобы закопать сына. Не успел он пройти и нескольких шагов, как увидел Джузеппу, она бежала, встревоженная **выстрелом**.

— Что ты сделал? — воскликнула она.

— Свершил правосудие.

— Где он?

— В овраге. Я сейчас похороню его. Он умер христианином. Я закажу по нему панихиду. Надо сказать зятю, Теодору Бьянки, чтобы он переехал к нам жить.

Вопросы и задания

1. Почему именно так названа новелла, ведь в ней рассказывается и о других героях?
2. Чем интересна земля *маки*? Что сразу может насторожить читателя?
3. Какие качества характера Маттео Фальконе принесли ему необыкновенную известность?

4. Как вёл себя Фортунато с бандитом и с полицейскими? Как отнёсся Маттео к поступку сына? Что его особенно возмутило и почему он произнёс: «Мой ли это ребёнок?»
5. Чем заканчивается новелла? Как бы вы оценили характеры и поступки героев этой новеллы? Сочетается ли романтика, окружающая Маттео Фальконе, с уродливостью сознания, порождённого окружающей дикостью? Свой ответ подтвердите примерами из прочитанной вами новеллы.
-

Сравним прозаический и стихотворный тексты

Подумайте, какая разница в чтении прозаического текста Мериме и стихотворного переложения Жуковского.

«Проза и стихи требуют различного исполнения.

„Стих нужен человеку, — разъяснял поэт Валерий Брюсов, — потому что у него есть потребность сказать иные речи более выразительно, чем то может разговорный язык. Стихотворная речь достигает этой цели тем, что делит речь на определённые, легко обозримые части. Стих есть некоторое целое... ему дана поэтом обособленная жизнь. Ошибается тот, кто при чтении вслух не отмечает этой целостности стиха“.

Действительно, легко заметить, что, как бы стихотворная речь произведения ни приближалась к прозаической, она никогда не может совершенно ей уподобиться и уподобляться не должна.

Вот отрывок из повести Мериме „Маттео Фальконе“, в котором рассказывается, как подкупленный жандармом мальчик Фортунато, сын Маттео, выдал спрятанного беглеца и был за то казнён отцом.

Жандарм беседует с родителями Фортунато:
„ — Он так хорошо запрятался, что не будь
здесь маленького Фортунато, я никогда бы не на-
шёл его.

— Фортунато! — вскричал Маттео.

— Фортунато! — повторила Джузеппа.

— Да, Санпьеро спрятался в этой копне сена,
но мой племянничек раскрыл эту хитрость. И его
и твоё имя будут в рапорте...

— Проклятье! — тихо произнёс Маттео".

Жуковский сделал стихотворный пересказ этой
повести, в котором это место изложено так:

„...От нас бы верно

Он ускользнул, когда б не Фортунато,
Мальчишка твой, помог нам". —

„Фортунато!" —

Маттео вскрикнул. — „Фортунато!" — мать

Со страхом повторила. — „Да, Санпьеро

Здесь в сене спрятался, а Фортунато

Его и выдал нам, за это всё вы

Получите спасибо от начальства".

Холодным потом обдало Маттео...

Несмотря на всю близость стихов Жуковского
к прозе, отличие стихового рассказа совершенно
явно. Мерное чередование ударений, попадающих
лишь на чётные слоги, создаёт ритмическую
инерцию и заставляет иначе воспринимать те сло-
восочетания, которые в прозаическом контексте
не обнаруживали своего „стихового склада“.

Г. В. Артоболевский. «Художественное чтение»

Антуан де Сент-Экзюпери — выдающийся писатель современности, произведения которого наполнены раздумьями о современном мире: о неповторимости и хрупкости красоты, о беспредельных духовных возможностях человека, о необходимости объединения людей на основе любви, взаимопонимания и уважения, об ответственности каждого человека за свои поступки и за свою планету. Поэтизация подвига, всепоглощающая любовь к жизни во всех её проявлениях, гордость за человека, который является мерилем всех её ценностей, умение раскрыть героическое в будничном, стремление осмыслить своё время и своё место в нём отличают творчество французского гуманиста.

Сент-Экзюпери — выходец из аристократической семьи — с детства увлекался искусством, литературой и техникой. Детские мечты воплотились в реальность. Сент-Экзюпери стал известным лётчиком и писателем с мировым именем. В 20-е годы он учился в Школе изящных искусств, откуда ушёл служить в армию, где приобрёл профессию пилота. Мудрый мечтатель в своих литературных произведениях, Сент-Экзюпери и в реальной жизни не расставался с романтикой. Он прокладывал и осваивал новые воздушные трассы над Сахарой, Атлантикой и Южной Америкой, испытывал новые самолёты, несколько раз терпел аварии, был тяжело ранен, но не потерял веры в свои духовные, физические и творческие силы. Всё своё свободное время Сент-Экзюпери уделял

журналистике и литературе. Профессия авиатора накладывала определённый отпечаток на художественное творчество Сент-Экзюпери. И это касалось не только тематики, вращающейся вокруг лётных тем, но и того особого, отстранённого от обыденности ощущения окружающего мира, которое может испытать только человек, половину жизни проводящий в небе, близкий к звёздам. Первый свой рассказ «Лётчик» (1926) Сент-Экзюпери посвятил любимой авиации, людям, сидящим за штурвалом самолёта, и до конца жизни он не уходил от этой темы. «Для меня летать и писать — одно и то же... Авиатор и писатель сливаются: оба в равной мере познают мир», — писал Сент-Экзюпери. События современности, человеческие поступки писатель рассматривал с точки зрения нравственных общечеловеческих проблем.

Его произведения зачастую соединяют в себе документальный репортаж с философскими размышлениями о человеке, с психологическим анализом его поступков, с поэтическими пейзажными зарисовками. В романе «Ночной полёт» (1931) рассказано о трагической гибели экипажа самолёта почтовой авиации из-за мощного циклона, неожиданно обрушившегося на Южную Америку. Бытовые подробности уступают в нём место рассказу о человеческом мужестве, о духовной силе, побеждающей страх смерти. За этот роман писатель получил премию «Фелина».

Книга «Планета людей» (1939) отмечена Большой премией Французской академии искусств. Произведение наполнено лирическими раздумьями автора о пережитом, мыслями и высказываниями о лётчиках и о земле, которая открывается перед ними в полёте. В небе человек особенно остро ощущает и свою хрупкую уязвимость, и глубокую связь со всем человечеством. Писатель отрицательно относился к современной цивилизации, где машины ценятся больше людей. Человек в таком мире теряет своё лицо, теряет связь с окружающими. Спасение человечества писатель видит в нравст-

венном самоусовершенствовании, в деятельности, направленной на службу людям.

С ненавистью воспринял Сент-Экзюпери пришествие в Европу фашистов. В 1937 году он пишет ряд репортажей с фронтов сражающейся за свою свободу Испании. Он разоблачает фашистский режим, все те неисчислимы́е бедствия, которые несёт его идеология. В годы Второй мировой войны Сент-Экзюпери сражается с фашистскими оккупантами как лётчик и как писатель. В «Военном лётчике» (1942) и «Письмах к заложнику» (1943) он с уверенностью предрекает победу демократических сил над фашистской диктатурой.

31 июля 1944 года Сент-Экзюпери трагически погиб, выполняя боевое задание — разведывательный полёт над Средиземным морем.

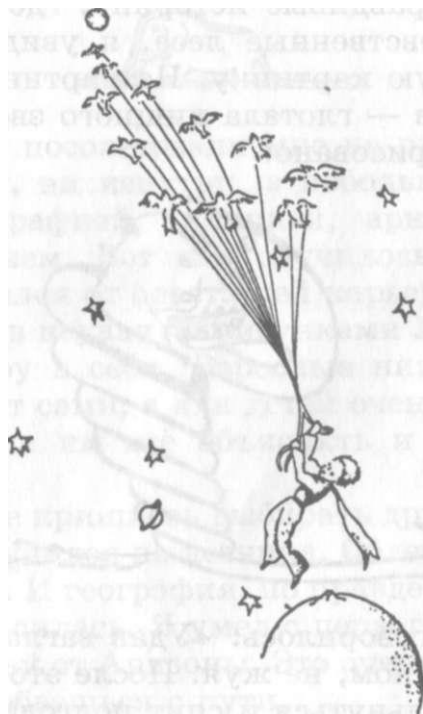
Всемирную известность принесла Сент-Экзюпери философская сказка «Маленький принц» (1943). Эта мудрая притча обращена и к детям, и к взрослым. С глубоким страданием взирает писатель на пороки окружающего мира, наполненного жестокостью, отсутствием идеалов, непониманием между людьми. Однако Сент-Экзюпери уверен, что красота и чистота человеческих отношений могут победить мировое зло. С грустной, мечтательной улыбкой повествует писатель о радостях и огорчениях своего героя — Маленького принца, хозяина маленькой планеты. Его образ — это средоточие всего лучшего в человеке, особенно отчётливо проявляющегося в душе ребёнка. Сказка «Маленький принц», как и другие произведения Сент-Экзюпери, говорит о важности взаимопонимания между людьми, об ответственности каждого человека за всё добро и зло, что творятся в мире.

Вопросы

Чем интересен и чем необычен французский писатель Сент-Экзюпери? Что было самым главным в книгах этого писателя?

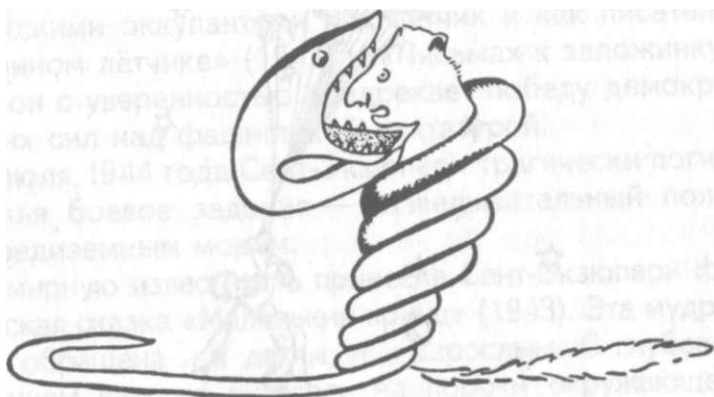
МАЛЕНЬКИЙ ПРИНЦ

Отрывок из сказки с рисунками автора

Леону Берту
Прощу детей простить меня за то, что я посвя-
тил эту книжку взрослому. Скажу в оправда-
ние: этот взрослый — мой самый лучший друг.
И еще: он понимает всё на свете даже детские
книжки. И, наконец, он живёт во Франции, а там
сейчас голодно и холодно. И он очень нуждается
в утешении. Если же всё это меня не оправды-
вает, я посвящу свою книжку тому мальчику,
каким был когда-то мой взрослый друг. Ведь все
взрослые сначала были детьми, только мало кто из
них об этом помнит. Итак я исправляю посвящение:
Леону Берту, когда он был маленьким.

Когда мне было шесть лет, в книге под названием «Правдивые истории», где рассказывалось про девственные леса, я увидел однажды удивительную картинку. На картинке огромная змея — удав — глотала хищного зверя. Вот как это было нарисовано:

В книге говорилось: «Удав заглатывает свою жертву целиком, не жуя. После этого он уже не может шевельнуться и спит полгода подряд, пока не переварит **пищу**».

Я много раздумывал о полной приключений жизни джунглей и тоже нарисовал цветным карандашом свою первую картинку. Это был мой рисунок № 1. Вот что я нарисовал:

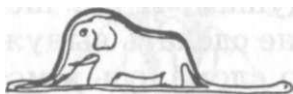

Я показал моё творение взрослым и спросил, не страшно ли им.

— Разве шляпа страшная? — возразили мне.

А это была совсем не шляпа. Это был удав, который проглотил слона. Тогда я нарисовал удава изнутри, чтобы взрослым было понятнее. Им

ведь всегда нужно всё объяснять. Вот мой рисунок № 2:

Взрослые посоветовали мне не рисовать змей ни снаружи, ни изнутри, а побольше интересоваться географией, историей, арифметикой и правописанием. Вот как случилось, что шести лет я отказался от блестящей карьеры художника. Потерпев неудачу с рисунками № 1 и № 2, я утратил веру в себя. Взрослые никогда ничего не понимают сами, а для детей очень утомительно без конца им всё объяснять и растолковывать.

Итак, мне пришлось выбирать другую профессию, и я выучился на лётчика. Облетел я чуть ли не весь свет. И география, по правде сказать, мне очень пригодилась. Я умел с первого взгляда отличить Китай от Аризоны. Это очень полезно, если ночью собьёшься с пути.

На своём веку я много встречал разных серьёзных людей. Я долго жил среди взрослых. Я видел их совсем близко. И от этого, признаться, не стал думать о них лучше.

Когда я встречал взрослого, который казался мне разумнее и понятливее других, я показывал ему свой рисунок № 1 — я его сохранил и всегда носил с собою. Я хотел знать, вправду ли этот человек что-то понимает. Но все они отвечали мне: «Это шляпа». И я уже не говорил с ними ни об удавах, ни о джунглях, ни о звёздах. Я применялся к их понятиям. Я говорил с ними об игре в бридж и гольф, о политике и о галстуках. И взрослые были очень довольны, что познакомились с таким здравомыслящим человеком.

Так я жил в одиночестве, и не с кем мне было поговорить по душам. И вот шесть лет тому назад пришлось мне сделать вынужденную посадку в Сахаре. Что-то сломалось в моторе моего самолета. Со мной не было ни механика, ни пассажиров, и я решил, что попробую сам всё починить, хотя это и очень трудно. Я должен был исправить мотор или погибнуть. Воды у меня едва хватило бы на неделю.

Итак, в первый вечер я уснул на песке в пустыне, где на тысячи миль вокруг не было никакого жилья. Человек, потерпевший кораблекрушение и затерянный на плоту посреди океана, и тот был бы не так одинок. Вообразите же моё удивление, когда на рассвете меня разбудил чей-то тоненький голосок. Он сказал:

— **Пожалуйста...** нарисуй мне барашка!

— А?..

— Нарисуй мне барашка...

Я вскочил, точно надо мною грянул гром. Протёр глаза. Стал осматриваться. И увидел забавного маленького человечка, который серьёзно меня разглядывал. Вот самый лучший его портрет, какой мне после удалось нарисовать. Но на моём рисунке он, конечно, далеко не так хорош, как был на самом деле. Это не моя вина. Когда мне было шесть лет, взрослые убедили меня, что художника из меня не выйдет, и я ничего не научился рисовать, кроме удавов — снаружи и изнутри.

Итак, я во все глаза смотрел на это необычайное явление. Не забудьте, я находился за тысячи миль от человеческого жилья. А между тем ничуть не похоже было, чтобы этот малыш заблудился, или до смерти устал и напуган, или умирает от голода и жажды. По его виду никак нельзя было сказать,

что это ребёнок, потерявшийся в необитаемой пустыне, вдалеке от всякого жилья. Наконец ко мне вернулся дар речи, и я спросил:

— **Но...** что ты здесь делаешь?

И он опять попросил тихо и очень серьёзно:

— **Пожалуйста...** нарисуй барашка...

Всё это было так таинственно и непостижимо, что я не посмел отказаться.

Как ни нелепо это было здесь, в пустыне, на волосок от смерти, я всё-таки достал из кармана лист бумаги и вечное перо. Но тут же вспомнил, что учился-то я больше географии, истории, арифметике и правописанию, — и сказал малышу (немножко даже сердито сказал), что я не умею рисовать. Он ответил:

— Всё равно. Нарисуй барашка.

Так как я никогда в жизни не рисовал баранов, я повторил для него одну из двух старых картинок, которые я только и умею рисовать: удава снаружи. И очень изумился, когда малыш воскликнул:

— Нет, нет! Мне не надо слона в удаве! Удав слишком опасный, а слон слишком большой.

У меня дома всё очень маленькое. Мне нужен барашек. Нарисуй барашка.

И я нарисовал.

Он внимательно посмотрел на мой рисунок и сказал:

— Нет, этот барашек уж совсем хилый. Нарисуй другого.

Я нарисовал.

Мой новый друг мягко, снисходительно улыбнулся.

— Ты же сам видишь, — сказал он, — это не барашек. Это большой баран. У него рога...

Я опять нарисовал по-другому.

Но он и от этого рисунка отказался.

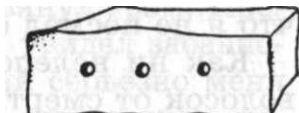

— Этот слишком старый. Мне нужен такой барашек, чтобы жил долго.

Тут я потерял терпение — ведь мне надо было поскорее разобрать мотор — и нацарапал вот **что**:

И сказал малышу:

— Вот тебе ящик. А в нём сидит твой барашек.

Но как же я удивился, когда мой строгий судья вдруг просиял:

— Вот такого мне и надо! Как ты думаешь, много он ест травы?

— А что?

— Ведь у меня дома всего очень **мало**...

— Ему хватит. Я тебе даю совсем маленького барашка.

— Не такой уж он маленький... — сказал он, наклонив голову и разглядывая рисунок. — Смотри-ка! Он уснул...

Так я познакомился с Маленьким принцем.

III

Не скоро я понял, откуда он явился. Маленький принц засыпал меня вопросами, но, когда я спрашивал о чём-нибудь, он словно не слышал. Лишь понемногу, из случайных, мимоходом оброненных слов мне всё открылось. Так, когда он впервые увидел мой самолёт (самолёт я рисовать не стану, мне всё равно не справиться), он спросил:

— Что это за штука?

— Это не штука. Это самолёт. Мой самолёт. Он летает.

И я с гордостью объяснил ему, что умею летать. Тогда он воскликнул:

— Как! Ты упал с неба?

— Да, — скромно ответил я.

— Вот забавно!..

И Маленький принц звонко засмеялся, так что меня взяла досада: я люблю, чтобы к моим злоключениям относились серьёзно. Потом он прибавил:

— Значит, ты тоже явился с неба. А с какой планеты?

«Так вот разгадка его таинственного появления здесь, в пустыне!» — подумал я и спросил напрямик:

— Стало быть, ты попал сюда с другой планеты?

Но он не ответил. Он тихо покачал головой, разглядывая мой самолёт:

— Ну, на этом ты не мог прилететь **издалека...**

И задумался о чём-то. Потом вынул из кармана моего барашка и погрузился в созерцание этого сокровища.

Можете себе представить, как разгорелось моё любопытство от этого полупризнания о «других планетах». И я попытался разузнать побольше:

— Откуда же ты прилетел, малыш? Где твой дом? Куда ты хочешь унести моего барашка?

Он помолчал в раздумье, потом сказал:

— Очень хорошо, что ты дал мне ящик: барашек будет там спать по ночам.

— Ну конечно. И если ты будешь умницей, я дам тебе верёвку, чтобы днём его привязывать. И колышек.

Маленький принц нахмурился:

— Привязывать? Для чего это?

— Но ведь если ты его не привяжешь, он забредёт неведомо куда и потеряется.

Тут мой друг опять весело рассмеялся:

— Да куда же он пойдёт?

— Мало ли куда? Всё прямо, прямо, куда глаза **глядят**.

Тогда Маленький принц сказал серьёзно:

— Это не страшно, ведь у меня там очень мало места. — И прибавил не без грусти: — Если идти всё прямо да прямо, далеко не уйдёшь...

VII

На пятый день, опять-таки благодаря барашку, я узнал секрет Маленького принца. Он спросил неожиданно, без предисловий, точно пришёл к этому выводу после долгих молчаливых раздумий:

— Если барашек ест кусты, он и цветы ест?

— Он ест всё, что попадётся.

— Даже такие цветы, у которых шипы?

— Да, и те, у которых шипы.

— Тогда зачем шипы?

Этого я не **знал**. Я был очень занят: в моторе заело один болт и я старался его отвернуть. Мне было не по себе, положение моё становилось серьёзным, воды почти не осталось, и я начал бояться, что моя вынужденная посадка плохо кончится.

— Зачем нужны шипы?

Задав какой-нибудь вопрос, Маленький принц никогда не отступался, пока не получал ответа.

Неподатливый болт выводил меня из терпенья, и я ответил наобум:

— Шипы ни за чем не нужны, цветы выпускают их просто от **злости**.

— Вот как!

Наступило молчание. Потом он сказал почти сердито:

— Не верю я тебе! Цветы слабые. И простодушные. И они стараются придать себе храбрости. Они думают: если у них шипы, их все **боятся...**

Я не ответил. В ту минуту я говорил себе: «Если этот болт и сейчас не поддастся, я так стукну по нему молотком, что он разлетится **вдребезги**». Маленький принц снова перебил мои мысли:

— А ты думаешь, что цветы...

— Да нет же! Ничего я не думаю! Я ответил тебе первое, что пришло в голову. Ты видишь, я занят серьёзным делом.

Он посмотрел на меня в изумлении.

— Серьёзным делом?!

Он всё смотрел на меня: перепачканный смазочным маслом, с молотком в руках, я наклонился над непонятным предметом, который казался ему таким уродливым.

— Ты говоришь, как взрослые! — сказал он.

Мне стало совестно. А он беспощадно прибавил:

— Всё ты путаешь... Ничего не понимаешь!

Да, он не на шутку рассердился. Он потрянул головой, и ветер растрепал его золотые волосы.

— Я знаю одну планету, там живёт такой господин с багровым лицом. Он за всю жизнь ни разу не понюхал цветка. Ни разу не поглядел на звезду. Он никогда никого не любил. И никогда ничего не делал. Он занят только одним: он скла-

дывает цифры. И с утра до ночи твердит одно: «Я человек серьёзный! Я человек серьёз-**ный!**» — совсем как ты. И прямо раздувается от гордости. А на самом деле он не человек. Он гриб.

— Что?

— Гриб!

Маленький принц даже побледнел от гнева.

— Миллионы лет у цветов растут шипы. И миллионы лет барашки всё-таки едят цветы. Так неужели же это не серьёзное дело — понять, почему они изо всех сил стараются отрастить шипы, если от шипов нет никакого толку? Неужели это не важно, что барашки и цветы воюют друг с другом? Да разве это не серьёзнее и не важнее, чем арифметика толстого господина с багровым лицом? А если я знаю единственный в мире цветок, он растёт только на моей планете, и другого такого больше нигде нет, а маленький барашек вдруг в одно прекрасное утро возьмёт и съест его и даже не будет знать, что натворил? И это всё, по-твоему, не важно?

Он сильно покраснел. Потом заговорил:

— Если любишь цветок — единственный, какого больше нет ни на одной из многих миллионов звёзд, — этого довольно: смотришь на небо и чувствуешь себя счастливым. И говоришь себе: «Где-то там живёт мой **цветок...**» Но если барашек съест его, это всё равно как если бы все звезды разом погасли! И это, по-твоему, не важно!

Он больше не мог говорить. Он вдруг разрыдался. Стемнело. Я бросил работу. Мне смешны были злополучный болт и молоток, жажда и смерть. На звезде, на планете — на моей планете, по имени Земля, — плакал Маленький принц, и надо было его утешить. Я взял его на

руки и стал баюкать. Я говорил ему: «Цветку, который ты любишь, ничто не грозит... Я нарисую твоему барашку **намордник...** Я нарисую для твоего цветка **броню... Я...**» Я не знал, что ещё ему сказать. Я чувствовал себя ужасно неловким и неуклюжим. Я не знал, как позвать, чтобы он услышал, как догнать его душу, ускользающую от **меня...** Ведь она такая таинственная и неизведанная, эта страна слёз.

VIII

Очень скоро я лучше узнал этот цветок. На планете Маленького принца всегда росли простые, скромные цветы — у них было мало лепестков, они занимали совсем мало места и никого не беспокоили. Они раскрывались поутру в траве и под вечер увядали. А этот пророс однажды из зерна, занесённого неведомо откуда, и Маленький принц не сводил глаз с крохотного ростка, не похожего на все остальные ростки и былинки. Вдруг это какая-нибудь новая разновидность баобаба? Но кустик быстро перестал тянуться ввысь, и на нём появился бутон. Маленький принц никогда ещё не видал таких огромных бутонов и **предчувствовал**, что увидит чудо. А неведомая гостья, ещё скрытая в стенах своей зелё-

ной комнатки, всё готовилась, всё прихорашивалась. Она заботливо подбирала краски. Она наряжалась неторопливо, один за другим примеряя лепестки. Она не желала явиться на свет встрёпанной, точно какой-нибудь мак. Она хотела показаться во всем блеске своей красоты! Да, это была ужасная кокетка! Таинственные приготовления длились день за днём. И вот наконец однажды утром, едва взошло солнце, лепестки раскрылись.

И красавица, которая столько трудов положила, готовясь к этой минуте, сказала, позёывая:

— Ах, я насилу **проснулась...** Прошу извинить... Я ещё совсем **растрёпанная...**

Маленький принц не мог сдержать восторга:

— Как вы прекрасны!

— Да, правда? — был тихий ответ. — И заметьте, я родилась вместе с солнцем.

Маленький принц, конечно, догадался, что удивительная гостья не страдает избытком скромности, зато она была так прекрасна, что дух захватывало!

А она вскоре заметила:

— Кажется, пора завтракать. Будьте так добры, позаботьтесь обо мне...

Маленький принц очень смутился, разыскал лейку и полил цветок ключевой водой.

Скоро оказалось, что красавица горда и обидчива, и Маленький принц совсем с нею измучился. У неё было четыре шипа, и однажды она сказала ему:

— Пусть приходят тигры, не боюсь я их когтей!

— На моей планете тигры не водятся, — возразил Маленький принц. — И потом, тигры не едят траву.

— Я не трава, — обиженно заметил цветок.

— Простите меня...

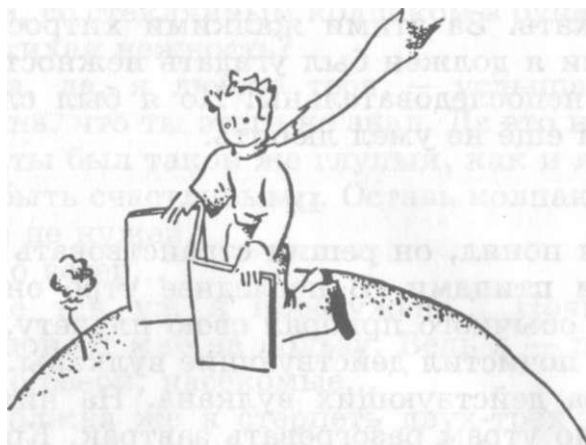
— Нет, тигры мне не страшны, но я ужасно боюсь сквозняков. У вас нет ширмы?

«Растение, а боится **сквозняков**... очень странно... — подумал Маленький принц. — Какой трудный характер у этого **цветка**».

— Когда настанет вечер, накройте меня колпаком. У вас тут слишком холодно. Очень неудобная планета. Там, откуда я **прибыла**...

Она не договорила. Ведь её занесло сюда, когда она была ещё **зёрнышком**. Она ничего не могла знать о других мирах. Глупо лгать, когда тебя

так легко могут уличить! Красавица смутилась, потом кашлянула раз-другой, чтобы Маленький принц почувствовал, как он перед нею виноват:

— Где же ширма?

— Я хотел пойти за ней, но не мог же я вас не дослушать!

Тогда она закашляла сильнее: пускай его всё-таки помучит совесть!

Хотя Маленький принц и полюбил прекрасный цветок, и рад был ему служить, но вскоре в душе его пробудились сомнения. Пустые слова он принимал близко к сердцу и стал чувствовать себя очень несчастным.

— Напрасно я её слушал, — доверчиво сказал он мне однажды. — Никогда не надо слушать, что говорят цветы. Надо просто смотреть на них и дышать их ароматом. Мой цветок напоил благоуханием всю мою планету, а я не умел ему радоваться. Эти разговоры о когтях и тиграх... Они должны бы меня растрогать, а я разозлился...

И ещё он признался:

— Ничего я тогда не понимал! Надо было судить не по словам, а по делам. Она дарила мне свой аромат, озаряла мою жизнь. Я не должен

был бежать. За этими жалкими хитростями и уловками я должен был угадать нежность. Цветы так непоследовательны! Но я был слишком молод, я ещё не умел любить.

IX

Как я понял, он решил странствовать с перелётными птицами. В последнее утро он старательней обычного прибрал свою планету. Он заботливо почистил действующие вулканы. У него было два действующих вулкана. На них очень удобно по утрам разогревать завтрак. Кроме того, у него был один потухший вулкан. Но, сказал он, мало ли что может случиться! Поэтому он прочистил и потухший вулкан тоже. Когда вулканы аккуратно чистишь, они горят ровно и тихо, без всяких извержений. Извержение вулкана — всё равно что пожар в печной трубе, когда там загорится сажа. Конечно, мы, люди на Земле, слишком малы и не можем прочищать наши вулканы. Вот почему они доставляют нам столько неприятностей.

Потом Маленький принц не без грусти вырвал последние ростки баобабов. Он думал, что никогда не вернётся. Но в это утро привычная работа доставляла ему необыкновенное удовольствие. А когда он в последний раз полил чудесный цветок и собрался накрыть его колпаком, ему захотелось плакать.

— Прощайте, — сказал он.

Красавица не ответила.

— Прощайте, — повторил Маленький принц.

Она кашлянула. Но не от простуды.

— Я была глупая, — сказала она наконец. — Прости меня. И постарайся быть счастливым.

И ни слова упрёка. Маленький принц был очень удивлён. Он застыл, смущённый и расте-

рянный, со стеклянным колпаком в руках. Откуда эта тихая нежность?

— Да, да, я люблю тебя, — услышал он. — Моя вина, что ты этого не знал. Да это и не важно. Но ты был такой же глупый, как и я. Постарайся быть **счастливым...** Оставь колпак, он мне больше не нужен.

— Но ветер...

— Не так уж я простужена... Ночная свежесть пойдёт мне на пользу. Ведь я — цветок.

— Но звери, насекомые...

— Должна же я стерпеть двух-трёх гусениц, если хочу познакомиться с бабочками. Они, должно быть, прелестны. А то кто же станет меня навещать? Ты ведь будешь далеко. А больших зверей я не боюсь. У меня тоже есть когти.

И она в простоте душевной показала свои четыре шипа. Потом прибавила:

— Да не тяни же, это невыносимо! Решил уйти — так уходи.

Она не хотела, чтобы Маленький принц видел, как она плачет. Это был очень гордый цветок...

Вопросы и задания

7. Вы прочитали сказку Сент-Экзюпери «Маленький принц». О ком и о чём эта сказка? Кто её герои? Расскажите о каждом из них.
2. Что в этом произведении сказочного и что реального?
3. О чём узнаёт Маленький принц и мы вместе с ним?
4. Сказка напоминает взрослым о том, что и они были детьми, что нельзя забывать о детстве, потому что дети острее чувствуют и иногда глубже, чем взрослые, понимают жизнь. Что же в сказке (слова, поступки героев, взаимоотношения) говорит об этом?

СЛУШАЕМ АКТЁРСКОЕ ЧТЕНИЕ

А. де Сент-Экзюпери. «Маленький **принц**»

7. Почему Маленький принц расстроился, когда попал в сад, полный роз? Как это выразилось в чтении актрисы?
2. О чём рассказал Лис Маленькому принцу? Как более точно вы назвали бы то, что Лис называет «приручением»?
3. Как вы считаете, та роза, что выросла на планете Маленького принца, была единственной или такой же, как тысячи других?
4. Понятны ли вам суждения Лиса о том, что «СЛОВА только мешают понимать друг друга» и что «САМОГО главного глазами не увидишь»?
5. Согласны ли вы с тем, что «ты всегда в ответе за тех, кого приручил...»? Знакомо ли это чувство вам?
6. Помогает ли музыка и чтение актрисы лучше понять содержание сказки? Каким образом (создаёт настроение, характеризует героя, обращает внимание на важные слова)?

Справочный раздел

ЛИТЕРАТУРНЫЕ МЕСТА РОССИИ

М. М. ПРИШВИН

Деревня Дунино

(*Одинцовский район Московской области*)

Места в окрестностях древнего русского города Звенигорода издавна славятся своей красотой. Здесь провёл последние годы своей жизни писатель Михаил Михайлович Пришвин. Вместе с женой Валерией Дмитриевной Пришвин поселился в Дунине сразу после войны, в 1946 году, и прожил здесь до своей кончины в 1954 году. В этой подмосковной деревне писатель работал над романом «Осударева дорога», здесь была написана сказочная повесть «Корабельная чаща», ставшая продолжением сказки-были «Кладовая солнца». В Дунине у Пришвина бывали известные писатели, композиторы, художники.

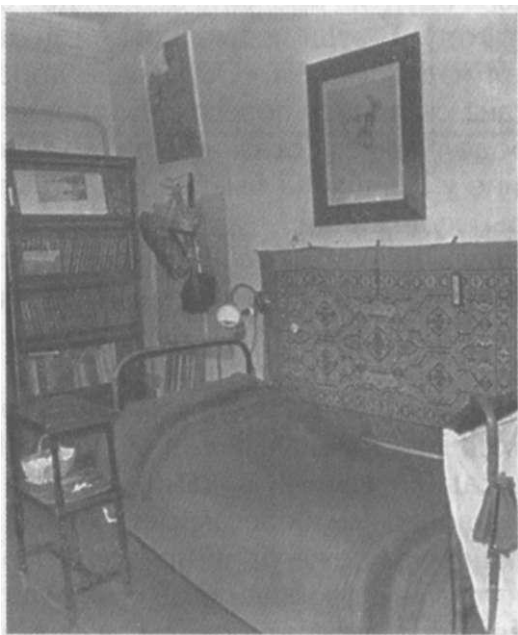
В 1954 году в Дунине, в доме, где жил писатель, был открыт мемориальный литературный музей, филиал московского Литературного музея. В экспозиции музея — работы Пришвина-фотографа, вещи писателя, его охотничьи принадлежности, личный автомобиль.

Сохранился мемориальный сад, который Пришвин и его жена посадили своими руками, аллеи и тропинки, ведущие к живописным берегам реки Москвы.

Сотрудники музея ежегодно проводят Пришвинские чтения, на которые с сообщениями о результатах своей работы приезжают литературоведы, изучающие жизнь и творчество писателя.

М. М. Пришвин на берегу Москвы-реки в Дунине. 1950 г.

Комната М. М. Пришвина в Дунине

В. М. ШУКШИН

Село Сростки

(Вуйский район Алтайского края)

Алтайское село Сростки — родина замечательного писателя, актёра и кинорежиссёра Василия Макаровича Шукшина. Сейчас это одно из мест литературного паломничества — сюда приезжают почитатели творчества писателя со всей России. В 1992 году в Сростках открыт Историко-мемориальный музей-заповедник В. М. Шукшина. В состав заповедника входят дом матери писателя (дом был куплен для неё сыном на гонорар за издание романа «Любавины») и здание бывшей школы, где учился, а позднее работал учителем Шукшин. В здании школы размещается экспозиция, посвящённая жизни и творчеству писателя.

Ежегодно 25 июля, в день рождения писателя, в Сростках проводятся Шукшинские чтения, конференции, посвящённые его творчеству.

В 2004 году, в 75-летний юбилей писателя, недалеко от села, на горе Пикет, открыт памятник В. М. Шукшину, созданный скульптором В. М. Клыковым.

Дом-музей В. М. Шукшина в д. Сростки

СЛОВАРЬ ИМЁН

известных писателей, литературоведов,
художников, которые упоминаются на страницах
учебника

Артоболовский Георгий Владимирович (1898—1943) — актёр, чтец, теоретик искусства декламации. Автор книги «Художественное чтение».

Лансере Евгений Евгеньевич (1875—1946) — график и живописец; книжные иллюстрации художника отличаются затейливой декоративностью, изяществом рисунка, точной передачей настроения.

Лихачёв Дмитрий Сергеевич (1906—1999) — литературовед и общественный деятель, академик Российской академии наук, крупнейший исследователь древней русской литературы, автор работ по истории русской культуры. Возглавлял правление Российского международного фонда культуры.

Коровин Валентин Иванович (род. в 1932 г.) — литературовед, доктор филологических наук, профессор, автор книги о творчестве русских писателей XVIII—XX веков, учебников для школьников и студентов.

Кузьмין Николай Васильевич (1890—1987) — художник-график, народный художник Российской Федерации; иллюстрации художника к произведениям А. С. Пушкина, Н. С. Лескова и других писателей отличает тонкая передача эмоционального состояния изображённых персонажей. Наиболее известны иллюстрации Н. Кузьмина к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин».

Кукрыныксы (коллективный псевдоним трёх художников: *Куприянова* Михаила Васильевича,

ча (1903—1991), *Крылова* Порфирия Никитича (1902—1990), *Соколова* Николая Александровича (1903—2000). *Кукрыниксы* — авторы иллюстраций к произведениям Н. С. Лескова, М. Е. Салтыкова-Щедрина, А. П. Чехова, М. Горького, мастера заострённой карикатуры, сатирического рисунка.

Кустодиев Борис Михайлович (1878—1927) — живописец, график, театральный художник. Создавал яркие, праздничные картины русского быта (картины «Масленица», «Ярмарка» и др.), иллюстрировал произведения классиков русской литературы.

Паустовский Константин Георгиевич (1892—1968) — писатель, мастер лирической прозы, передающей красоту среднерусской природы, тончайшие переживания людей. Известны его исторические повести, книги о людях искусства. Автор сказок для детей «Тёплый хлеб», «Похождения жука-носорога», «Дремучий медведь», «Заботливый цветок», «Квакша».

Савицкий Константин Аполлонович (1844—1905) — художник-живописец, запечатлел драматические стороны жизни русского народа. Наиболее известна картина «Ремонтные работы на железной дороге» (1874).

Сурков Алексей Александрович (1899—1983) — поэт, участник Великой Отечественной войны. Автор слов известной песни «В землянке» («Бьётся в тесной печурке огонь...»).

Чалмаев Виктор Андреевич (род. в 1932 г.) — литературовед. Автор книг о И. С. Тургеневе, А. П. Платонове, М. А. Шолохове, Е. И. Носове и других писателях. Автор учебников для школьников и студентов.

Чуковский Корней Иванович (настоящие имя и фамилия Николай Васильевич Корнейчуков)

(1882—1969) — писатель, литературовед, доктор филологических наук. Автор популярных произведений для детей («Мойдодыр», «Тараканище», «Доктор Айболит» и др.). Исследователь творчества Н. А. Некрасова, А. П. Чехова, У. Уитмена.

Шкловский Виктор Борисович (1893—1984) — писатель и литературовед. Автор книг о Л. Н. Толстом, Ф. М. Достоевском, В. В. Маяковском, воспоминаний о писателях, его современниках.

Шмаринов Дементий Алексеевич (1907—1990) — выдающийся художник-график, широко известны его иллюстрации к произведениям А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, М. Ю. Лермонтова, трагедиям У. Шекспира. Классикой российской книжной графики стали иллюстрации художника к прозаическим произведениям А. С. Пушкина — «Повести **Белкина**», «**Дубровский**», «Капитанская дочка», «Пиковая дама».

КРАТКИЙ СЛОВАРЬ ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ

Аллегория (*гр.* **allēgoria**, *alios* — иной и *агогеио* — говорю) — иносказательное изображение предмета или явления с целью наглядно показать его существенные черты. Часто аллегория лежит в основе загадки: «**Красна** девица сидит в темнице, а коса на улице», пословицы: «Чем дальше в лес, тем больше дров», басни.

Аллитерация (*лат.* *littera* — буква) — повторение однородных согласных звуков, придающее тексту особую выразительность: «**По** корням упругим топор **застучал**».

Амфибрахий (*гр.* **amphi** — кругом, *brachys* — краткий) — трёхсложный размер стиха, в строке которого повторяются группы из трёх **слов** — безударный, ударный, безударный (—´—): «В песчаных степях аравийской **земли...**»

Анапест (*гр.* *anapaistos* — отражённый назад) — трёхсложный размер стиха, в строке которого повторяются группы из трёх слогов — два безударных, ударный (— —´): «Я такого угла не **видал...**»

Анекдот (*гр.* *anecdotos* — неизданный) — краткий устный рассказ с остроумной концовкой.

Антитеза (*гр.* *antithesis* — противоречие, противоположение) — противопоставление образов, эпизодов, картин, слов. Антитеза помогает передать мысль и чувство, усиливает эмоциональность речи. Противопоставлены картины солнечного утра и вчерашнего вечера в стихотворении Пушкина «Зимнее **утро**».

Баллада (*прованс*.ballar — плясать) — стихотворный рассказ на легендарную или историческую тему. Реальное в балладе нередко сочетается с фантастическим (см., например, «Воздушный корабль» Лермонтова).

Басня — краткий иносказательный рассказ поучительного характера. Действующими лицами в басне часто выступают животные, предметы, в которых проявляются человеческие качества. Чаше всего басни пишут в стихах, но бывают и прозаические басни.

Гекзаметр (*гр.* hexametros — шестимерник) — античный стихотворный размер. В русском стихотворении гекзаметром называют размер стиха, в строках которого шесть раз повторяется группа из первого ударного и двух безударных слогов (дактиль): «Встала из мрака младая с перстами пурпурными **Эос**». Этим размером русские поэты переводили поэмы Гомера.

Герой (литературный) — персонаж, действующее лицо, художественный образ человека в художественном произведении.

Гипербола (*гр.* hyperbole — преувеличение) — чрезмерное преувеличение свойств изображаемого предмета: «И растёт ребёнок там не по дням, а по **часам**».

Дактиль (*гр.* dactilos — палец) — трёхсложный размер стиха, в строке которого повторяются группы из трёх слогов — ударный и два безударных (—): «Труд этот, Ваня, был страшно **громиден...**»

Диалог (*гр.* dialogos — разговор, беседа) — разговор двух или нескольких лиц. В пьесах, киносценариях диалог — основная форма раскрытия характеров. Диалог помогает показать человека в эпических произведениях, иногда встречается в

лирических произведениях («Железная дорога» Н. А. Некрасова).

Драматическое произведение, или драма (*гр. drama* — действие), — произведение, предназначенное для постановки на сцене. В драме характеры людей раскрываются в диалогах и монологах и непосредственно в действиях, поступках.

Жанр (*фр. genre* — род, вид) — вид художественных произведений: басня, повесть, рассказ и др.

Загадка — произведение устного народного творчества. В нём содержится иносказательное изображение предмета, по которому надо отгадать предмет: «Висит сито, не руками свито» (паутина).

Идея (*гр. idea* — идея) — основная мысль художественного произведения.

Инверсия (*лат. inversio* — перестановка) — необычный порядок слов, благодаря которому автор достигает особой выразительности речи: «Эк, какую кучу снега напустил в очи сатана!»

Интонация (*лат. intonare* — громко произносить) — основное выразительное средство звучащей речи, позволяющее передать отношение говорящего к предмету речи и собеседнику.

Ирония (*гр. eirōneia* — притворство, насмешка) — выражение насмешки. Употребление слова, под которым подразумевается противоположное значение: «Он даёт знать, что само появление такого ученика — редчайший праздник для нашего класса и лично для него...»

Киносценарий (*итал. scenario, лат. scaena* — сцена) — литературно-драматическое произведение, по которому ставится кинофильм. В киносценарии есть авторские описания, диалоги и монологи героев, авторский текст, звучащий за кадром, и иногда — пояснительные надписи.

Комедия (*гр. comóidia* — песня весёлой толпы) — драматическое произведение, в основе которого лежит юмор, смешное.

Композиция (*лат. compositio* — сложение, состав) — построение художественного произведения, расположение и взаимосвязь всех его частей, образов, эпизодов.

Легенда (*лат. legenda* — то, что должно быть прочитано) — произведение, созданное народной фантазией, где сочетаются реальное (историческое событие или лицо) и фантастическое («Легенда об **Арионе**»).

Лирическое произведение (*гр. lyricos* — поющий под звуки лиры) — произведение, в котором автор выражает своё душевное состояние, свои мысли о мире и человеке. Наряду с лирическими существуют произведения эпические и **драматические**.

Метафора (*гр. metaphora* — перенос) — слово или выражение, употреблённое в переносном смысле, вместо другого слова, потому что между обозначаемыми предметами есть сходство. «Тенькает синица меж лесных **кудрей**» — кудрями названа листва, потому что она похожа на кудри человека. В нашей речи много метафор: *шляпка* гриба, *ручка* двери, *узел* связи.

Метонимия (*гр. metonymia* — переименование) — слово или выражение, употреблённое вместо другого, потому что между обозначаемыми ими предметами есть связь (не сходство): «Не смеют, что ли, командиры чужие изорвать мундиры о русские **штыки?**» «Изорвать мундиры» — вместо «дать бой». «Помнит вся Россия» — помнят люди в России. В нашей речи много метонимий: съел целую *тарелку*, устал с *дороги*, читал *Пушкина*.

Мифы (*гр. mythos* — слово, предание, сказание) — сказания, передающие представления древних народов о происхождении мира, о явлениях природы, о богах и легендарных героях. Мифологические образы вошли в сокровищницу мировой культуры и активно используются в литературе и искусстве до нашего времени.

Монолог (*гр. monos* — один и *logos* — речь, слово) — речь одного человека в произведении. Монолог преобладает в лирических произведениях, употребляется в эпических — когда герой говорит сам с собой. В драматическом произведении это обстоятельное высказывание героя.

Новелла — малый прозаический жанр (разновидность рассказа). Новелла отличается строгостью композиции, остротой сюжета, отсутствием **описательности**.

Олицетворение — изображение неживых предметов в виде живых существ: **«ВЬЮГА ЗЛИЛАСЬ»**.

Описание — словесное изображение картины (портрет героя, пейзаж, внутренний вид комнаты — интерьер и др.).

Пейзаж (*фр. paysage*, от *païs* — страна, местность) — картина природы в художественном произведении.

Повествование — рассказ о событиях, фактах, действиях, поступках героя.

Повесть — один из видов (жанров) эпических произведений. По охвату событий и героев повесть больше, чем рассказ, но меньше, чем роман.

Поговорка — меткое, яркое народное выражение, часть суждения, без вывода, без заключения: «лёгко на **помине**», «бить **баклуши**».

Портрет (*фр. portrait* — изображение) — изображение внешности героя (его лица, фигуры, одежды) в произведении.

Пословица — краткое мудрое изречение, содержащее законченную мысль: «Век живи, век учись», «Без друга на сердце **вьюга**».

Поэзия (*гр. poiēsis, poieō* — делаю, творю) — 1) стихотворные произведения. Это могут быть произведения лирические («Узник» А. С. Пушкина), эпические («Сказка о мёртвой царевне и о семи богатырях») и драматические (пьесы в стихах); 2) поэтичность: прекрасное, глубоко действующее на чувство.

Поэма (*гр. poiēma* — творение) — один из видов лироэпических произведений: в поэме есть сюжет, события (что характерно для эпического произведения) и открытое выражение автором своих чувств (как в лирике).

Притча — небольшой рассказ, в иносказательном виде заключающий религиозное или моральное поучение.

Проза (*лат. prosa (oratio)* — прямая, свободно движущаяся речь) — произведения нестихотворные.

Прозаическая речь — речь, свободно движущаяся от предложения к предложению, нестихотворная. Но, как и стихотворная, это тоже художественная речь, в ней есть свой ритм и другие средства художественной выразительности.

Псевдоним (*гр. pseudōnymos*, от *pseudos* — вымысел, ложь и *onoma* — имя) — вымышленное имя, под которым автор публикует свои произведения. Антоша Чехонте — один из псевдонимов Чехова.

Рассказ — небольшое эпическое произведение, повествующее об одном или нескольких событиях в жизни человека.

Рассказчик — в литературном произведении образ человека, от лица которого ведётся повествование.

Ритм (*гр. rhythmos* — такт, соразмерность) — повторение однородных явлений через равные промежутки.

Рифма (*гр. rhythmos* — соразмерность) — созвучие окончаний стихотворных строк.

Роман (*фр. roman* — романский, романский язык; первоначально — повествование на романском языке) — большое повествовательное произведение, обычно отличающееся многообразием действующих лиц и разветвлённостью сюжета.

Сати́ра (*лат. satira* — букв. смесь, всякая всячина) — высмеивание, разоблачение отрицательных сторон жизни путём изображения их в нелепом, преувеличенном, карикатурном виде. Высмеивая зло, писатель-сатирик утверждает добро.

Символ (*гр. symbolon* — условный знак) — предмет, действие или слово, служащее условным обозначением какого-либо явления. Например, хлеб-соль — символ гостеприимства.

Сказ — жанр эпоса, опирающийся на народные предания и легенды. Повествование ведётся от лица рассказчика, человека с особым характером и складом речи.

Сказка — произведение устного народного творчества, повествование, основанное на вымысле. Различают сказки о животных, волшебные и бытовые. Кроме народных, есть сказки литературные, созданные писателями.

Сравнение — изображение одного предмета путём сравнения его с другим. У Гоголя «чёрт поджаривал... грешников с таким удовольствием, с каким обыкновенно баба жарит на Рождество колбасу».

Стих (*гр. stichos* — ряд, порядок, строй) — стихотворная строка, наименьшая единица деления стихотворных произведений. Слово «стихи» часто употребляется в значении «стихотворения».

Стихотворение — небольшое произведение в **стихах**.

Стихотворная речь — в отличие от прозы речь ритмически упорядоченная, состоящая из сходно звучащих отрезков — строк, строф. Часто в стихах имеется рифма.

Строфа (*гр. strophe* — поворот) — группа строк (стихов), составляющая единство, с определённым, повторяющимся расположением рифм.

Сюжет (*фр. sujet* — предмет, содержание) — последовательность и связь событий в художественном произведении.

Тема (*гр. thema*) — круг жизненных явлений, изображённых в произведении; то, о чём говорится в **произведении**.

Устное народное творчество, или фольклор (*англ. folk* — народ, *lore* — мудрость), — словесное поэтическое творчество народа. Виды устного народного творчества: пословица, поговорка, загадка, песня, сказка, легенда и др. Наряду с устным народным творчеством существуют народная музыка, народный танец, резьба по дереву и другие виды народного творчества.

Фантастика (*гр. phantastikē* — способность воображать) — мир невероятных, чудесных представлений и образов, рождённых воображением.

Феерия (*фр. feerie*; от *fée* — фея) — театральное или цирковое представление сказочного содержания, требующее пышной постановки и сценических эффектов.

Хорей (*гр. choreios*, от *choros* — хор) — двусложный размер стиха. В строке хорей ударные слоги нечётные, безударные — чётные (—):
«Буря мглою небо кроет...»

Художественная литература — один из видов искусства — искусство слова. Слово в художественной литературе — средство создания образа,

оно служит для изображения явления, выражения чувства и мысли. Другие виды искусства — живопись, музыка, скульптура, кино и др.

Эпиграф (гр. *epigraphē* — надпись) — краткое изречение (пословица, цитата), которое автор помещает перед произведением или его частью, чтобы помочь читателю понять главную мысль.

Эпизод (гр. *episodion* — случай) — отрывок художественного произведения, обладающий относительной законченностью.

Эпитет (гр. *epitheton* — приложение) — художественное определение предмета или явления, помогающее живо представить себе предмет, почувствовать отношение автора к нему: «Месяц величаво поднялся на небо...»

Эпическое произведение (гр. *epos* — слово, речь, рассказ) — произведение, в котором автор рассказывает о людях, об окружающем мире, о различных событиях. Виды эпических произведений — роман, повесть, рассказ, басня, сказка, притча и др. Кроме эпических, произведения бывают лирические и драматические.

Юмор (англ. *humour* — нрав, настроение) — изображение героев в смешном виде. Смех помогает человеку освобождаться от всего дурного, мелкого, пошлого. В отличие от сатиры юмор — смех весёлый, доброжелательный.

Ямб (гр. *jambos*, от названия музыкального инструмента) — двусложный размер стиха. В строке ямба ударные слоги чётные, безударные — нечётные (— '): «Мороз и солнце; день чудесный!..»

ЧТО ЧИТАТЬ ЛЕТОМ

О твоих ровесниках

В. Богомоллов. «Иван».

Л. Пантелеев. «Лёнька Пантелеев».

А. Свирский. «Рыжик».

А. Грин. «Бегущая по волнам» и другие повести и рассказы.

Н. Дубов. «Мальчик у моря».

Ю. Нагибин. «Эхо».

А. Маршалл. «Я умею прыгать через лужи».

Р. Погодин. «Сколько стоит долг» и другие рассказы.

В. Железников. «Путешественник с багажом», «Чучело».

О природе и животных

В. Бианки. «Одинец», «Аскыр», «Мурзук» и другие рассказы.

Г. Скребицкий. «От первых проталин до первой грозы».

Г. Троепольский. «Белый Бим Чёрное ухо».

Дж. Даррелл. «Моя семья и звери».

Классики отечественной литературы

Н. Гоголь. «Вечера на хуторе близ Диканьки», «Миргород».

А. Куприн. «Изумруд» и другие рассказы.

А. Пушкин. «Повести Белкина».

Л. Толстой. «Детство».

А. Чехов. «Налим» и другие рассказы.

Зарубежные классики

Ч. Диккенс. «Приключения Оливера Твиста».

А. Дюма. «Три мушкетёра».

В. Скотт. «Айвенго», «Квентин Дорвард».

М. Твен. «Приключения Гекльберри Финна», «Принц и нищий».

Ф. Шиллер. «Вильгельм Телль».

Майн Рид. «Всадник без головы».

Приключения, фантастика

А. Белаяев. «Человек-амфибия», «Ариэль».

Ж. Верн. «Двадцать тысяч льё под водой», «Таинственный остров».

И. Ефремов. «Звёздные корабли», «На краю Ойкумены».

Ф. Купер. «Последний из могикан», «Пионер», «Следопыт», «Зверобой».

Г. Мартынов. «Каллисто», «Каллистяне».

Г. Уэллс. «Человек-невидимка».

К. Булычёв. «Миллион приключений», «Девочка с Земли».

Р. Брэдли. «Ржавчина» и другие рассказы.

Содержание

Произведения русских писателей XX века

А. С. Грин	3
Алые паруса. <i>Феерия. Глава из феерии</i>	6
Фонохрестоматия. Слушаем актёрское чтение	29
А. П. Платонов	30
История создания сказки-были	
«Неизвестный цветок»	32
Неизвестный цветок. <i>Сказка-быль</i>	33
Развивайте свою речь	39
Фонохрестоматия. Слушаем актёрское чтение	—
М. М. Пришвин	40
Кладовая солнца. <i>Сказка-быль</i>	41
Будьте внимательны к слову	77
Литература и живопись	78
М. М. Пришвин о своих рассказах	—
К. М. Симонов	79
«Ты помнишь, Алёша, дороги Смоленщины...»	80
Д. С. Самойлов	83
Сороковые	84
Фонохрестоматия. Слушаем актёрское чтение	85
Учимся читать выразительно	
Художественное чтение и задачи чтеца	86
В. П. Астафьев	88
Конь с розовой гривой	91
Будьте внимательны к слову	111
В. Г. Распутин	113
Уроки доброты	—
Из истории создания рассказа	
«Уроки французского»	115
Уроки французского	—

<i>Будьте внимательны к слову</i>	155
<i>Литература и другие виды искусства</i>	156
Фонохрестоматия. Слушаем актёрское чтение	157

В. М. Шукшин	158
<i>«Странные люди» — герои Шукшина</i>	160
<i>В. М. Шукшин и его фильмы</i>	161
Срезал	162
Фонохрестоматия. Слушаем актёрское чтение	173
Ф. А. Искандер	174
Тринадцатый подвиг Геракла	175

РОДНАЯ ПРИРОДА

В СТИХОТВОРЕНИЯХ ПОЭТОВ XX ВЕКА	195
--	-----

А. А. Блок	—
Летний вечер	196
<i>«О, как безумно за ОКНОМ...»</i>	—

Фонохрестоматия. Слушаем актёрское чтение	197
--	-----

С. А. Есенин	198
<i>«Мелколесье. Степь и дали...»</i>	—
Пороша	199

Фонохрестоматия. Слушаем актёрское чтение	200
--	-----

А. А. Ахматова	—
<i>«Перед весной бывают дни такие...»</i>	201

Фонохрестоматия. Слушаем актёрское чтение	—
--	---

Н. М. Рубцов	202
Звезда полей	—

Фонохрестоматия. Слушаем актёрское чтение	204
--	-----

Учимся читать выразительно

<i>Элементы интонации</i>	—
-------------------------------------	---

Из литературы народов России

Г. Тукай	206
Родная деревня. Перевод В. Тушновой	207
Книга. Перевод М. Петровых	208

К. Кулиев	209
«Когда на меня навалилась беда...» <i>Перевод</i>	
Н. Гребнева	211
«Каким бы малым ни был мой народ...»	—

Из зарубежной литературы

МИФЫ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ	213
Подвиги Геракла	214
Скотный двор царя Авгия (шестой подвиг)	215
Яблоки Гесперид (двенадцатый подвиг)	218
Легенда об Арионе	224
ПРОИЗВЕДЕНИЯ ЗАРУБЕЖНЫХ ПИСАТЕЛЕЙ	227
Гомер	—
Гомер и его поэмы «Илиада» и «Одиссея»	—
Значение поэм Гомера	230
Несколько слов о содержании поэм	
Гомера «Илиада» и «Одиссея»	231
Илиада. Песнь восемнадцатая.	
Изготовление оружия. <i>Отрывок из песни.</i>	
Перевод В. Вересаева	233
Одиссея. Одиссей на острове циклопов.	
Полифем. <i>В сокращении. Перевод</i>	
В. А. Жуковского	243
Литература и другие виды искусства	262
М. де Сервантес Сааведра	263
И. Ф. Шиллер	266
Перчатка. <i>Перевод М. Ю. Лермонтова</i>	267
Перчатка. <i>Перевод В. А. Жуковского</i>	269
Фонохрестоматия. Слушаем актёрское чтение	272
П. Мериме	273
Маттео Фальконе. <i>Перевод О. Лавровой</i>	275
Сравним прозаический и стихотворный	
тексты	292
А. де Сент-Экзюпери	294
Маленький принц. <i>Отрывок из сказки.</i>	
Перевод Н. Галь	297
Фонохрестоматия. Слушаем актёрское чтение	314

Справочный раздел

ЛИТЕРАТУРНЫЕ МЕСТА РОССИИ	315
М. М. Пришвин. Деревня Дунино	—
В. М. Шукшин. Село Сростки	317
СЛОВАРЬ ИМЁН	318
КРАТКИЙ СЛОВАРЬ ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ . .	321
ЧТО ЧИТАТЬ ЛЕТОМ	330

Учебное издание

**Полухина Валентина Павловна, Коровина Вера Яновна,
Журавлёв Виктор Петрович, Коровин Валентин Иванович**

ЛИТЕРАТУРА

6 класс

Учебник

для общеобразовательных учреждений

В двух частях

Часть 2

Зав. редакцией *В. П. Журавлёв*

Редакторы *М. С. Вуколова, Е. И. Правоторова*

Художественный редактор *А. П. Присекина*

Технический редактор и верстальщик *Н. В. Лукина*

Корректоры *А. К. Райхчин, Е. Д. Светозарова*

Налоговая льгота — Общероссийский классификатор продукции ОК 005-93—953000. Изд. лиц. Серия ИД № 05824 от 12.09.01. Подписано в печать 17.06.10. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура Школьная. Печать офсетная. Уч.-изд. л. 14,16 + 0,42 форз. Доп. тираж 60 000 экз. Заказ № 3351.

**Открытое акционерное общество «Издательство «Просвещение».
127521, Москва, 3-й проезд Марьиной рощи, 41.**

**Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленных
издательством материалов в ОАО «Тверской ордена Трудового Красного
Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР».
170040, г. Тверь, проспект 50 лет Октября, 46.**

Дон Кихот

Шлем — надтреснутое блюдо,
Щит — картонный, панцирь жалкий...
В стременах висят, качаясь,
Ноги тощие, как плети.

Но зато, как много детской
Доброты в улыбке нежной,
И в лице худом и бледном
Сколько веры безмятежной.

.....

Он не чувствует, не видит
Ни насмешек, ни презренья;
Кроткий лик его — так светел,
Очи — полны вдохновенья.

Смейтесь люди, но, быть может,
Вы когда-нибудь поймете,
Что возвышенно и свято
В этом жалком Дон Кихоте:

Святы в нем — любовь и вера, —
Этой верою согреты
Все великие безумцы,
Все пророки и поэты!

Д. С. Мережковский